

Серия
Герои нашего времени

Н. И. Кротов

Экономическая летопись России

**РОЗА АЛЕКСАНДРОВНА
ГУНДОРОВА
ЖИЗНЬ ГЛАЗА В ГЛАЗА**

**АНО
«Экономическая летопись»**

**Москва
2021**

УДК 929.52

ББК 5г

К85

Кротов Н. И.

К85 Роза Александровна Гундорова. Жизнь глаза в глаза. — М.: Экономическая летопись, 2021. — 236 с.; ил.

ISBN 978-5-903388-39-4

Внимание читателей предлагается живой рассказ о Розе Александровне Гундоровой — известном хирурге, профессоре, учёном с мировым именем, основателе школы офтальмотравматологов России, под руководством которой были защищены 93 кандидатских и 22 докторских диссертации, более полувека возглавлявшей отдел травм органа зрения, реконструктивной хирургии, пластической хирургии и глазного протезирования ФГБУ «МНИИ глазных болезней им. Гельмгольца». Правдивость повествования о ней подтверждают свидетельства коллег и документы.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

Оформление обложки **В. Плохенко**

Редактор **М. Сергеева**

Корректор **М. Сергеева**

Все права защищены

Любая часть этой книги не может быть использована в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ISBN 978-5-903388-39-4

9 785903 388394

ISBN 978-5-903388-39-4

© АНО «Экономическая летопись», 2021
© Кротов Н. И., 2021
© АНО «Экономическая летопись»,
оригинал-макет, дизайн, 2021

*Посвящается памяти моей сестры
Гундоровой Розы Александровны.*

Вилен Гундоров

Тумарова

*Человек не умирает до тех пор,
пока живут знавшие его.*

Чингиз Айтматов

*Великие женщины были в истории во все времена.
Но особый интерес вызывают успешные женщины
обозримого прошлого и нашего времени. Их опыт
и вдохновляющие истории успеха приносят
практическую пользу современницам.*

Маргарет Тэтчер

К ЧИТАТЕЛЯМ

Ещё несколько лет назад я и представить себе не мог, что возьмусь за написание этой книги. Глаза не требовали от меня излишнего внимания: уже приближаясь к седьмому десятку и превзойдя такое же количество написанных книг, я никогда не носил очков. Институт Гельмгольца я посещал пару раз исключительно с исследовательскими целями. Из всех офтальмологов знал только Станислава Фёдорова, да и то скорее по причине его активной общественно-политической деятельности.

С Розой Александровной судьба меня никоим образом не сталкивала...

Так что только убедительное настояние моей коллеги заставило меня на первом этапе согласиться, как сказали бы в XX веке, взяться за перо. Что для меня, успевшего помучиться на уроках чистописания, не просто фигура речи.

Итак, я давно убедился, что книги живут своей жизнью.

Как-то, проходя вынужденный медосмотр, разговорился с офтальмологом, скажем так, зрелого возраста. Буквы я называл довольно бодро, и вскоре, чтобы заполнить паузу, пока он писал свою «резолуцию», у нас завязалась беседа, и я обмолвился, что имею предложение написать книгу о знаменитом профессоре из Института Гельмгольца. Доктор переспросил меня: «О Розе Александровне Гундоровой?» Заметьте, я не произнёс её фамилии, имени и даже гендерной принадлежности! Так раздался первый звонок — я понял, что у меня есть возможность притронуться к истории человека, явно олицетворяющего собой целое направление в медицине.

Далее я прочитал книгу чрезвычайно интересного человека, отца Розы Александровны — Александра Семёновича Гундорова — «Революцией мобилизованный». Из неё выяснилось, что лучшим другом отца Розы Александровны бал некий Коля Кротов. Было это, правда, более ста лет назад, в самом начале XX века, в Костроме, но тем не менее улыбки вечности (её ныне называют Big Data) я стараюсь не пропускать.

В дальнейшем выяснилось, что в домах, где жила семья Гундоровых, я неоднократно бывал...

Моя коллега познакомила меня с братом Розы Александровны. Встреча с Виленом Александровичем Гундоровым и его супругой окончательно сняла мои сомнения.

К тому моменту я уже написал десяток книг, посвящённых незаурядным людям, в основном они представляли и представляют финансово-банковский сектор — это Виктор Владимирович Геращенко, Андрей Андреевич Козлов, Борис Григорьевич Фёдоров... Из этого списка выделялась лишь книга о про-

фессоре МВТУ им. Баумана Борисе Викторовиче Орлове. Все они яркие герои нашего времени, неординарные люди, имеющие своих симпатизантов и критиков.

Но автору (говорю, впрочем, о себе) свойственно в своих героях влюбляться.

После рассказов коллег, друзей и счастливых пациентов Розы Александровны (счастливых, конечно, оттого, что вовремя они попали именно к ней) не полюбить её было нельзя.

Дополнительно пленило меня отмечаемое практически всеми чувство юмора профессора. Давно убедился, что умные люди не всегда им обладают, а глупые точно от него далеки.

В результате я решил изданием о Розе Александровне открыть свою новую серию книг с названием «Герои нашего времени».

В заключение хочу выразить благодарность всем, кто захотел поделиться своими воспоминаниями о Р.А. Гундоровой (и сделал это), а также её брату Вилену Александровичу, без которого книга, очевидно, не увидела бы свет.

Особую благодарность автор и брат Розы Александровны Вилен Александрович выражают Елене Борисовне Орловой, большому другу Розы Александровны, представившей свои воспоминания, внёсшей существенный вклад в работу над этой книгой и, наконец, подвигнувшей меня взяться за её подготовку, о чём я, конечно, не жалею.

НА ТАКИХ ЗЕМЛЯ ДЕРЖИТСЯ

Смотря на ветви, что колеблемы ветрами,
На корни, что торчат из-под земли,
Как дерево, растущее веками,
Я представляю родословную семью.

Чрез ствол традиций по коре устоев,
Что за века ни разу не согнулись,
К ветвям-потомству сок идёт,
И ветви древа в вечность протянулись.

Владимир Гойзман

Род князей Гундоровых происходит от князей Стародубских.

В родословной князей Стародубских, находящейся в Бархатной и других родословных книгах, показано, что потомок великого князя Владимира Святославовича, крестившего Русскую землю, князь Иван Всеволодович получил от брата своего великого князя Ярослава Всеволодовича в 6746/1238 году в удел Стар-Дуб и от того пошли князья Стародубские. У праправнука сего Великого князя Ивана Всеволодовича, князя Андрея Фёдоровича был правнук князь Иван Фёдорович Гундор, коего потомки князья Гундоровы Российскому престолу служили в разных чинах и жалованы были от государей поместьями и другими знаками почестей и монарших милостей. Всё сие доказывается сверх Российской истории, Бархатною книгой, справкой Разрядного архива, справкой Вотчинного департамента и родословной Гундоровых, означенными в определении Казанского дворянского собрания.

Гундоровы — русский княжеский род, ветвь князей Стародубских. Князь Фёдор Давыдович Палецкий Пёстрый (XVI колена от Рюрика) имел трёх сыновей, которые все носили прозвище Тундор. Князь Давыд Васильевич Гундор был воеводою при Иване Грозном; князь Андрей Иванович (умер в 1611 году) — окольничим. Потомство первого из них существовало ещё в первой половине нынешнего столетия. Род Гундоровых внесён в V часть родословной книги Казанской губернии (Гербовник, VII, I).

Описание герба рода князей Гундоровых: «В щите, разделённом на шесть частей, посредине находится серебряный щиток, в коем виден раздражённый чёрный медведь, разоряющий передними лапами муравьиное гнездо, находящееся у корня старого дуба, поставленного на правой стороне. В первой и шестой частях в голубом поле дерево — старый дуб. Во второй части в золотом поле чёрный одноглавый орёл с распёртыми крыльями. В третьей и чет-

вёртой частях в красном поле видна в латах рука с мечом, выходящая с левой стороны из облака. В пятой части в золотом поле изображен ангел. Щит увенчан тремя шлемами с княжеской на каждом шапкою, из коих на первом шлеме поставлено дерево старой дуб, на среднем в латах рука с саблею, а на последнем шлеме выходящий медведь. Щит держат два медведя. Весь щит покрыт мантиею и шапкою, принадлежащими княжескому достоинству».

Роза Александровна Гундорова, по всей видимости основываясь на домашних преданиях, считала что её род — потомки князей Гундоровых. Но нам не удалось обнаружить прямую документарную связь знатных Гундоровых с нашей героиней. Но и без этого знатного ореола Гундоровы, о которых пойдёт речь в этой книге, оставили заметный след в истории России.

И главными героями этой книги станут в первую очередь Александр Семёнович Гундор и его дочь Роза Александровна Гундорова.

Родственников у Розы Александровны оказалось много. Её брат Вилен Александрович сумел проследить генеалогические связи своего рода до IV колена. И даже это далеко не полное древо заняло два ватманских листа.

Среди его родных священники, военные (в том числе и медики), моряки-подводники, гражданские лица — психологи, учителя, архитекторы, художники, кузнецы, машинисты, крестьяне. Многие из них защищали нашу страну во время Великой Отечественной войны, были на фронте. Несколько человек стали профессорами и генералами.

Их родовыми фамилиями были: Гундоровы, Красовские, Трубниковы, Бабушкины, Соболевы, Скобцовы, среди родственников есть даже Орловы и Пушкины.

Можно сказать, что родные Розы Александровны — большие труженики, очень решительные люди и в основном формировавшие себя самостоятельно-

но. Вот только один пример. Прабабушка Розы Александровны — Марья Гурьевна Трубникова, жена прадеда Александра Ивановича Гундорова, была дочерью трактирщика в посаде Большие Соли Ярославской провинции.

Трактир Александра Ивановича был самый большой в посаде. Сам он был кузнецом. Когда Александра Ивановича призвали в армию, и он 18 лет служил в Москве, то его жена — Марья Гурьевна — встала к горну.

Как и большинство семей в России того времени, их семьи были многодетными.

Так у деда Розы Александровны — Семёна Александровича Гундорова — и его жены Татьяны Константиновны Бабушкиной было восемь детей. Семён Александрович родился в Костроме. Погиб во время Великой Отечественной войны в 1942 году. Похоронен в братской могиле под селом Чернушки Ленинградской области.

У прадеда Розы Александровны — Александра Красовского, священника в Больших Солях — и его жены Марьи Ивановны было восемь детей. Их внук Юрий Сергеевич Красовский стал врачом и заведовал детским отделением Центральной клинической больницы (ЦКБ). Хирургом, профессором была и его жена Татьяна Васильевна Красовская. По их стопам пошли их дочь Катя и внучка Наташа; Наталья во время первой волны пандемии COVID-19 работала в красной зоне клиники 1-го Медицинского института.

О двух представителях рода Гундоровых и пойдёт речь в этой книге...

ИСХОД

Даже на самых хороших детей и родителей влияет их окружение.

Бенджамин Спок

Родители Розы Александровны были людьми, о которых, безусловно, есть что рассказать.

Отец — Александр Семёнович Гундоров — человек, сделавший себя сам: костромской рабочий паренёк, ставший вначале боевым генералом, а затем — политическим и общественным деятелем.

Отец Розы Александровны — Александр Семёнович

По-своему выдающейся была и его супруга, мама Розы Александровны, Надежда Ивановна Красовская, тоже костромчанка, вышедшая из учительской семьи, имевшая огромный потенциал крупного общественного деятеля, но пожертвовавшая им во имя семьи и мужа. Она всячески поддерживала Александра Семёновича и, безусловно, помогла ему.

Мама Розы Александровны — Надежда Ивановна

Во многом результатом её усилий стали очень интересные воспоминания Александра Семёновича, опубликованные в канун 50-летия Великой Октябрьской Социалистической революции под названием: «Революцией мобилизованный». (М: Сов. Россия, 1968).

Надежда Ивановна происходила из старинной (известной с 1617 года) деревни Мантурово (с ударением на первый слог) Кологривского уезда Костромской губернии, что располагалась среди костромских лесов в живопис-

ном месте на крупном притоке реки Волги — Унже, в 261 км от губернского центра — Костромы.

Кострома. Начало XX века. Фото С. М. Прокудина-Горского

Из-за выгодного географического положения, начиная со второй половины XIX века небольшая деревенька быстро росла. Этому способствовало открытие Кологривским уездным земством в марте 1870 года на её окраине ежегодных Никольских ярмарок (в конце XIX века они проводились 9 мая, 6 декабря и в мясное заговение на Великий пост) и еженедельных воскресных базаров, что послужило первым толчком к росту населения близлежащих деревень и появлению в Мантурове торговцев и купцов. Кстати, ниже по течению реки находился город Макарьев, славившийся своими знаменитыми торговыми ярмарками.

Мантурово. Начало XX века

Способствовало экономическому развитию этого района и открытие в 1872 году судового пароходства по реке Унже. У села Николо-Мокровское, в полуверсте от деревни Мантурово, была обустроена пристань. Ещё более мощным толчком для развития Мантурова и окрестных деревень стало открытие в ноябре 1906 года сообщений по железной дороге Вологда — Вятка (входящей в северный ход Транссиба), проведённой в непосредственной близости от деревни. Появляется станция Мантурово Северной железной дороги.

Железнодорожный вокзал в Мантурове 1905 года постройки

В результате вскоре, перед Первой мировой войной, река Унжа по объёмам сплава леса занимала второе место в Европейской части России, а вблизи станции Мантурово были построены четыре лесопильных завода.

Мантурово стало воротами для двух расположенных на этой же реке уездных городов — Кологрива и Макарьева. К 1917 году по объёмам промышленного производства Мантурово с окрестными деревнями и заводскими посёлками значительно превосходило старинный уездный город Кологрив.

К моменту рождения Надежды Ивановны деревня Мантурово стала селом, в нём был построен и освящён Свято-Никольский храм, в котором служил её дед Александр Красовский, где крестили Надю, её сестёр и братьев. Все они получили образование, окончив Николо-Мокровскую двуклассную церковно-приходскую школу. Девочки впоследствии стали учителями.

Свято-Никольский храм в Мантурове, где священником служил Александр Красовский — прадед Розы Александровны

В качестве курьёза, который должен был запечатлеться в памяти юной Надежды, отметим, что в небогатом событиями провинциальном селе в конце XIX века стал сенсацией показ на местной ярмарке «волосатых людей» Андриана Евтихеева и Фёдора Петрова, уроженцев деревень Коровино и Березники, расположенных вблизи Мантурова. Уже тогда были специалисты делать деньги на подобных «нетрадиционных» проявлениях. Эти «экспонаты» местного происхождения будут представлены на многих российских ярмарках, а несколько позднее и в заграничных паноптикумах, благодаря чему их имена даже были упомянуты в словаре Брокгауза и Эфрона.

Про детство отца Розы Александровны известно больше. Родился будущий генерал 29 января 1895 года в родовом посаде Большая Соль (Соль Великая), по новому административному делению входящем в Костромской уезд Костромской губернии. Теперь это посёлок городского типа Некрасовское Ярославской области.

Немного населённых пунктов в России имели наименование Великий. В Ярославской области такой чести были удостоены Ростов Великий и посёлок Соль Великая. Был ещё Великий Устюг и Великий Новгород. Пожалуй, и всё.

Посад этот ненамного младше Москвы. С XII по XVI век он был крупнейшим центром солеварения Руси. В Больших Солях в период расцвета было не менее 20 солеваренных заводов, одна из солеварен была царская.

Первое летописное упоминание об этом тогда ещё селе произошло в 1214 году. В «Летописце Переславля-Суздальского» говорится: «Того же лѣта пакъ зача Константинъ рать: отъять у Гюрги Соль Великую, а у Ярослава отъять Нерехоть».

Центральная часть Больших Солей. Начало XX века. В центре — Никольская церковь, справа — церковь Рождества Богородицы

Большие Соли. Ярмарка. Фото кон. XIX — нач. XX века

Ярмарка в Больших Солях считалась самой большой в Костромском уезде. Она начиналась ежегодно 8 сентября и проходила 7 дней. Была здесь своя аптека, земская больница и Богадельня им. К. А. Попова. Было в посёлке отделение общества пчеловодов и сельскохозяйственное общество.

Невдалеке от села, у впадения реки Солоницы в Волгу, располагается мужской православный Николо-Бабаевский монастырь, действующий и ныне. В нём находились три древних чудотворных иконы, но особо почиталась икона Святого Николая Чудотворца, явившаяся на бабайке (рулевое весло). Она и дала название монастырю, в котором вновь появились монахи и который ныне возрождается.

А в 1861–1867 годах в монастыре (или Больших Солях) жил на покое известный святитель Игнатий (Брянчанинов). Здесь он вёл уединённую молитвенную жизнь, создал многие известные сочинения («Приношение современному монашеству», «Отечник» и др.), поддерживал активную переписку со своими духовными детьми. После кончины, в 1867 году, он был похоронен здесь же, около малой больничной церкви Сергия Радонежского.

По рассказам сына Александра Семёновича Гундорова — Вилена Александровича, — как-то он, посетив свои родовые места, привёз в Москву большой камень с могилы Игнатия и расположил его на даче в Удельной.

В Бабайском монастыре неоднократно бывал уроженец этих мест поэт Николай Некрасов. Его детство прошло неподалёку, на противоположном берегу Волги — в селе Грешнево. Монастырь упомянут поэтом в стихотворении «Горе старого Наума»: «Вблизи — Бабайский монастырь, село Большие Соли...» Это село под названием Усолово показано также в его известной поэме «Кому на Руси жить хорошо».

*Никола-Бабайский монастырь. Общий вид. 1910 год.
Фото С. М. Прокудина-Горского*

В знаменитом альбоме цветных фотографий Сергея Михайловича Прокудина-Горского, сделанных в период с 1905 по 1915 год, есть фотографии монастыря и его посетителей. На эти снимки мог попасть и юный Александр.

С. М. Прокудин-Горский (1863–1944 гг.)

Эти края богаты талантами. Всем здесь известны большесольские мастера высшего уровня братья Сорокины. Старший из них, Евграф Семёнович, взяв в помощники брата Павла, участвовал в создании крупнейшей по масштабу живописной работы второй половины XIX века — росписи храма Христа Спасителя в Москве. Василий выполнил мозаичные работы в Исаакиевском соборе в Санкт-Петербурге, за что получил звание академика. Павел расписывал стены храма.

В 1841 году император Николай I во время пребывания в Ярославле обратил внимание на работы Евграфа Сорокина и повелел отправить его для обучения живописи в Академию художеств. По окончании академии Сорокина наградили большой золотой медалью и он уехал для продолжения учения за границу, посетил Германию, Францию, Испанию, Сирию, Египет. Вернувшись в Россию, занял место преподавателя в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. В то время, получив заграничное образование, старались всё-таки возвращаться на Родину..

Большесольские мастера сделали резной иконостас для церкви Ильи Пророка в Ярославле. Местный архитектор-самоучка С. А. Воротилов построил соборную колокольню в Костроме, а его правнук в 1840 году — Гостиный двор в Больших Солях.

Большим человеком в посаде был чайный король Константин Абрамович Попов — купец, промышленник, благотворитель и общественный деятель, крупнейший российский торговец чаем. Его главная контора располагалась в Москве на Кузнецком Мосту. На деньги Попова были открыты двухлетнее Николаевское училище и техническое училище, в котором учился Александр Гундоров.

Практически ровесниками Александра Семёновича были архитекторы братья Трубниковы, много строившие в Ростове Великом.

Из лепщиков ближайшего села Рыбницы вышел и известный скульптор, автор памятника Пушкину в Москве, А. М. Опекушин.

Нельзя не вспомнить и знаменитого баса Владимира Касторского, звезду Мариинского театра, некогда конкурента Фёдора Шаляпина. Он тоже родом отсюда.

Скорее всего, был знаком Александру фактически его одногодка, родившийся в 1897 году в Больших Солях, Алексей Александрович Блохин — первооткрыватель башкирской нефти (сделавший республику вторым Баку), основатель города Ишимбая. Автор этой книги родом из Уфы и не смог пройти мимо такого земляка своего героя.

В начале XX века в посаде жило 1285 жителей. Они наверняка друг друга знали, если не были родственниками. Тем более что большинство из них учились в сельской школе посада.

Семья Гундоровых, судя по всему, считалась зажиточной. Имела каменный дом и кузницу, которая находилась в ряду других семи кузниц на северной окраине Больших Солей, естественно на Кузнецкой улице.

Дело было налажено серьёзно: кузница с двумя горнами и третьим запасным, с двумя добротными станками дляковки лошадей, была каменной. Вместе с отцом-кустарём в кузнице работали старшие сыновья Константин и Николай. Гундоровы брали ещё за молотобойца парня-ученика. Кроме уже названных братьев, в семье было ещё три брата и три сестры. Александр был самым младшим.

Александр Семёнович рассказывал: *«У отца в кузнице, кроме того, имелась сверлилка, верстачок с тисками и набором слесарного инструмента, что давало возможность братья и за слесарные работы. Когда случались аварии на мельницах или на волжских пароходах, то обращались за помощью к нам. Издавна славилась наша кузница и мастерством работников. Эту славу стяжал ещё дедушка, восемнадцать лет прослуживший в армии и получивший там навыки не только крестьянской, но и городской работы. Отец тоже считался хорошим мастером, но полностью дедушкино искусство и славу перенял брат Константин. Он постиг многие тайны железа и стали, виртуозно владел кузнечным инструментом и относился к своей работе, как к искусству. У дедушки в кузнице бывал поэт Некрасов, и отец нам рассказывал, как мальчиком помогал деду ковать некрасовскую лошадь и даже хранил полученный за работу рубль».*

Переданная отцом страсть к железу привела Александра после окончания четырёхлетней начальной сельской школы в Ремесленную школу им. Константина Семёновича Попова (племянника Константина Абрамовича — его наследника и душеприказчика). Здесь можно было получить специальность художника, резчика, кузнеца, слесаря и даже бухгалтера. Кроме специальных предметов Александр Гундоров изучал физику, технологию материалов, черчение, рисование и Закон Божий. Учителями Александра в школе были слесарно-кузнечный мастер Андрей Фёдорович Максимов и токарный мастер Николай Яковлевич Волконский.

Хотелось бы отметить, что товарищем Александра по ремесленной школе был Коля Кротов, впрочем, это важно, видимо, только автору книги. Однако, Александр Семёнович вспоминает и жандарма Кротова — видимо, фамилия в этих краях не редкая.

Следует сказать, что в то время в ремесленных школах в течение четырёх лет готовили мастеров и квалифицированных рабочих и учиться в них могли лишь дети зажиточных людей. Впрочем, Александр уже в этом возрасте отрабатывал потраченные на него деньги, трудясь молотобойцем в кузнице отца.

Кстати, ранее живописное отделение этой же школы окончил один из его старших братьев — Иван. Проявив большие способности в своей специальности, он продолжил обучение в Пензенском художественном училище.

Шло время, и происходящие в стране события не могли обойти стороной и «патриархальную глубинку». Александр Семёнович называет себя одним

из «детей революции 1905 года, участниками которой стали наши предшественники по ремесленной школе». Он рассказывал: *«Революция прошла через наши семьи, задев и нас самих. Мои братья, Константин и Николай, тогда только вернулись из армии, причём Николай — с Дальнего Востока, а брат Иван прибыл как забастовщик из Пензы. Мы с сёстрами, тоже школьницами, были свидетелями горячих споров братьев с отцом, который придерживался реакционных взглядов. Мы были за братьев. На улице играли с ребятами в революцию и даже в изготовление прокламаций».*

Окончив училище в 1912 году, получив звание подмастерья слесарно-кузнечного дела, Александр став металлистом-универсалом. Однако к тому моменту заявок с приглашением выпускников на работу не было, и руководство школы не могло ничего предложить своим выпускникам. Каждый сам должен был искать для себя работу. Как это узнаваемо сегодня!

Начиналась взрослая самостоятельная жизнь. Александр год проработал помощником слесаря за 80 копеек в день, затем токарем, наконец, помощником машиниста на станции Дно Московско-Виндавско-Рыбинской железной дороги, где уже раньше работал брат Николай.

Станция Дно Московско-Виндавско-Рыбинской железной дороги. 1914 год

Станция эта известна двумя разновеликими историческими событиями, произошедшими уже после того, как Александр Гундоров её покинул.

1 марта 1917 года на станцию Дно прибыл поезд Николая II. Император назначил здесь встречу председателю Государственной думы Михаилу

Родзянко, однако тот прибыть не смог, и поезд двинулся в Псков, где на следующий день Николай подписал отречение от престола.

Менее значительное событие описал в 1926 году в своём стихотворении «Дама сдавала в багаж» Самуил Яковлевич Маршак:

Хватились на станции Дно:
Потеряно место одно.
В испуге считают багаж:
Диван, чемодан, саквояж...

Продолжал рабочие университеты Александр уже в Санкт-Петербурге, поступив в 1913 году на работу помощником токаря на литейно-механический завод «Сан Галли» на Лиговском проспекте, а вскоре перейдя на работу на Петроградский механический и литейный завод «Вулкан». Здесь был всего девятичасовой рабочий день, заработки в два раза выше, а работали там, по словам Александра, *«люди буквально всех партий и течений, какие только имелись в рабочем движении того времени»*.

В такой обстановке молодой рабочий не мог оставаться в стороне от происходящих событий. Именно эти заводские проходные, как поётся в песне, его «в люди вывели».

Предреволюционные события 1913–1914 годов захватили молодого рабочего паренька, подсказали, как писал Владимир Маяковский, «в каком идти, в каком сражаться стане». 9 января 1914 года во время забастовки в память Кровавого воскресенья 1905 года на заводе «Вулкан» произошло его боевое крещение — он был арестован и провёл в тюрьме два месяца.

После начала Первой мировой войны старшие братья были призваны в армию, а Александру предоставили льготу и зачислили в ратники 2-го разряда. Дело в том, что его отец имел предельный возраст, а с этим тогда считались.

Покинув вскоре завод «Вулкан», он идёт на работу на «кузницу революционных кадров» — Обуховский завод Военно-морского министерства, в рядную мастерскую. Это уже не Великие Соли. В 1914 году на заводе работают 10 266 человек. Как и многие другие пареньки, в 1915 году Александр вступает в ряды РСДРП — Российской социал-демократической рабочей партии, примыкая к большевикам.

Молодая кровь кипит, Гундоров вскоре входит в состав подпольного Невского райкома партии. Занимаясь революционной работой, знакомится с Владимиром Бонч-Бруевичем, Максимом Горьким, Анатолием Луначарским... Участвует в Февральской и Октябрьской революциях 1917 года, как связной от Невского райкома партии находился в Смольном. Встреч тогда было много. Гундоров рассказывал, что отвечавший за доставку «Правды» член райкома в течение долгого времени привозил газету на автомашине директора Императорского фарфорового завода, ставшего потом членом-корреспондентом АН СССР, Н. Н. Качалова

и его жены, великолепной артистки Александрейского театра Е. И. Тиме. Александр участвовал во встрече В. И. Ленина на Финляндском вокзале, занимался организацией его выступления перед рабочими района.

Авторитет тогда завоёвывался быстро, как и рано выросли. И вот Александр Семёнович, которому едва исполнилось 22 года, стал комиссаром на стратегически важных станциях Рыбницкая (последняя на Северной железной дороге перед Петроградом, ныне это сортировочная станция Волховстрой-1 в городе Волхов Ленинградской области) и Званка, находящейся более чем на сотню километров дальше от Петрограда. Отсюда дорога вела к незамерзающим портам Баренцева моря.

Прежде чем стать комиссаром на этих станциях, Гундорову с отрядом рабочих сначала следовало занять станцию, а на ней телеграф. Выполнив эту задачу, он оставил там пару красногвардейцев для контроля за работой и наблюдением за движением поездов и отправился дальше вершить дела.

Ведь, по воспоминаниям А. С. Гундорова, он услышал на станции от прибывших сюда очевидцев, что союзники завезли в Мурманск горы продуктов, которые по весне испортятся. В то время как Петроград голодал, допустить этого было нельзя. Потому Александр с готовностью согласился стать помощником руководителя Мурманской военно-продовольственной экспедиции.

Для осуществления задуманного был сформирован отдельный эшелон, в него разместили роту Литовского полка, который отправился на север через мятежные земли, где шла гражданская война между финскими рабочими и отрядами белофиннов.

Операция оказалась бессмысленной — никакого продовольствия в Мурманске не оказалось. И, вернувшись из экспедиции, Александр поехал на родину, в Костромскую губернию, устанавливать там советскую власть. В Костроме его как уже опытного и проверенного руководителя назначили членом Коллегии костромского Совета народных комиссаров. Он участвует в национализации нефтескладов, подавлении контрреволюционного Ветлужского восстания, организованного агентами Северной добровольческой армии.

Там произошло событие, которое могло сделать дальнейшее повествование бессмысленным. Вот как его описывает наш герой: *«15 августа 1918 года был схвачен бельми. Во время обыска обнаружили удостоверение члена Костромского губисполкома и приговорили к расстрелу, и только чудом спасся. Находясь под стражей, надел чью-то матросскую шинель и бескозырку. При переключке отказался назвать свою фамилию, и тут выручила бескозырка. На её внутренней стороне была написана фамилия владельца. Меня перевели в тюрьму. А из неё был освобождён Красной гвардией. Сразу же пошёл к фотографу и снялся в спасшей меня матросской форме. Эту дорожку для меня фотографию храню до сих пор. Жаль только, что не записал фамилию, которая спасла мне жизнь»*.

Речь идёт об одном из самых длительных, масштабных и организованных антисоветских выступлений в Ветлужском и Варнавинском уездах Нижегородской области. Оно вспыхнуло в августе 1918 года. Крестьянство с большим озлоблением встретило решение власти по учёту и изъятию «излишков» хлеба, а также репрессивные меры за укрытие продовольствия. Вовлечённые в стихию Гражданской войны, противоборствующие стороны доходили до проявления крайней жесткости. В составе восставших числилось до 10 тысяч человек.

Кампания по изъятию «излишков» хлеба у населения и установления твёрдых цен на него среди жителей Уренского края, через территорию которого хлеб доставлялся в родную Александру Костромскую губернию, проводилась при поддержке отрядов Красной гвардии.

Именно тогда, в октябре 1918 года, Александр Гундоров выбрал свой дальнейший путь, став красногвардейцем Костромского образцового батальона. Так как новый боец был грамотным и имел тягу к технике, его направили в Казанский военно-инженерный техникум командного состава Рабоче-крестьянской Красной армии. Впрочем, спокойно учиться курсантам не дали, пришлось периодически прерывать обучение и то участвовать в подавлении контрреволюционного мятежа в артиллерийской части, а то штурмом брать армейскую казарму, наконец, выезжать на «практику» на Восточный и Южный фронты.

Но 29 мая 1920 года он всё-таки получает временный аттестат об окончании техникума, и тут же молодого командира отправляют на Западный фронт на войну с белополяками. В штабе Мозырской группы Западного фронта Александр получил назначение в отдельную сапёрную роту 170-й бригады 57-й дивизии, действующую на Полесье. Ему приказали разминировать железнодорожный мост через ныне печально известную реку Припять у Мозыря. Работа была выполнена вовремя, продвижение военной флотилии обеспечено.

Кстати, командовал Мозырской группой войск ровесник Александра Семёновича — Тихон Серафимович Хвесин (в 1930-е годы он будет последовательно членом президиума Госплана СССР, первым зампредом Моссовета, председателем исполкома Саратовского областного Совета, наконец, первым заместителем наркома коммунального хозяйства РСФСР). А партийно-политическую работу осуществлял Реввоенсовет (РВС) Западного фронта, в состав которого входили Иосиф Уншлихт и Феликс Дзержинский, известные, безусловно, больше.

Кроме «профильных» операций по разминированию Гундорову пришлось тогда в Борисовском и Игуменском уездах Минской губернии командовать отрядом по борьбе с бандами генерала Белой армии, армии БНР, С. Н. Булак-Булаховича. Атаман (бабка) Булак-Балахович не просто лично участвовал в казнях, но и нередко превращал их в публичное театрализованное действо, проводил и еврейские погромы. Позже с согласия главы Польши Юзефа Пил-

судского генерал со своим отрядом перешёл на службу Войска Польского для борьбы с большевиками.

Здесь наш герой пробыл до ноября 1921 года, после чего его отправили учиться на курсы командного состава Петроградской военно-инженерной школы, а затем в Петроградскую высшую военно-педагогическую школу. Повысив свою квалификацию, Александр Семёнович уезжает преподавать инженерное дело в военные училища сначала Самары, а затем Тифлиса.

Детство Розы, боевая юность отца

В сентябре 1928 года А. С. Гундоров назначен дивизионным инженером Армянской стрелковой дивизии. К тому времени он уже создал семью.

Родители Розы Александровны — Александр Семёнович и Надежда Ивановна

Первую дочь они с женой Надеждой назвали Розой, в честь Розы Люксембург, она не прожила и года, вторая — Клара, названная в честь Клары Цеткин, умерла в возрасте трёх лет. Её застала, родившаяся 21 декабря 1928 года в Ереване третья дочь, вновь названная Розой. Ей и посвящена эта книга.

Гундорова Р. А.: *Родилась я в прекрасной стране в городе Ереване, в Армении, и даже метрика моя на армянском языке, только имя и фамилия на русском. И когда я впервые поехала за границу, было очень трудно... Мне не давали разрешения, пока не был сделан официальный, заверенный перевод документа. Но так появился «Эриванский ЗАГС».*

Мы были там единственной русской семьёй.

Рожая меня, мама смотрела на гору Арарат, а жили мы в военном городке. В этом доме, как рассказывают, сейчас находится сумасшедший дом. Возможно, это отразилось капельку и на моей психике.

Каждый день меня отдавали в какую-то армянскую семью. Мы прожили здесь три года, и в памяти моей сохранилось несколько местных выражений.

В Армении Гундоровы прожили недолго. Потом была учёба в почти родном Ленинграде на шестимесячных курсах усовершенствования при Военно-инженерной академии — и вновь в поезд. С тремя шпалами в малиновых петлицах, что соответствовало командиру полка, с женой Надеждой и дочерью Розой, Александр Семёнович отправляется на новое место службы на другой конец страны — в Особую Краснознамённую Дальневосточную армию, расквартированную в Хабаровске. Она только что, в августе 1929 года, сформирована, но уже в октябре — ноябре 1929 года войска ОДВА наносят ряд упреждающих ударов по частям Мукденской армии (о конфликте на Китайско-Восточной железной дороге знают многие). Поучаствовать в боевых действиях тогда Гундорову практически не удалось. 22 декабря в Хабаровске состоялось подписание советско-китайского протокола о восстановлении положения на КВЖД.

Командующим ОКДВА весь период существования армии был Василий Константинович Блюхер (с ноября 1935 года — Маршал Советского Союза).

Гундорова Р. А.: *После этого родителей отправили в Ленинград. Но прожили мы там недолго и отправились на другую сторону страны — на Дальний Восток, в Хабаровск. Жили мы на ул. Серьшева, там я пошла в первый класс.*

Как писала в семейном альбоме 17-летняя дочь Розы Александровны Наталья: *«Детство — это село Краснощёково, Несмышлёново, Всеизлазово, Скок-Поскоково, чуть Жестоково, но Беззлобнино и Чистоглазово».*

В сентябре 1931 года началась агрессия Японии в Маньчжурии, а 1 марта следующего года там было провозглашено марионеточное государство Маньчжоу-Го, возглавляемое японским ставленником Пу-и. Фактически вся сухопутная граница от Монголии до Посыета стала границей СССР с агрессивно настроенной Японией, ставшей к тому моменту союзницей Германии. Вскоре она решит на поле боя выяснить, научились ли русские воевать в новых условиях, в эпоху танков и самолётов. 28 июня 1938 года в связи с обострением советско-японских отношений Приказом № 107 наркома обороны на базе ОКДВА был создан Дальневосточный фронт.

Александр Гундоров участвует в строительстве укрепленных районов и рубежей. При этом руководит он сооружением не только военных, но и гражданских объектов и даже электростанции.

24 октября 1934 года у Гундоровых пополнение — родился сын. По установившейся в семье традиции ему дают «революционное» имя — Вилен, расширяющееся как Владимир Ильич Ленин. Таким образом, была закончена попытка создания семейного «III интернационала».

Роза Александровна с родителями и братом Виленом

В Хабаровске Роза Александровна идёт в первый класс, впрочем, о своём детстве она рассказывала немного, а её брат во время их проживания на Дальнем Востоке был совсем маленьким и не мог запомнить что-либо существенного.

Тем временем отец Александр Семёнович большую часть времени проводит на ответственной службе, его неделями не бывает дома. Супруга Надежда Ивановна вначале учительствует в школе, затем она возглавит детский комбинат штаба армии и сделает его образцовым. Участие в жизни гарнизона создало ей популярность и авторитет — её избирают делегатом Всеармейского совещания жён военнослужащих, как тогда говорили, боевых подруг. Делегация дальневосточниц была в Москве в центре внимания. Но, самое главное, как вспоминал Александр Семёнович, Надежда Ивановна была не только прекрасным учителем, но и необыкновенной душевной чистоты женщиной, обладавшей большой нравственной притягательной силой. Почему он и выбрал её в спутницы суровой армейской жизни.

Судя по всему, Н. И. Гундорова имела отношение и к письму жены майора Особой Краснознамённой Дальневосточной армии (ОКДВА) Георгия

Хетагурова Валентины, опубликованном 5 февраля 1937 года газетой «Комсомольская правда». В нём говорилось: «Девушки! Сёстры-комсомолки! К вам от имени молодых дальневосточниц обращаю свой призыв. Далеко на востоке, в Приморской и Приамурской тайге, мы, женщины, вместе со своими мужьями и братьями перестраиваем замечательный край. У нас мало умелых рук. Каждый человек, каждый специалист на учёте. И много ещё нужно людей для того, чтобы освоить все богатства края для социализма. Но запомните, на Дальний Восток мы зовём только смелых, решительных, не боящихся трудностей людей.

Нам нужны слесари и токари, учительницы и чертёжницы, машинистки и счетоводы, конторщицы и артистки. Все в равной степени. И вот мне хочется, чтоб вслед за нами, подругами боевых дальневосточных командиров, в наш край поехали тысячи отважных и смелых девушек. Я призываю вас, дорогие подруги, сёстры-комсомолки, девушки нашей страны, помочь нам в большом и трудном деле. Вместе со всеми дальневосточницами я зову вас приехать к нам. Я не зову на отречение от жизни. Ведь то, что нас ждёт, хотя и трудно, но так увлекательно, интересно. Девушки на Дальнем Востоке приносят в суровую и часто огрубевшую жизнь то, что облагораживает, поднимает людей, вдохновляет их на новые героические дела. Мы ждём вас, подруги».

На призыв откликнулись десятки тысяч девушек и юношей. Так вслед за «стахановским» движением в стране появилось и «хетагуровское».

Суть этого движения была в том, что на Дальнем Востоке образовался демографический дисбаланс. Например, в начале 1940-х годов в Комсомольске-на-Амуре на одну девушку приходилось около 300 парней.

И вот за два года — 1937 и 1938-й — на Дальний Восток прибыли почти 30 тысяч человек, в основном молодых женщин. А всего же до войны отважились осваивать отдалённый уголок страны 100 тысяч девушек.

Но семью Гундоровых к тому моменту ждал новый поворот судьбы — в ноябре 1937 года в часть пришла телеграмма наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова. В ней сообщалось, что Александр Семёнович назначался начальником Военно-инженерной академии им. В. В. Куйбышева. Он вспоминает: *«Я был и польщён таким назначением, и крайне растерян от его несоответствия моей подготовке, особенно в области теории. Я ведь даже этой академии не кончал... Что же было делать? Не подчиниться приказу нельзя. Да и обстановка в Хабаровске, угрозы арестов, висевшие над всеми нами, подстёгивали уехать в центр, где, как мы считали, не могло быть такого произвола, как здесь».*

Впоследствии председатель военного трибунала Отдельной Краснознамённой Дальневосточной армии Борис Петрович Антонов расскажет Алек-

сандру Семёновичу, что тогда же получил команду Блюхера (человек он был непростой!) снять его с поезда и доставить в Хабаровск. За поездом «посланцы» гнались до Иркутска, но бойцу революции снова повезло: он избежал расстрела, теперь уже красными командирами.

В Москве 17 февраля 1938 года Гундорову присваивают звание комбрига, тем самым он вошёл в высший командный состав РККА. В его петлице уже был ромб. А вот его приятелю Борису Петровичу Антонову повезло меньше. Тогда было арестовано практически всё окружение В. К. Блюхера на Дальнем Востоке. Рассказывают, что к 1938 году маршал был уже далеко не тем лихим полководцем, как в прежние времена. Чувствуя себя фактическим правителем обширного края, Василий Константинович быстро привык к спокойной и вольготной жизни вдали от московского начальства. Герой Гражданской войны пристрастился к обильным возлияниям в компании подхалимов и прихлебателей. Его даже порой приходилось запира́ть в кабинете, чтобы он что-нибудь не сотворил. Вверенные попечению Блюхера войска постепенно деградировали, в Москву же шли бодрые рапорты об успехах, росте боевой и политической подготовки воинов-дальневосточников.

В июле 1938 года В. К. Блюхер приказал арестовать Антонова, который больше года содержался под стражей и был освобождён только после ареста в Москве его командира — «незаконно репрессированного» маршала Блюхера. К этому времени Василий Константинович успел провалить боевую операцию у озера Хасан.

В Москве

Приехав в Москву, Гундоров, понимая, что ни знаний, ни опыта руководства военно-учебным заведением столь высокого ранга у него нет, занялся главным, что умел делать, — приступил к обеспечению профессорско-преподавательскому составу условий для плодотворной деятельности, повышением идейной закалки слушателей, то есть взял на себя текущие административные и хозяйственные заботы. В процессе этой работы выяснилось, что слушатели академии недостаточно знали то, что Александр Семёнович отлично освоил на практике — военно-инженерную технику, порядок оборудования и обслуживания долговременных сооружений, обеспечение форсирования водных преград, прокладку колонных путей.

Налаживался и быт семьи Гундоровых — им выдали большую квартиру в 110 квадратных метров в «первом советском небоскрёбе» — в знаменитом Доме Моссельпрома на Арбате (Калашный переулок, 2/10). Там, где они обосновывались, ещё недавно были склады и конторы Моссельпрома — пищевого треста Московского Совета народного хозяйства, теперь там стали

жить генералы и сотрудники Генштаба (они в основном стали новосёлами в доме). Неслучайно дом в народе стали называть «генеральским».

Постепенно некоторые жильцы освобождали квартиры, в частности, семьи расстрелянных в те годы И. И. Вацетиса, И. Э. Якира, кто-то, как Гундоров, только становился москвичом: среди них были М. Н. Шарохин, Г. И. Хетагуров, И. В. Тюленев.

Тем временем на доме продолжал красоваться знаменитый рекламный лозунг «Нигде кроме, как в Моссельпроме!», придуманный Владимиром Маяковским.

Надежда Ивановна, как вспоминает Вилен Александрович — брат Розы Александровны, и в Москве не изменила своей природе: она вновь активно занялась общественной работой, став председателем женсовета сразу двух домов Правительства — своего «генеральского» и «маршалского», так называли в народе «5-й Дом Советов» и «Грановского, 3».

Почему «Грановского, 3», догадаться не сложно, его адрес — ул. Грановского (ныне Романов переулочек), дом 3. А вот наименование Дом Советов появилось после переезда в марте 1918 года молодого советского правительства из Петрограда в Москву. Его членам где-то надо было жить, пока готовились квартиры в Кремле, поэтому новым государственным чиновникам выделили расположенные недалеко от Кремля гостиницы, оперативно освобождённые от прежних жителей, с удобствами (водопроводом, канализацией, центральным отоплением).

Назвали их Домами Советов. Было их около тридцати, хотя в историю вошли только пять. Первой заселили гостиницу «Националь», здесь разместились партийные и государственные деятели, прибывшие на первом поезде из Петрограда: Владимир Ленин с Надеждой Крупской и сестрой Марией Ульяновой, Иосиф Сталин, Яков Свердлов, Лев Троцкий, Феликс Дзержинский, Анатолий Луначарский, Александр Цюрупа, Семён Будённый, Климент Ворошилов, а также Александра Коллонтай со своим гражданским мужем Павлом Дыбенко. Во время Великой Отечественной войны здесь разместят персонал дипломатических миссий стран-союзников, лидеров антифашистского Сопротивления, представителей нейтральных государств и Международного Красного Креста. Сюда Александр Семёнович будет неоднократно приезжать, став во главе Всеславянского комитета.

Под «2-й Дом Советов» приспособили гостиницу «Метрополь», а бывшее здание Духовной семинарии в Божedomском переулке (ныне Делегатская улица) станет «3-м Домом Советов». Монументальный доходный дом с гостиницей «Петергоф», расположенный на углу Моховой и Воздвиженки, приспособят под «4-й Дом Советов» (долго он будет известен как «приёмная дедушки Калинина»). Наконец, «5-й Дом», ради которого

мы и начали этот рассказ, «создали» из комплекса бывших доходных домов, которыми до 1918 года владел Александр Дмитриевич Шереметев. Это единственный дом из описанных выше, до сих пор остающийся жилым. А во времена общественной деятельности мамы Розы Александровны здесь жили народный комиссар иностранных дел СССР В. М. Молотов, заместители председателя Совнаркома СССР Л. М. Каганович, Н. А. Вознесенский и А. Я. Вышинский, председатель Верховного Совета РСФСР А. А. Жданов, первый секретарь Московского обкома ВКП(б) Н. С. Хрущёв, секретарь ЦК ВКП(б) — ЦК КПСС Г. М. Маленков, другой первый секретарь Московского обкома ВКП(б) А. С. Щербаков, народный комиссар текстильной промышленности СССР А. Н. Косыгин, военачальники С. М. Будённый, К. Е. Ворошилов, Г. К. Жуков, И. С. Конев, Р. Я. Малиновский, К. К. Рокоссовский, С. К. Тимошенко, В. М. Чуйков, академики: конструктор реактивных пусковых установок В. П. Бармин и историк Е. М. Ярославский, да и многие другие весьма важные товарищи.

Так что маме Розы Александровны пришлось много общаться с жёнами этих непростых людей, налаживая их быт, став их предводителем.

Вилен Александрович вспоминает, что, когда мама умерла, прощаться с ней в крематорий Донского монастыря пришло много старушек — её подруг тех лет. Тогда, по его словам, он по-настоящему понял, какой она имела авторитет.

В Москве Роза Александровна продолжила учиться в одной из самых престижных школ — № 110, находящейся рядом с Никитскими воротами, на углу Мерзляковского и Медвежьего переулков.

Школа брала начало из Флёровской гимназии, основанной в 1907 году, которую окончили известные учёные: филолог Александр Реформатский, биолог, генетик с неоднозначной биографией Николай Тимофеев-Ресовский, во время войны работавший в гитлеровской Германии, ставший героем повести Даниила Гранина «Зубр», популярный актёр Игорь Ильинский и другие. Позже среди учеников уже ставшей «опытно-показательной школы-девятилетки имени Фридьофа Нансена» были актриса Мария Миронова (мать актёра Андрея Миронова), академик Андрей Сахаров, советский и российский историк и краевед Сигурд Шмидт, детский писатель Юрий Сотник, русский художник, живописец и скульптор Борис Шаляпин (старший сын певца Фёдора Шаляпина), заслуженный архитектор России Борис Маркус, дочь Сергея Есенина и Зинаиды Райх — Татьяна.

Здесь учились дочь председателя Совета народных комиссаров СССР Лазаря Кагановича — Мая, дочь Дмитрия Ульянова, младшего брата Ленина, — Ольга и многие другие.

В 1935 году в СССР было введено десятилетнее образование. Тогда же Роза Александровна попадает под эксперимент. Как известно, после рево-

люции, в мае 1918 года, в РСФСР было введено обязательное совместное обучение мальчиков и девочек. Эта мера должна была устранить неравенство в образовании, существовавшее до этого. И вот через 20 лет руководство СССР, считая, что равноправие полов по части доступности образования уже достигнуто, поставило задачу введения раздельного обучения. Повсеместно (в 81 городе Советского Союза) это сделать удалось только в 1943 году. А вот экспериментально его ввели в некоторых школах Москвы. И, естественно, первые советские школы раздельного обучения задумывались как элитные, по аналогии с лучшими гимназиями царской России.

Вилен Александрович остался в прежней школе, ставшей мужской. Вместе с ним учились дети советской партийной и государственной элиты: сын личного архитектора Сталина Мирона Мержанова — Борис, который тоже станет известным архитектором, сын заместителя председателя Комитета партийного контроля Матвея Шкирятова, сына народного комиссара финансов СССР Арсения Зверева — Владимир и Олег, младший сын наркома внешней торговли СССР Анастаса Микояна — Серго, ставший историком и публицистом, сын заместителя начальника Оперативного управления Генштаба Александра Василевского — Юрий, ставший генерал-лейтенантом авиации, сын наркома ВМФ СССР Николая Кузнецова — Виктор и многие другие.

Кроме детей политических и партийных деятелей в этой школе учились многие будущие представители творческой и научной элиты, такие как сын знаменитого химика-органика, академика Николая Зелинского — Андрей (кстати, в 1941 году школа получила имя его отца). Здесь учились актёр Алексей Баталов, литературовед и историк Натан Эйдельман, адвокаты Генрих Падва и Аркадий Ваксберг, будущий писатель Андрей Синявский, геолог Евгений Милановский. И даже сын немецкого писателя Фридриха Вольфа — Маркус, ставший знаменитым начальником Главного управления разведки Министерства государственной безопасности ГДР — «Штази».

А вот с некоторыми именитыми детьми Вилен разошёлся: дочь Никиты Хрущёва Рада Хрущёва, ровесница Розы Александровны, в 1938 году уехала в Киев, где её отец стал первым секретарём ЦК КПУ. В другом направлении отправились в 1938 году по известным причинам учившиеся ещё до разделения в 110-й школе дети расстрелянных отцов Вета Гамарник, Мира Уборевич, Светлана Тухачевская и Светлана Бухарина...

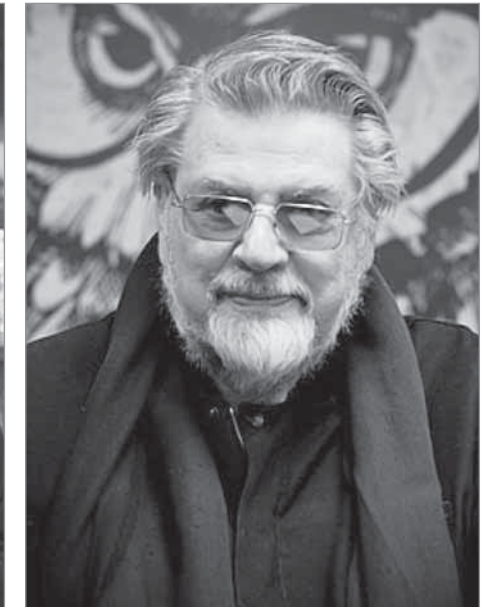
По рассказам бывших учеников, занятия в школе проходили пять дней в неделю. Как правило, по пять уроков. Два дня было шесть уроков — учебный день заканчивался физкультурой или военным делом. В остальное время постигались черчение, геология, три математических дисциплины (алгебра, геометрия, тригонометрия), русский язык, немецкий язык, история, физика,

биология и химия. При этом, как уже говорилось, химия была профильным для школы предметом.

Вместе с братом Розы Александровны — Виленом Александровичем — окончат 110-ю школу его одноклассники — Сергей Хрущёв и Александр Ширвиндт, с которым Вилен Александрович поддерживает отношения до сих пор. Вообще класс, в котором учился Вилен Александрович, в последующей жизни часто собирался вместе. Как правило, встречались в кафе и ресторанах, а Вилен Александрович вёл хронологию встреч, сохраняя чеки из кафе и ресторанов в специальном альбоме. По этим чекам интересно прослеживается рост благосостояния встречающихся людей. Если первые чеки содержали «докторскую» колбасу и ситро, то потом это были добротные ресторанные застолья.

Сергей Никитович Хрущёв

Александр Анатольевич Ширвиндт

Вскоре после него здесь же аттестат получит будущий режиссёр Андрей Сергеевич Михалков-Кончаловский.

А вот Роза Александровна перешла в другую школу — № 100, ставшую женской. Вместе с ней в туда перешло много учениц из прежней школы № 110.

Гундорова Р. А.: Училась в женской школе. В 10-м классе я в «Артеке». Я была не очень послушным ребёнком. Но при этом всегда обидчивой.

Однажды меня клюнул в попу петух, я горько-горько плакала, пришла к папе, который спросил меня: «Тебе что, больно?» — «Нет, мне обидно!» Это чувство преследует меня всю жизнь.

Была я хулиганистая, много пела и была всегда «хорошим парнем», но почему-то в меня не влюблялись... И мне было от этого очень грустно. Но потом некоторые ребята очень жалели, что не разглядели во мне женщину.

17-летняя дочь Розы Александровны Наталья так охарактеризовала этот период жизни мамы: «Юность — это село Надеждино, Нараспашкино, Обольщанино. Ну а если немножко Невеждино, всё равно оно Обещанино».

Тем временем, 4 июня 1940 года, Постановлением Совета народных депутатов СССР № 945 А. С. Гундорову было присвоено звание генерал-лейтенанта Инженерных войск.

Астафьев А. С.: *По рассказам Розы Александровны, перед самым началом войны, вопреки указаниям, её отец на летние учения отправил курсантов не на западную границу, а в Рязанскую область. За нарушение приказа ему грозил трибунал, но после 22 июня оказалось, что он спас академию. Как будто чувствовал...*

И вот в достаточно спокойную жизнь вмешалась Великая Отечественная война.

Гундоров А. С.: *Второй день войны начался митингом, на который собрались все находившиеся в Москве работники академии. Выступали только мы с комиссаром академии Г. Туманяном. Я напомнил замечательный и очень своевременный созданный С. М. Эйзенштейном кинофильм «Александр Невский», исторические слова игравшего главную роль Н. А. Черкасова: «Кто с мечом к нам придёт, тот от меча и погибнет».*

Всем сотрудникам и учащимся академии этот фильм был очень памятен потому, что захватывающий эпизод Ледового побоища, связанный с гибелью «псов-рыцарей» на Чудском озере, снимался на пруду лагеря академии у деревни Николо-Урюпино, и многие специалисты помогли снять этот эпизод.

Работа академии перестраивалась в интересах обеспечения фронта всем необходимым. Преподаватели с первых дней приняли участие в разработке инструкций по строительству в Москве убежищ и приспособлению под них подвалов зданий. Окончившие маскировочное отделение занимались необходимым и срочным делом подготовки города к налётам немецкой авиации. Было чем заняться и другим специалистам.

По словам Александра Семёновича, «в эти дни было столько предложений, что трудно их все вспомнить. Они поступали даже от людей, которых мы считали сугубо штатскими и безынициативными».

Важным в эти дни оказалось распоряжение заместителя наркома обороны маршала С. М. Будённого о подготовке партизан-подрывников из коммунистов и комсомольцев московских заводов для заброски в тыл противника.

Гундоров А. С.: *Для составления плана и программ их подготовки нам пришлось вспомнить партизанскую Отечественную войну 1812 года и Гражданскую войну, конечно, с поправками на современную технику. Решили, что подготовим подрывников, которых собралось около тысячи человек, в месячный срок. <...> Сразу же удалось договориться с руководством Военно-воздушных сил о парашютной подготовке всех участников сбора. Занятия шли днём и ночью, преподавателям и командирам приходилось работать целыми сутками. <...>*

Когда мне приходилось бывать на их занятиях и разговаривать с ними, то сам получал заряд новой энергии и энтузиазма. Это были удивительные люди, заражавшие своим боевым настроением всех окружающих.

Я старался разыскать литературу, освещающую партизанскую и диверсионную борьбу, но такой было мало. Пришлось обращаться к Отечественной войне 1812 года. Чтение «Войны и мира» Л. Н. Толстого укрепляло представление о большой важности партизанской борьбы.

По этому вопросу ему пришлось встречаться с начальником Генштаба Георгием Константиновичем Жуковым.

В июле академия участвовала в выполнении постановления Государственного комитета обороны о создании Можайского оборонительного рубежа.

Но самой важной для академии задачей на тот момент была ускоренная подготовка инженеров-лейтенантов. На эти курсы были собраны в первую очередь студенты, оканчивающие строительные вузы, а также молодые гражданские инженеры, подлежащие призыву. Военных инженеров тогда называли вымирающим племенем, поэтому армия испытывала в них огромный недостаток.

Начало войны, которое Гундоровы пережили в Москве, описывает проживающий неподалёку писатель Юрий Нагибин: «В первые месяцы войны Москву сильно бомбили. Регулярные налёты немецкой авиации начались с 23 июля и повторялись ежедневно — вечером и ночью, а иногда и днём. Погиб старый Театр им. Вахтангова, перестроенный из особняка Сабашниковых-Бергов, были убиты дежурившие в нём артисты. Погиб ампирный особняк Оболенских, архитектурное украшение улицы. Страшная трагедия случилась в метро, станции которого служили бомбоубежищами.

С шести часов вечера движение поездов в метро прекращалось, электрическое питание отключали, на рельсы укладывали деревянные щиты, на них устраивались люди. Сюда приходили с узелками, одеялами, подушками, детскими колясками и располагались на ночлег. Многие арбатыцы спускались по вечерам на станцию «Смоленская» Арбатской (ныне Филёвской) линии — здесь не слышно было завываний сирен, треска зениток, гула самолётов... Метро казалось очень надёжным убежищем. Но однажды ночью, в октябре 1941 года,

бомба пробилась сквозь тоннель между “Арбатской” и “Смоленской” — он проходил не слишком глубоко. От самой бомбы пострадавших почти не было, на этом участке тоннель был пустым, но пошедшая по нему взрывная волна напугала людей, прятавшихся на “Смоленской”. Возникла паника, все бросилось к выходу... Сотрудники скорой помощи, вывозившие раздавленных и покалеченных в давке людей, вспоминали, что жертв было очень много.

20 октября 1941 года Москва была переведена на осадное положение. В городе ввели комендантский час, комендатура усилила патрули. На улицах появились противотанковые “ежи” и траншеи. Вокруг Арбата, на Садовом кольце, на бульварах, у спуска к Бородинскому мосту “ежи” напоминали горожанам, что враг совсем близко. Высокие здания, которые могли служить ориентирами для немецких лётчиков, покрасили камуфляжной краской. По вечерам в городское небо поднимались аэростаты, призванные осложнить задачу вражеской авиации».

Когда фашисты захватили Орёл (3 октября) и двинули свои танки с юга на столицу, на их пути встали воспитанники академии. Взрывая мосты и разрушая коммуникации, они задержали противника и дали возможность подтянуть к Москве войска, которые затем перешли в решительное наступление.

Генерал-лейтенант Константин Фёдорович Телегин, бывший в те дни членом Военного совета Московского военного округа в своих воспоминаниях «Не отдали Москвы!» рассказывает, что 13 октября 1941 года в Подольске появились части генерала А. С. Гундорова. Руководители оборонительных работ и группы заграждения говорили, как было принято во время войны, что они принадлежат к «хозяйству» генерала Гундорова.

Гундоров А. С.: *Там, где в своей книге генерал Телегин пишет о взорванных мостах и других заграждениях, о том, как участники оборонительных работ лопатами и ломом били опускавшихся на парашютах гитлеровских десантников, когда перечисляет сделанные противотанковые и противопехотные препятствия, я думаю об огромных заслугах воспитанников нашей академии.*

Уже после войны из книги генерала К. Ф. Телегина Александр Семёнович узнал, что распоряжение об организации заграждений командующий Московским округом генерал П. А. Артемьев получил лично от Сталина.

Гундоров, продолжая руководить академией, возглавлял 5-й сектор Московской зоны обороны. Тогда же в связи с усложнением обстановки на фронте был получен приказ об эвакуации академии. 7 ноября она переехала в город Фрунзе, где разместилась в местном педагогическом институте.

Ещё раньше из Москвы были эвакуированы большинство учеников и учителей московских школ. Многие выпускники и преподаватели ушли на фронт. Более ста человек из 110-й школы не вернулись домой.

Героям-школьникам 22 июня 1971 года у здания школы № 110 (Столовый переулок, 10/2) был открыт памятник.

На каменном постаменте с надписью: «Будьте памяти павших достойны. 1941–1945» — скульптура «Реквием 41-го года»: Пять бронзовых фигур погибших добровольцев-десятиклассников (Ю. Дивильковский, И. Купцов, И. Богушевский, Г. Родин, Г. Рааб) и мраморная доска с фамилиями ста учеников и преподавателей школы, павших в боях с фашизмом. Памятник сооружён по проекту бывших учеников школы Д. Ю. Митлянского, архитекторов Е. А. Розенблюма и П. И. Скокана. Скульптор — Даниэль Митлянский (1924–2006), сам участник войны и однокашник тех, кто на постаменте. Фигуры и лица друзей выпускников 9-го класса он восстанавливал по фотографиям.

*Этот памятник называется «Реквием». 1941 год.
«Моим одноклассникам, погибшим на войне»*

Роза и Вилен с мамой уехали в Челябинск, затем они переедут к отцу во Фрунзе, где пробудут до 1943 года.

Гундоров А. С.: *Моя жена с дочкой и сыном после воздушного налёта, во время которого крупная бомба упала на Никитской площади, а вторая, поменьше, во дворе нашего дома, изрешетив осколками окна и балконные двери моей квартиры, уехали к её сестре в Челябинск. Я жил в своём кабинете в академии.*

Знаменательным событием в жизни Александра Семёновича стал прошедший в Москве 10–11 августа 1941 года Всеславянский радиомитинг. Выступили советские и немецкие писатели Алексей Толстой, Александр Фадеев, Йоганнес Бехер и Фридрих Вольф. На нём и было принято решение о создании Всеславянского комитета, круто изменившее жизнь генерала Гундорова. В октябре Гундорова вызовут в ЦК ВКП(б) и предложат возглавить работу комитета. В своих воспоминаниях он подробно напишет о личных переживаниях в связи с этим общественным поручением.

Гундоров А. С.: *Меня вызвали в ЦК партии к А. С. Щербакову. Ожидал, что будет разговор о каких-либо неполадках на Можайском оборонительном рубеже или о новых заданиях оборонительного характера, и потому перебирал в уме, кого ещё можно выделить из инженерных командиров и фортификаторов без срыва учебных занятий, которые с таким напряжением проводились.*

— *Вам предлагаю стать его председателем.*

— *Я же сапёр и не имею к этому никакого отношения, — вырвалось у меня.*

Щербаков помолчал, с улыбкой глядя на мою растерянность, а потом мягко спросил:

— *Вы когда-либо занимались общественной работой?*

Мне вспомнилось участие в театральных кружках в молодости, связь с гражданскими организациями в Закавказье и на Дальнем Востоке, потому ответил, ещё не созная, к чему он клонил:

— *Конечно, занимался.*

— *Вот в этом и будет заключаться ваша работа во Всеславянском комитете. <...> Для работы с иностранными славянскими общественными деятелями вы в данный момент больше подходите, чем писатель, пусть и такой знаменитый, как Алексей Толстой, открывавший первый Всеславянский митинг.*

Для помощи А. С. Гундорову ответственным секретарём Всеславянского комитета был назначен бывший посол СССР в Болгарии А. С. Лаврентьев.

Из восемнадцати членов комитета лишь шестеро были из СССР, остальные — иностранцы.

Александр Семёнович Гундоров — председатель Всеславянского комитета

16 октября 1941 года создатель и куратор Комитета Совинформбюро был передислоцирован в Куйбышев. Его членов эвакуировали в другие города. В таких условиях наладить согласованную работу было чрезвычайно трудно.

В частности, генерал Гундоров сообщение о разгроме немецких войск под Москвой встречал в городе Фрунзе, куда академию эвакуировали в ноябре для поддержания учебного процесса. Сюда же он, как уже говорилось, привозит свою семью.

Роза Александровна вспоминала: *«Во Фрунзе отец себе места не находил. Всё рвался на фронт, писал письма, рапорты, звонил в Москву. Уже когда прочитала его воспоминания, поняла, что и я была тому виновницей, сказав в классе, что в нашей семье никого на фронте нет. Понимаю, как это было неприятно слышать боевому генералу».*

Вот что прочитала Роза Александровна в воспоминаниях отца: *«Однажды, сидя за обеденным семейным столом, дочь-пятиклассница Роза стала рассказывать:*

- *Сегодня учительница спрашивала: кто у вас на фронте?*
- *Что же ей отвечали? — как бывший педагог, поинтересовалась жена.*
- *У всех кто-то есть. Один мальчик сказал, что на фронте папа и два брата. А одна девочка — что папа и мама.*
- *А ты что сказала? — допрашивала Надежда Ивановна.*
- *А я сказала, что никого...*

Это было произнесено таким тоном, что у меня слова дочери отозвались болью в сердце.

- *Неправда! — упрекнула её жена. — Как никого? А дядя Серёжа и Шура — мои братья. А четыре папиных племянника? — сердито перечисляла она.*
- *А они с нами не жили, поэтому я и не сказала, — оправдывалась дочь.*
- *Опять неправда: один племянник папы у нас жил, когда учился.*
- *Меня учительница спросила, — продолжала Роза: “А откуда твой папа приехал? С фронта?” Я ей ответила: “Да!”*

По-видимому, у дочери при ответах был такой несчастный вид, что учительнице захотелось помочь девочке и, зная, что её отец — генерал, она выручила её. Слушая разговор дочери с матерью, подумал: “Придёт время, когда у меня появятся внуки и спросят: “Где был ты, дед, во время Отечественной войны?” Неужели придётся отвечать: “Во Фрунзе”».

Наконец желание генерала было удовлетворено. В марте 1942 года Александра Семёновича назначили командующим самой крупной 8-й сапёрной армией Южного фронта в освобождённый Ростов-на-Дону. А затем в мае 1942 года он стал заместителем по инженерным войскам главкома направления Маршала Советского Союза С. М. Будённого. И, наконец, с 14 июня по 31 августа 1942 года он стал командующим 6-й сапёрной армией Брянского фронта, возводившей для войск оборонительные рубежи и переправы через Дон, обвод Воронеж, Воронежский оборонительный рубеж и тыловые оборонительные рубежи 40-й и 60-й армий.

Когда развернулись ожесточённые бои за Сталинград, 6-я сапёрная армия была переброшена под Саратов. Таким образом, через 23 года, как и в дни боёв за Царицын в 1919 году, А. С. Гундоров оказался опять в этом приволжском городе.

И вот в апреле 1942 года, когда враг находился менее чем в 150 километрах от Саратова, в Москве был проведён второй Всеславянский митинг.

Чтобы можно было представить, какой объём работы необходимо было сделать в процессе его подготовки, отметим, что с помощью консульских и дипломатических служб СССР тогда удалось установить связь с 128 зарубежными славянскими организациями, организовать постоянную переписку с ними: аппарат комитета послал 384 телеграммы и получил в ответ 425 сообщений. Всё это свидетельствовало об интересе славянских диаспор разных стран к деятельности комитета.

Гундоров А. С.: *Открывая митинг от имени русского народа и Красной армии, я говорил о злобном и коварном враге, напавшем на нашу Родину, поставившем задачу завоевания мира и истребления народов. «Если мы хотим создать нашу великую германскую империю, мы должны, прежде всего, вытеснить и истребить славянские народы: русских, поляков, чехов, словаков, болгар, украинцев, белорусов. Нет никаких причин не сделать этого», — цитировал я Гитлера.*

В первом ряду (слева направо): польская писательница Ванда Василевская, ответственный секретарь Всеславянского комитета Анатолий Лаврентьев, председатель Всеславянского комитета генерал-лейтенант Александр Гундоров и вице-председатель Всеславянского комитета сербский общественный деятель профессор Божидар Масларич. Во втором ряду (слева направо): русский композитор Дмитрий Шостакович, хорватский общественный деятель Дюро Салай, белорусский поэт Якуб Колас, болгарская общественная деятельница Стелла Благоева и польский рабочий Александр Йочис. Фото М. Озёрского

Своё выступление закончил призывом: «Поднимайтесь на священную народную войну против гитлеровских оккупантов! Разрушением тыла фашистских армий помогайте успехам Красной армии, несущей вам освобождение!»

За ним выступили Александр Корнейчук и Якуб Колас. Писательница Ванда Василевская призывала поляков: *«Немцы вынесли нашему народу смертный приговор. Образуйте боевые дружины! Пусть пламя восстания поднимется в городах и деревнях. Пусть за каждым углом и за каждым кустом врага ожидает смертельная засада! Пусть ни один транспорт, ни один поезд, направляющийся на Восточный фронт, не пройдёт через польскую землю!..»*

Чехословацкий учений Зденек Неedly говорил: *«Чехи! Не допустим продолжения такого позора! Довольно работать на Гитлера и его свору! Совершайте диверсии, вступайте в ряды партизан».*

Во время митинга все выступающие подписали «Обращение к славянским народам».

Гундоров А. С.: *Наши речи сразу же шли в эфир, а утром были опубликованы во всех центральных газетах с фотографиями выступавших. <...> В адрес митинга было получено до сотни приветствий, в частности, от Всеславянского конгресса США, ряда конференций и митингов славян, проживающих в различных штатах и от отдельных национальных славянских организаций Великобритании, Канады и других стран. Но особое впечатление произвели приветствия от германских, итальянских, финских и румынских организаций антифашистов. Это свидетельствовало не только о широком отклике на начатое нами дело, но и о понимании его антирасистского, антифашистского и интернационального характера.*

На митингах в разных странах принимались решения в поддержку СССР, за открытие второго фронта. Так, 30 мая 1942 года 700 членов Ассоциации литовских рабочих в Седжиноу (штат Мичиган) участвовали в митинге, в резолюции которого были такие слова: *«Главная сила и источник мощи нацистов находятся в Европе и концентрируются на Восточном фронте. Здесь идёт борьба не на жизнь, а на смерть с Красной армией, которая несёт основное бремя этой войны, исход которой определит само существование нашей страны и нашего демократического образа жизни, а также всех народов мира».*

После радиомитинга, 6 апреля, состоялся пленум Всеславянского комитета. В его состав тогда были включены выступившие на митинге, в том числе Якуб Колас, академик Николай Державин и поэт Николай Тихонов. Позднее к ним присоединился Дмитрий Шостакович.

Впрочем, генерал Гундоров занимался столь важным общественным делом без отрыва от своей главной обязанности — защиты Родины. Из-за за-

держки на Воронежском аэродроме он прилетел с фронта в Москву только на следующий день после окончания пленума, а проведя неделю в Москве, Александр Семёнович вернулся на фронт.

Держать его в курсе дел комитета продолжал Лаврентьев. Тогда же в боях под Сталинградом погиб племянник А. С. Гундорова — Сергей.

Как отмечалось, окончательно Гундоровы вернулись в Москву в 1943 году. Пока их не было, квартиру заселили (таковы были правила военного времени), и им пришлось размещаться в большом помещении клуба на 3-м или 4-м этаже того же дома Моссельпрома. Здесь они проживут до 1951 года: генерал из скромности долго не ставил вопрос об улучшении жилищного положения семьи. Вилен Александрович вспоминает, что посреди их тогдашней комнаты стоял большой стол и на нём сковорода с самостоятельно собранными жареными грибами. У отца была служебная машина, и на ней Гундоровы ездили в лес, чтобы разнообразить свой обеденный рацион.

Тогда же возобновились занятия в школе. Реформа образования 1943 года подразумевала ещё два новшества: в 1944 году в СССР вновь, как и в дореволюционной России, стали выдавать аттестаты зрелости и медали «За отличные успехи и примерное поведение».

Включиться в работу Всеславянского комитета Гундоров смог, только когда в 1943 году вышел приказ о ликвидации сапёрных армий, и он был переведён в Москву на должность начальника инженерной службы Московского округа ПВО.

В его состав входило много войсковых частей и соединений специального назначения, в том числе и целая воздушная армия. Эти части густо располагались как внутри города, так и по его окрестностям в радиусе до 50 км. В Москве находилось верховное командование, не покидавшее столицу во время войны, Генеральный штаб, многие органы правительства, требовавшие для обеспечения своей работы безопасности. Обеспечивали оборону столицы войска Западного фронта и Московский фронт ПВО.

Гундоров А. С.: *Весь командный состав штаба фронта находился на казарменном положении. Мы жили в тех кабинетах, в которых работали. Во время возможного налёта на Москву мы должны были находиться на командном пункте и быть готовыми к выполнению неожиданных заданий. <...>*

Почти ежедневно между пребыванием в частях и на объектах глубокой ночью удавалось заезжать во Всеславянский комитет.

Основное время Александр Семёнович теперь посвящал созданию Всеславянского комитета. В первую очередь он со своим заместителем, чехословацким историком, музыковедом, литературным критиком, государственным

деятелем Зденеком Неедлы ночи напролёт просиживал над документами, статьями, текстами выступлений на митингах¹.

Зденек Неедлы. 1945 год

Неедлы — чехословацкий историк, музыковед, литературный критик, государственный деятель, член-корреспондент АН СССР — стал к тому моменту вице-председателем Всеславянского комитета, а когда в Кошице создали временное чехословацкое правительство, вошёл в его состав.

Теперь Александру Семёновичу Гундорову предстояло решать задачи мирового масштаба. И энергичный кадровый командир высокого ранга, широко образованный, замечательный оратор родом из самого центра России, доказал, что назначение его на столь важный дипломатический пост не было ошибкой.

Призывая к борьбе с фашизмом, он вместе с многонациональными делегациями комитета объездил весь мир (совершив более трёх десятков заграничных командировок). Во имя укрепления славянской солидарности им была проведена масса различных мероприятий, прочитаны сотни докладов, написано множество статей. Комитет издавал журнал «Славяне»,

¹ О работе комитета подробно и очень интересно написал в ряде своих книг военный журналист, писатель Николай Кикешев. В первую очередь это историко-документальный труд «Славяне против фашизма». Ряд фотографий в этой книге взяты из материалов Н. Кикешева.

пользовавшийся большим популярностью. Среди активистов Всеславянского комитета были люди всех специальностей: политики, учёные, писатели, врачи, инженеры...

В комитете заработали секции западных славян — поляков, чехов и словаков; южных славян — словенцев, хорватов, сербов, черногорцев, македонцев и болгар; восточных славян — белорусов, украинцев и русских.

Поскольку в Советском Союзе оказалось очень много поляков, а дипломатические отношения между Лондонским польским правительством и СССР были прерваны, то для их восстановления был создан Союз польских патриотов — специальная общественная организация из польских граждан. Возглавила эту организацию Ванда Василевская, которая являлась заместителем председателя Всеславянского комитета. Во многом благодаря её усилиям в мае 1943 года стала формироваться 1-я пехотная польская дивизия имени Тадеуша Костюшко под командованием полковника Берлинга, ушедшего из армии Андерса, чтобы воевать вместе с Красной армией. 15 июля, в день годовщины Грюнвальдской битвы, эта дивизия уже принимала присягу. В ней были и такие слова: *«Клянусь сохранять союзническую верность Советскому Союзу, давшему мне в руки оружие для борьбы с нашим общим врагом. Клянусь сохранять братство по оружию с союзнической Красной армией».*

Ещё раньше, в январе 1943 года из пункта формирования отправилась на один из участков советско-германского фронта чехословацкая воинская часть, сформированная из чехословацких граждан, находившихся к моменту нападения гитлеровской Германии на советской территории СССР. Чехословацкой воинской частью командовал полковник Людвиг Свобода. И в этом была частично заслуга Всеславянского комитета.

В таких условиях был организован третий Всеславянский митинг. На нём, в частности, прозвучало выступление экзарха Украины, митрополита Крутицкого Николая. Перед выступлением он скажет по этому поводу: *«Православная церковь впервые получает мировую общественную трибуну. Это же момент исторический и должен быть обсуждён у нас во всех деталях...»*

Гундоров А. С.: *Митрополит Николай был снят на фоне большого портрета Сталина, висевшего над президиумом. Встал вопрос: уместно ли этот снимок посылать в зарубежные телеграфные агентства и славянские газеты? Решили посоветоваться с А. С. Щербаковым и послали фото ему. Очень быстро получили ответ: «Посылайте». Так за рубежом появилась фотография, документально опровергающая ложь, которая распространялась о гонениях коммунистической партии и Советского правительства против религии.*

Третий всеславянский митинг. Генерал-лейтенант Александр Семёнович Гундоров, глава Русской православной церкви митрополит Сергей и генерал Людвиг Свобода (слева направо) подписывают обращение «К угнетённым славянам Европы»

Вместе с тем и служебные военные дела тоже требовали постоянного внимания. С перемещением фронтов на запад от Москвы опасность налётов противника на столицу снижалась, но зато границы Московского фронта ПВО расширились, захватывая освобождённую территорию, включая и район Вязьмы. Необходимо было провести инженерное оборудование позиций для перемещённых в новые районы средств ПВО.

В 1944 году А. С. Гундорову предложили стать заместителем генерал-инспектора Инженерных войск в своём управлении и помощником начальника Инженерных войск РККА Михаила Петровича Воробьёва. Когда-то тот был начальником факультета Инженерной академии и написал важную книгу «Служба заграждения».

У Михаила Петровича был завидный послужной список, к этому времени он побывал практически на всех главных сражениях Великой Отечественной войны: в 1942 году участвовал в Сталинградской битве, возглавляя строительство оборонительных рубежей под Сталинградом, при прорыве блокады Ленинграда в январе 1943 года координировал действия Инженерных войск Ленинградского и Волховского фронтов. Весной и летом 1943 года лично ру-

ководил строительством оборонительных рубежей на обеих фазах Курской дуги, на которых в ходе этой знаменитой битвы были перемолоты обе ударные группировки врага. Наконец, во время массового наступления советских войск во второй половине войны внёс значительный вклад в инженерное обеспечение форсирования крупных водных преград, особенно в ходе битвы за Днепр.

В феврале 1944 года М. П. Воробьёв стал первым в советской истории маршалом Инженерных войск.

Гундоров получил кабинет рядом со своим новым командиром.

Но война шла к концу, всё больше времени Александр Семёнович уделял своей общественной работе. В эти годы ему предстояло работать со многими политиками, определяющими тогда будущее Европы и мира: с председателем Совета министров Югославии маршалом Броз Тито, болгарским антифашистом, генеральным секретарём Исполнительного комитета Коммунистического интернационала Георгием Димитровым, президентом Чехословакии Клементом Готвальдом, Президентом Польши Болеславом Берутом, президентом Чехословакии Эдвардом Бенешем, лидерами коммунистического движения Германии Вильгельмом Пиком, Франции — Морисом Торезом, Италии — Пальмиро Тольятти и другими. Он выступал на званом обеде у Сталина в Кремле, на митинге в Медисон-сквер-гарден в Нью-Йорке.

А. С. Гундоров и И. Б. Тито

*А. С. Гундоров, И. Б. Тито и С. А. Лозовский. 13 апреля 1945 года.
Лозовский С. А. (настоящее имя и фамилия — Соломон Абрамович Дридзо; 1878—1952), большевик;
в 1909—1917 годах в эмиграции во Франции; был членом Французской социалистической
партии, принимал участие во французском профессиональном движении; генеральный
секретарь Профинтерна (1921—1937)*

А. С. Гундоров на приеме у Г. Димитрова

*К. Готвальд на приеме во Всеславянском комитете
(слева председатель комитета А. С. Гундоров)*

*А. С. Гундоров вместе с Б. Берутом (в центре) среди участников Пленума
Всеславянского комитета. Берут (Віегит) Болеслав (18.04.1892, Руры Иезуитске, близ
Люблина — 12.03.1956, Москва), польский партийный и государственный деятель*

Его задачей была отнюдь не только пропаганда по мере вступления Советской армии на территорию стран Восточной Европы, но и создание в них национальных славянских комитетов, выстраивающих в дальнейшем политическую жизнь этих стран. И в этом была особо важная функция комитета.

Отдельно хотелось бы вспомнить о визите в Советский Союз весной победного 1945-го супруги премьер-министра Великобритании Клементины Огилви Спенсер-Черчилль — председателя Фонда помощи России Британского Красного Креста и ордена Св. Иоанна Иерусалимского. К этому времени не прошло ещё и двух месяцев после окончания Ялтинской конференции с участием её мужа.

31 марта самолёт королевских ВВС Великобритании совершил посадку на военном аэродроме в Крыму, а 1 апреля Клементина, которой исполнилось 60 лет, отметила здесь круглую дату. За 42 дня она посетила Москву, Ленинград, Одессу, Сталинград, Курск, Ростов-на-Дону, Кисловодск, Ессентуки, Пятигорск, Севастополь.

Следует отметить, что руководимый супругой премьера фонд, созданный в октябре 1941 года, оказывал во время войны значительную помощь нашей стране. Она составила примерно 8–9 млн фунтов стерлингов. В Советский Союз из Англии поступило оборудование для госпиталей, физиотерапевтическая и другая медицинская аппаратура, в том числе свыше 600 рентгеновских аппаратов, хирургический инструментарий, медикаменты и т. д. Во время визита председатель исполкома Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР С. А. Колесников вручил Клементине золотой знак «Отличник санитарной обороны».

Клементина Огилви Спенсер-Черчилль, баронесса Спенсер-Черчилль, жена премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля. Дама Большого Креста ордена Британской империи, кавалер Ордена Трудового Красного Знамени

В Ростове-на-Дону К. Черчилль помнят до сих пор, ведь благодаря присланным ею оборудованию и расходным материалам было оснащено две больницы. И кровати, которые называют «черчеллихиными», использовались до недавнего времени — таким высоким оказалось их качество. На одном из корпусов Центральной городской больницы № 1 висит памятная доска с надписью: «Здесь в апреле 1945 года была Клементина Черчилль, основательница Фонда помощи России. На средства фонда в Ростове-на-Дону оборудовали 2 госпиталя по 750 коек».

Супругу Черчилля с английской делегацией разместили в одном из лучших представительских особняков на Пречистенке (Чистый переулок, дом 11, сегодня в нём располагается посольство Австрии). В августе 1942-го и октябре 1944 года там же останавливался во время визитов в Москву и её муж — Уинстон Черчилль.

Сталин встречался с Клементиной Черчилль по крайней мере два раза — 7 апреля и 6 мая. Во время второй встречи он подарил ей кольцо с бриллиантом. Затем в Кремле председатель Совета национальностей Верховного Совета СССР Н. М. Шверник вручил госпоже Черчилль орден Трудового Красного Знамени «за выдающиеся заслуги в проведении общественных мероприятий по сбору средств в Англии для оказания медицинской помощи Красной армии».

В течение этого визита Александр Семёнович также не раз сопровождал высокую гостью в её поездках.

Пикантность ситуации состояла в том, что, пока супруга совершала свой дружеский визит, Объединённый штаб планирования военного кабинета Великобритании разрабатывал операцию «Немыслимое». Проект «немыслимого» плана был готов через 10 дней после возвращения Клементины Черчилль в Лондон, 22 мая 1945 года. А ещё через 10 дней, 1 июля, предполагалось начать наступательные боевые действия западных союзников против СССР с участием 10–12 немецких дивизий.

Впрочем, дочь Сара позже напишет в мемуарах: *«Послевоенный курс отца на холодную войну с Советским Союзом мама не поддерживала и была рада его отставке... Она относилась к России после своих поездок иначе, чем отец. Мама не верила, что страна, столько перенёсшая и столько потерявшая, может желать продолжения. Мама твердила, что Россия хочет мира, мира и только мира».*

Был отмечен личный вклад А. С. Гундорова не только в разгром фашистской Германии. Александр Семёнович был награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Красной Звезды, Великой Отечественной войны, медалью «XX лет РККА» и другими боевыми медалями.

№х № 087164
27.12.44

Вся грамота выдана по достижению

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

**ОРДЕНОМ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
I СТЕПЕНИ**

1. Фамилия, имя и отчество: **ГУНДОРОВ Александр Семанович**
2. Звание: **Генерал-лейтенант Инженерных войск Красной Армии, мать: И.Д. Генерал-инспектор инженерных войск КА**
3. Представляется к: **Ордену ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ I-я СТЕПЕНИ**
4. Год рождения: **1895** б. Национальность: **Русский** в. Партийность: **чл. ВКП/б.**
7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по воле СССР и отечественной армии (дл. мес.): **Участовал в гражданской войне с 1919-1921, в Отечественной войне с июня 1941 г.**
8. Имеет ли ранения и контузии в отечественной войне: **Не имеет**
9. С какого времени в Красной Армии с **25 октября 1918 года** по: **Кадр. Инженерный корпус Красной Армии**
11. Чем ранее награжден (за какие подвиги): **Орденами: КРАСНОГО ЗНАМЕНИ, КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ и Медалями "XX лет РККА"**
12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи:

1. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг:

Тов. ГУНДОРОВ А.С., исполняя должность генерал-инспектора инженерных войск КА, сумел правильно наделить личный состав инспекции на выполнение задач по дальнейшему укреплению боеготовности инженерных войск и инженерной подготовке соединений резерва Главного Командования.

Лично, имея большой опыт работы в инженерных войсках умело передает его как непосредственно подчиненному генеральско-офицерскому составу, так и действующим частям, в которых приходится бывать в порядке инспектирования.

Достоин награждения орденом ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ I-я СТЕПЕНИ.

Командир (подпись): **М. ДОРОЖЕВ.**

Командир (подпись): _____

Наградной лист А. С. Гундорова к ордену Отечественной войны I степени

Работа Всеславянского комитета продолжалась и после окончания войны. Так в сентябре 1946 года в Медисон-сквер гарден, одном из самых крупных залов Нью-Йорка, состоялся III Американский славянский конгресс. А. С. Гундоров возглавлял делегацию комитета. Гостей участники конгресса встретили овациями. Зал украшал лозунг с высказыванием Президента США Ф. Рузвельта: «Америка гордится своими гражданами славянского происхождения». После этого делегаты из Советского Союза проехали по Соединённым Штатам. По дороге их поезд неоднократно останавливали жители городков, посёлков и организовывали стихийные митинги дружбы.

В то же время стало ясно, что времена меняются, в частности Александр Семёнович вспоминал, что от членов советской делегации американские власти, угрожая тюрьмой, потребовали регистрации в Министерстве юстиции США в качестве «агентов иностранного государства», что влекло за собой запрет на встречи с представителями общественности, выступления на конгрессе.

Как грустно сегодня вспоминать те годы послевоенной эйфории. На Славянском соборе в Болгарии весной 1945 года и Славянском конгрессе в Белграде в декабре 1946 года делегаты единодушно заявляли, что и после войны славянам надо жить и работать вместе, как добрым соседям. Тогда же был создан Общеславянский комитет с центром в Белграде, который координировал деятельность всех национальных комитетов. А. С. Гундоров стал его членом.

В апреле 1947 года был создан Славянский комитет СССР. Александр Семёнович стал его председателем. В президиум комитета вошли известные всей стране люди: военачальники Ф. И. Толбухин, С. А. Ковпак, писатели Н. С. Тихонов, Якуб Колас, В. В. Вишневский, А. Е. Корнейчук, учёные Б. Д. Греков, И. С. Державин, А. А. Вознесенский, народная артистка Л. П. Александровская, министр высшего образования СССР С. В. Кафтанов, митрополит Крутицкий Николай и другие.

Вскоре в марте 1948 года произошёл разрыв отношений между Москвой и Белградом, точнее, между двумя лидерами — Иосипом Броз Тито и Иосифом Сталиным. 18 марта из Югославии были отозваны все советские военные советники, на следующий день — гражданские специалисты. Сейчас больше известно про то, как Иосип Тито, которому было явно тесно в рамках национальных границ, используя покровительство Москвы, пытался прирезать к Югославии части Италии и Австрии, фактически провоцируя военное столкновение с англичанами и американцами. Каплей же, переполнившей терпение Сталина, стал неравноправный договор, который Тито попытался навязать Албании: превращение Тираны в протекторат Белграда. Его тогда резко одёрнули из Кремля, что не понравилось гордому балканцу.

Многих друзей А. С. Гундорова, отстаивающих дружбу с Советским Союзом, тогда в Югославии репрессировали.

Это не сказалось на отношении к советским людям в других странах Европы. Так в 1949 году во время Месячника советской культуры в Болгарии, при посещении города Русе членов делегации несли на руках от машин до места проведения митинга. В Албании при посещении молодёжной стройки — железной дороги — была устроена такая же встреча.

А. С. Гундоров искренне верил в правоту славянского дела, и не его вина, что идея единства славян стала понемногу затухать. В 1949 году уже не было проведено ни одного пленума Общеславянского комитета. После пленума 1947 года он ни разу не обновлялся, хотя из его 32 членов к тому моменту 11 умерли (Баранов, Вишневский, Вознесенский, Греков, Державин, Якуб Колас, Туряница...). Большинство других иностранных членов по различным причинам потеряли с ним связь.

Постепенно слово «славяне» даже в славянских странах стало немодным. Апофеозом стали события наших дней.

В 1962 году не без прямого участия Н. С. Хрущёва Славянский комитет СССР был упразднён, а все его члены вошли в состав Советского комитета защиты мира. Александр Семёнович оставался в его руководстве, так же как и в правлении Советского комитета ветеранов, а также стал президентом Международной федерации борцов Сопротивления и жертв фашизма.

Незадолго до смерти Александр Семёнович так характеризует этот период своей жизни: *«Мне выпала большая честь возглавлять деятельность Всеславянского комитета, одновременно находясь на различных командных должностях в Советской армии, и я лично видел великую мощь народного сопротивления фашизму. Я был свидетелем многого, чего нет в архивных документах. <...> В многотомных изданиях о Великой Отечественной войне этой теме историки не уделили должного внимания. Мне же кажется, что молчать о славянском движении, так широко развернувшемся во время Второй мировой войны, — это значит отказываться от великого патриотического дела, от советского приоритета в развитии народного сопротивления в этих странах, умалять его значение в реализации освободительных результатов войны в славянских странах и в использовании его в развитии мирового революционного процесса после Победы. <...>*

Волна славянского движения так высоко взметнулась в годы войны, а я лишь положил начало этому большому делу. Опыт этого движения может пригодиться не только историкам, но и практикам, занимающимся народно-освободительной борьбой угнетённых народов, в частности, развитием боевого единства арабских, индокитайских, африканских и других народов в борьбе против империалистов. <...>

Моя военная специальность плохо совмещалась с общественной международной деятельностью, которая на меня была возложена, но интересы войны всё объединили».

Вилен Александрович вспоминает, что отец всегда брал его на парады, однажды с ними пошла и сестра Роза, но так как она была уже подростком, то её не пустили на трибуну (видимо, требовалось предварительно внести её в списки гостей). Естественно, обид было много.

Гундоров А. С.: *На Парад Победы мне выдали пропуск на первую трибуну, вход на которую был с Манежной площади, и пройти на генеральскую трибуну было нельзя. По нашему пропуску можно было проводить двух детей, чем я часто пользовался. Я почти всегда, кроме сына, брал по дороге ещё какого-нибудь малыша. Погода была пасмурная, моросил дождичек, но это не умаляло нашей торжественности. Проходя по городу, мы видели, как толпы москвичей спешили в колонны манифестантов, заполняли бульвары и улицы. <...>*

Я, как и все присутствующие на Красной площади, понимал, что являюсь свидетелем великого исторического события, которое запомнится на века как триумф боевого славянского единения в жестокой битве с поработителями. Они вознамерились стереть с карты мира славянские государства и народы, но столкнулись с железной волей людей, готовых отдать жизнь за свободу Отчизны. И эта воля оказалась прочнее немецкой стали.

В 1951 году Гундоровы наконец получили отдельную квартиру в доме № 3-5 на улице Фурманова (ныне Нащокинский переулок). Нащокинский переулок соединяет Гагаринский переулок и переулок Сивцев Вражек, проходит с юга на север параллельно Гоголевскому бульвару.

Если первый дом, в котором они проживали, назывался «генеральским», то новый в народе был известен как Дом писателей. В нём родители Розы и Вилена проживут уже до конца жизни. К сожалению, дом кооператива писателей был снесён в конце 1970-х.

Аура, сопровождающая этот дом, не могла не повлиять на её новых обитателей. Про такие места говорят: «Намоленные».

Уже существовавший здесь дом был надстроен для литераторов жилищно-строительным кооперативным товариществом «Советский писатель». Его председателем правления в 1930-е годы был популярный тогда поэт Александр Жаров, в первую очередь известный словами к гимну пионерии «Взвейтесь кострами, синие ночи». Другой житель этого дома — Михаил Булгаков — в своём романе «Мастер и Маргарита» съязвил по поводу своего соседа, выведя его в роли литератора Александра Рюхина. Иван Бездомный называет его «идиотом, балбесом и бездарностью» и добавляет: «Посмотрите на его постную физиономию и сличите с теми звучными стихами, который он сочинил к первому числу! Хе-хе-хе... “Взвейтесь!” да “развейтесь!”».

Дом писателей на улице Фурманова, ныне в Нацокинском переулке (Дом Булгакова)

Действительно, в доме, где жили Гундоровы, в 1934 году (уже после исторического телефонного разговора писателя со Сталиным) получил квартиру Михаил Афанасьевич, здесь он умер в 1940 году, здесь успел закончить главный труд своей жизни — роман «Мастер и Маргарита».

Михаил Афанасьевич Булгаков

Неслучайно в романе появилась и фраза о квартирном вопросе, испортившем москвичей. Известный литературовед Владимир Лакшин записал со слов жены Булгакова Елены Сергеевны историю о посещении писателем собрания пайщиков кооператива, очень напоминающую диалоги из фильма «Гараж»: «Первым в списке называют Б-на. Булгаков тянет руку. “Что сделал Б-н? В чём его заслуга перед литературой?” — “О, его заслуги велики, — отвечает председательствующий. — Он достал для кооператива 70 унитазов”. Булгаков снова тянет руку: “Скажите, а как он это сделал?” Тут председатель не выдержал: “Сядьте, товарищ Булгаков, ваша квартира № 44”. Потом, когда они с Еленой Сергеевной встречали этого маленького, кругленького Б-на на улице, Булгаков говорил: “Смотри, смотри на него внимательнее, в нём зреет «Война и мир»!»».

И тем не менее Михаил Афанасьевич был доволен, он писал своему коллеге Вересаеву: «Замечательный дом, клянусь! Писатели живут и сверху, и снизу, и сзади, и спереди, и сбоку. Молю Бога о том, чтобы дом стоял нерушимо. Я счастлив, что убрался из сырой Пироговской ямы. А какое блаженство не ездить на трамвае! Викентий Викентьевич!.. Правда, у нас прохладно, в уборной что-то не ладится и течёт на пол из бака, и, наверное, будут ещё какие-нибудь неполадки, но всё же я счастлив. Лишь бы только стоял дом!»

Здесь Булгаков начал писать и не окончил роман «Записки покойника» — «Театральный роман».

Кроме Булгакова в доме жили венгерский писатель и революционер Матэ Залка (он был одним из руководителей строительного кооператива), Виктор Шкловский, драматург Константин Тренёв (автор изучаемой в школе пьесы «Любовь Яровая», со знаменитым выражением: «Пустите Дуньку в Европу!»), Виктор Ардов (к нему наверняка навещался его пасынок Алексей Баталов, с которым учился Вилен Гундоров), писатель, драматург и сценарист Евгений Габрилович, писатель и драматург Всеволод Иванов (вместе с ним жил пасынок — родной сын Исаака Бабеля), Илья Ильф (сюда он въехал, уже написав с Евгением Петровым знаменитые романы, так что в этом доме уже ничего заметного не создал).

В октябре 1933 года в новую кооперативную 2-комнатную квартиру переселились Мандельштамы. Именно здесь написаны два самоубийственных стихотворения «Квартира тиха, как бумага...» и «Мы живём, под собою не чуя страны...».

В той же надстройке верхнего этажа соседом Осипа Мандельштама был ученик Владимира Маяковского поэт Семён Кирсанов. У них установились очень хорошие отношения. Они часто выходили на плоскую крышу дома и читали друг другу свои стихи.

Памятная доска на доме 3/5 по Нащокинскому переулку (улица Фурманова)

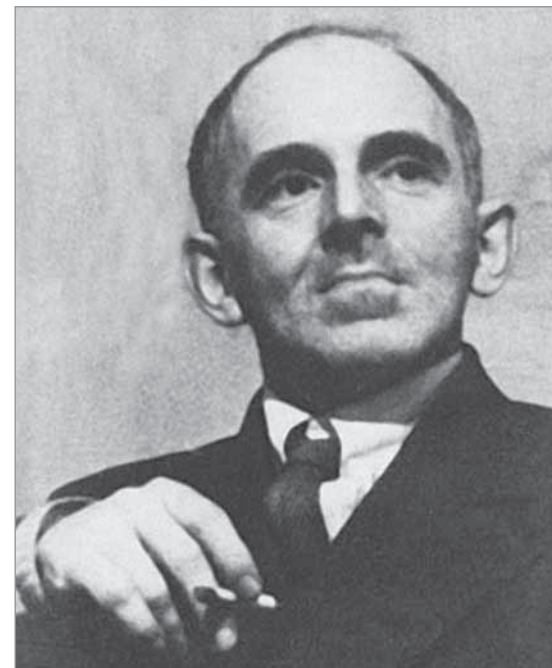
В мае 1934 года Мандельштам был арестован и отправлен в ссылку. Анна Ахматова находилась в это время в его квартире, она вспоминала, что, «когда арестовывали Мандельштама, за стеной у Кирсанова играла гавайская гитара».

Александр Галич упоминает о ней в своей песне, посвящённой памяти Мандельштама «Возвращение на Итаку»:

Всю ночь за стеной ворковала гитара,
Сосед-прощельга крутил юбилей.
А два понятых, словно два санитаря,
Зевая, томились у чёрных дверей.

Семён Исаакович Кирсанов

Осип Эмильевич Мандельштам

Анна Андреевна Ахматова

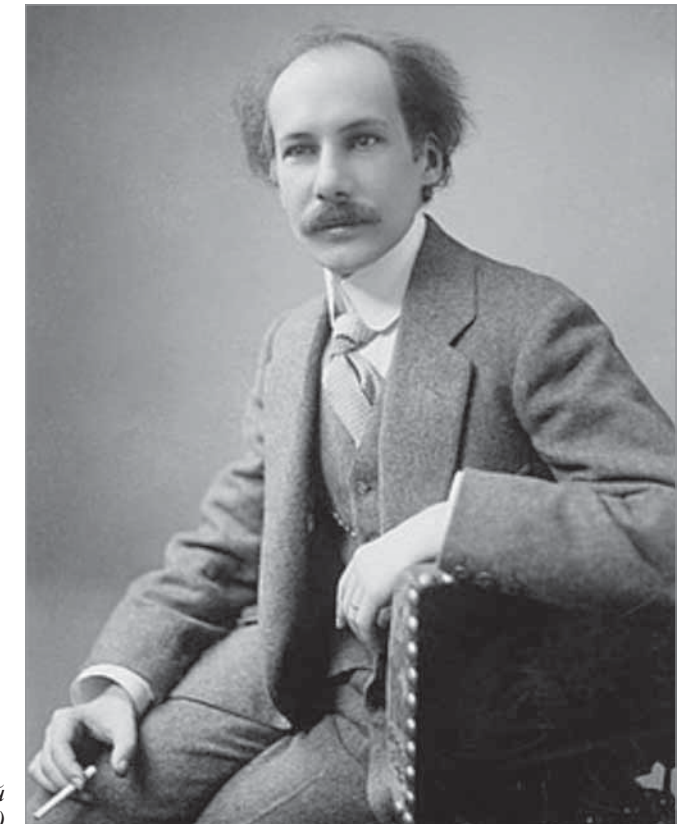
Анна Андреевна также писала про этот дом: *«Тень неблагополучия и обречённости лежала на этом доме. Мы шли по Пречистенке (февраль 1934 г.), о чём говорили, не помню. Свернули на Гоголевский бульвар, и Осип сказал: «Я к смерти готов». Вот уже двадцать восемь лет я вспоминаю эту минуту, когда проезжаю мимо этого места».*

Супруге Мандельштама Надежде разрешили ехать в ссылку в Воронеж вместе с мужем. А пока Анна Ахматова всё в том же доме собирала деньги на поездку. Как она рассказывала: *«Давали много. Елена Сергеевна Булгакова заплакала и сунула мне в руку всё содержимое своей сумочки».*

Сюда же поэт вернулся из ссылки в 1937 году, но прожил уже недолго... до 1938 года.

Кирсанов же в 1936 году переехал в ещё более престижный кооперативный дом писателей в Лаврушинском переулке. В 1951 году Леонид Утёсов исполнит самую знаменитую песню на его слова «У Чёрного моря». Значительно позже, в 1970-е годы станут популярны другие песни на слова Кирсанова: «Эти летние дожди» (на музыку Марка Минкова), исполненную Николаем Караченцовым и Аллой Пугачёвой, и «Жил-был я» (на музыку Давида Тухманова), которую спел Александр Градский.

Тогда же в этот дом чуть было не въехал живой классик Серебряного века Андрей Белый (Борис Николаевич Бугаев).

Андрей Белый
(Б. Н. Бугаев)

Пётр Зайцев вспоминал: *«Ещё в начале 30-х годов была намечена постройка Дома писателей в Нащокинском переулке... Всеми делами этого кооперативного строительства ведал писатель Матэ Залка. Была открыта подписка среди писателей, желающих поселиться в этом доме. Одним из первых решил вступить в этот кооператив Андрей Белый. Но денег на взнос у него не было. За тридцать лет своей писательской жизни и непрерывной работы он их не накопил. Ему пришлось продавать часть своего архива, чтобы уплатить взнос. Клавдия Николаевна очень заботилась, чтобы Борис Николаевич своевременно получил оплаченную жилплощадь. В нужных случаях она обращалась ко мне. Но стройка двигалась медленно, а число кандидатов на квартиры росло. И сам дом сдавался и заселялся частями, по мере готовности каждому».*

из записавшихся. Белого всё это тревожило, и он просил меня выяснить, когда будет готова его квартира.

17 июля Бугаевы собрались выехать в Москву. Были куплены билеты. 15-го сидели и беседовали со знакомыми в Доме творчества. Борис Николаевич был оживлён, весел, он загорел, как негр. И вдруг — дурнота, тошнота, обморок... Это был солнечный удар. Первое кровоизлияние...»

Умер Андрей Белый 8 января 1934 года.

Осенью 1937 года получил квартиру в писательском доме один из печально известных рапповских писателей — Яков Семёнович Рыкачёв (Шихман) — борец с научной фантастикой, которую называл «большим злом», изобличая её «буржуазную мораль», отчим советского писателя Юрия Нагибина, много написавшего об этом доме.

В те дни, судя по всему, освобождалось много квартир.

В рассказе «В Нащокинском переулке» Юрий Маркович вспоминал, как проводили время в компании с нелегально проживающим в доме Святославом Рихтером: виолончелист и художник Владимир Богомазов, пианист, дирижер, преподаватель музыки Олег Агарков, «в ту пору он тяготел к нетрадиционным инструментам, связанным с электричеством и энергией воды, его жена, талантливая артистка Татьяна Панова, бывала редко, как и пианист Мержанов, разделивший с Рихтером первую премию на послевоенном Всесоюзном музыкальном фестивале; не раз встречал я там Милу Нейгауз, дочь Генриха Густавовича, писателя Н. Мельникова — Иоанна Предтечу космополитизма; фоном мелькали бутоньерки осенних и весенних роз — консерваторские хлопотуньи, Славинь поклонницы».

Святослав Теофилович Рихтер

Неподалёку жил художник Роберт Фальк, «по воскресеньям мы ходили к нему в мастерскую, и Роберт Рафаилович, молчаливый и печальный, с покорным видом показывал нам свои картины — он был на редкость плодовит, хотя время никак не стимулировало подобную производительность. Но художник такого масштаба зависит от вечности, не от времени, а с вечностью у Фалька было всё в порядке».

Гуляя с собакой, Роза и Вилен часто во дворе встречали и Нагибина.

Юрий Маркович Нагибин

В доме вместе с Гундоровыми жил поэт и писатель-маринист Николай Панов, который приобрёл в те годы широкую известность как автор более тридцати книг в жанре приключенческих повестей и произведений о военных морях.

Александр Семёновичу наверняка было приятно такое соседство. В отличие от другого...

В 1960 году был проведён обыск в квартире жившего здесь же известного советского писателя и журналиста, бывшего во время войны фронтовым корреспондентом, Константина Буковского. «Органы» интересовал его сын — студент биолого-почвенного факультета Московского университета Владимир, — у которого обнаружили написанное им сочинение «о необходимости

Николай Николаевич Панов

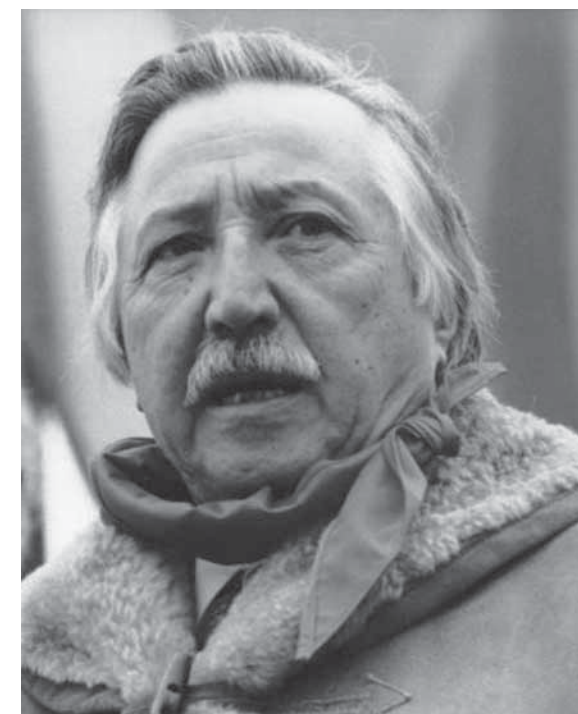

Владимир Буковский на Сахаровском конгрессе в Амстердаме, 21 мая 1987 года

демократизации ВЛКСМ». Следствие в итоге квалифицировало этот документ как «тезисы о развале комсомола».

Перед этим в 1959 году в семнадцатилетнем возрасте Владимир участвовал в издании антисоветского рукописного журнала и был за это исключён из элитной столичной школы № 59, носившей имя Гоголя и находящейся в Староконюшенном переулке.

Далее последовали несколько арестов, и ставший всемирно известным диссидент окончательно перестал быть соседом Гундоровых в 1976 году, когда советские власти обменяли Буковского на лидера чилийских коммунистов Луиса Корвалана.

Луис Корвалан. 1977 год

По этому поводу остряки запустили частушку: «Обменяли хулигана на Луиса Корвалана. Где б найти такую бл**ь, чтоб на Брежнева сменить?»

Переулок, на котором располагался дом, неслучайно получил и имя Дмитрия Фурманова.

Рассказывают, что автор «Чапаева» с оружием реквизирует для себя квартиру в расположенном неподалёку особняке, выгнав семью, как тогда го-

Дмитрий Андреевич Фурманов.
Портрет работы Сергея Малютина.
1922 год

ворили, «из бывших», Марии Тарасовой с маленьким ребёнком и стариками на улицу, несмотря на имевшийся у них охранный мандат. Он прожил свои последние годы здесь, в доме № 14.

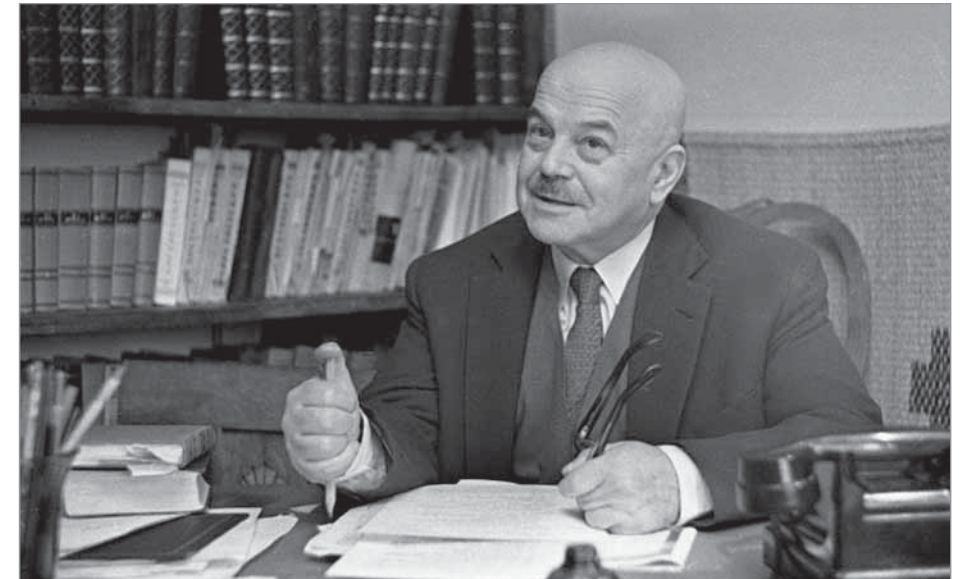
Семейное предание об этом записал внук Артём Тарасов в книге «Миллионер», став известным бизнесменом: *«Прадед, Георгий Христофорович, сумел доказать в ВЧК, что, будучи главным инженером по электрификации, принёс несомненную пользу России. Это по его проекту был протянут первый в истории подводный телеграфный кабель в Беринговом проливе, соединивший Россию и Америку. Оценив его заслуги, большевики семью репрессиям не подвергли... Семья получила на время мандат на свободное проживание в Москве. Правда, доходные дома были тут же конфискованы и заселены семьями рабочих и крестьян, присоединившихся к революции. Особняк в Нащокинском переулке оставался по-прежнему в собственности семьи. Прадед был даже поставлен на довольствие, так как в его квалификации инженера-электрика и связиста нуждалась новая власть. <...>*

Фурманов визгливо заорал: “Я тебя в Сибири сгною! Контра собачья! Мразь буржуазная! Все вон из моего дома! Вон! Немедленно!” Он выхватил из кобуры револьвер, и прадед понял, что последний шанс остаться в живых — это быстро убежать на улицу. Через несколько минут семья была в переулке с теми вещами, которые успели схватить».

Впрочем, проживёт Фурманов здесь недолго и умрёт в возрасте 34 лет в 1926 году. А дом № 3 по Нащокинскому переулку, тогда ещё улице Фурманова, был снесён в 1976 году.

Оказалось, что и у автора этой книги есть пара историй, связанных с жителями этого дома.

В доме жил известный литературовед Виктор Шкловский, автор, в частности, монументального исследования творчества Льва Толстого.

Виктор Борисович Шкловский

Пародист Александр Иванов написал по этому поводу эпиграмму: «Виктор Шкловский о Толстом написал огромный том. Хорошо, что этот том в свет не вышел при Толстом...»

В 1970-е годы патронировавший автора этой книги журналист с необычным именем Маркс привил мне навык, а скорее тогда только интерес к беседам о чем-то с выдающимися людьми. В гости мы ходили регулярно, и круг наших собеседников был широк. Тем более что найти их было тогда несложно — номера домашних телефонов практически всех москвичей можно было получить, позвонив в справочную «09». И вот однажды мы напросились на встречу с классиком.

Виктор Борисович Шкловский получил Георгиевский крест IV степени из рук Лавра Корнилова, участвовавшего в пусть и неудачной попытке свер-

жения гетмана Павла Скоропадского, был знаком с Максимом Горьким, Владимиром Маяковским, Львом Троцким, наконец.

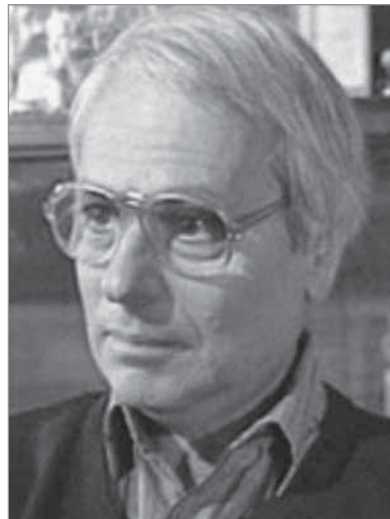
Его сосед Михаил Булгаков вывел его под фамилией Шполянский в романе «Белая гвардия» как человека с демоническими бакенбардами, командовавшего автомобильной ротой в Киеве и саботировавшего её деятельность перед приходом Семёна Петлюры. Этот поступок Шкловский действительно совершил, хотя и в другое время.

Мне, студенту, очень хотелось познакомиться с этим осколком истории, но что-то помешало сопровождать своего «учителя». Как оказалось, это спасло меня от позора. Беседа в доме на улице Фурманова была мирной до тех пор, пока Марк Самойлович не переспросил, что значит упомянутый хозяйном термин «остранение». Узнав, что визитёр не знает ничего о литературном приёме, введённом литературоведом Виктором Шкловским ещё в 1916 году, обладающий и в то время недюжинной силой Виктор Борисович вытолкнул из квартиры достаточно миниатюрного журналиста.

Позже я выяснил, что писатель продемонстрировал на госте действие метода, которым особо гордился, — термином он обозначил задачу писателя вывести читателя «из автоматизма восприятия», сделав для этого предмет восприятия непривычным, странным.

Я же взял с тех пор за правило, разговаривая со своим очередным героем, стараться узнать о нём больше, чем он о себе помнит.

Другая история, о которой у меня тоже не было до сих пор поводов написать, косвенно связана с жителем дома — сыном уже упомянутого Евгения Габриловича — кинорежиссёром Алексеем, ровесником Вилена Александровича.

Алексей Евгеньевич Габрилович

В конце 1990-х годов я был ответственным секретарём жюри премии «Кумир», возглавляемой учившимся в одной школе с Виленом Александровичем, ровесником Розы Александровны — Алексеем Владимировичем Баталовым. Председателем же отборочной комиссии был замечательный драматург Эмиль Вениаминович Брагинский. Оба мэтра — удивительно приятные люди. Особенно мы сдружились с Эмилем Вениаминовичем. Незадолго до своей смерти он рассказал мне забавную кинематографическую историю. Был писатель фанатичным болельщиком «Спартака» и любителем женского пола (скорее даже не любителем, а профессионалом). И вот в 1984 году был показан чудесный документальный фильм Габриловича «Футбол нашего детства». В нём автор опрашивал многих известных людей, чем был для них послевоенный футбол. Заканчивался фильм набором фотографий болельщиков, переживающих за своих кумиров на трибунах стадиона «Динамо». На одной из них оказался Брагинский, обнимающий симпатичную блондинку. Снимок датировался 1947 или 1948 годом, и дама не была женой Эмиля Вениаминовича.

Евгений Габрилович числился в друзьях Брагинских, и фильм посмотрела вся его семья. Через 50 лет (!) Эмиль Вениаминович жаловался мне, как ему тогда досталось от супруги. Не помогли отмазки, что «Спартак» забил год и он обнял на радостях незнакомую ему соседку. Выяснилось, что Габрилович не узнал товарища в молодости и сдал его по неосторожности...

Кстати, если продолжать кинематографическую линию, то отмечу, что двор дома напротив (№ 8), хорошо знакомый Розе и Вилену Гундоровым, запечатлён в популярном фильме Михаила Казакова «Покровские ворота».

Нащокинский переулок, дом 8.

Слева кадр из фильма «Покровские ворота», справа современный вид дома

Сквозь памятную им, а теперь и нам арку въезжал на «копейке» повзрослевший Костик в исполнении Михаила Козакова, и через неё же «неутоми-

мый Савранский» на своём железном коне влетал во двор и лихо подвозил студента Костика в исполнении Олега Меньшикова к соседнему дому, где, по фильму, находилась колоритная коммуналка.

Но Роза Александровна не могла стать свидетелем съёмок, так как фильм вышел на экраны в 1982 году.

Роза Александровна уже в школе считалась старшей по дому. Родители были заняты работой, поэтому забота о порядке в семейном очаге была на ней. Вилен Александрович рассказывает, как сестра и его достаточно жёстко приучала к порядку, следя, чтобы он с друзьями не засиживался на мальчишечьих посиделках.

Дама она была серьёзная уже тогда, впрочем, даже таких может легко вывести из себя подросток переходного возраста. У брата осталось воспоминание, как сестра гоняется за ним вокруг стола, располагавшегося в центре комнаты, но, поняв, что не догонит, в сердцах бросает в него хрустальную пепельницу. К счастью для обоих, она промахнулась.

По словам Вилена Александровича, Роза до десятого класса не собиралась поступать в медицинский вуз. Каких-либо творческих талантов в себе она, видимо, не замечала, поэтому, говорят, решила стать артисткой. Впрочем, попробовать себя в художественной самодеятельности не стала. В школе, скажем так, Роза не была круглой отличницей и особых привязанностей к естественным или точным наукам у неё не было.

Гундорова Р. А.: *Потом я поступила во 2-й Медицинский институт.*

Мама хотела, чтобы я пошла в Иняз. Но я тупая в отношении изучения языков, у меня до сих пор ничего не получается. Папа хотел, чтобы я занялась славяноведением и продолжила его деятельность, поступив на филологический факультет МГУ. И когда мы нашли туда лазейку и одна из преподавательниц взялась помочь нам в этом, но при этом положила передо мной три тома Карла Маркса, сказав при этом: «Вот когда, Розочка, ты всё это изучишь, тогда сможешь поступить в наш университет». В результате я как положила эти книжечки, так до сих пор и читаю.

После этого мы с подружкой Эллой Ческис, у которой мама была врачом, пошли поступать в медицинский.

Заявление о том, что она подала документы во 2-й Медицинский институт, для всех оказалось неожиданным. Что произошло за небольшой промежуток времени в 1946 году в 10-м классе, останется тайной. Во всяком случае, для мамы Розы Александровны было это сюрпризом.

Первое время она даже боялась ходить на занятия в морг, однако вскоре, как и все другие студенты, уже чуть ли не перекусывала в соседстве с трупами.

Гундорова Р. А.: *Первые два года училась я не очень хорошо, мне были далеки все эти косточки. На госэкзамене я завалила гистологию. До сих пор помню суровую преподавательницу Григорьеву — противную тётю.*

Пересдавать сразу было нельзя, и я всё лето зубрила этот предмет. Хотя до сих пор его не знаю. Читаю, понимаю, но только отложу в сторону — и всё забыла, чего они там пият.

Только на третьем курсе что-то во мне проснулось.

Друзья у Розы Александровны в то время были разнообразные, далеко не все её коллеги. В частности, по воспоминаниям Вилена Александровича: «К нам в гости приходили Розины друзья, слушатели Академии им. Жуковского, компания из трёх или четырёх эффектных ребят в форме лётчиков, они меня уговаривали поступать к ним. Что я, когда пришло время, и сделал».

Астафьев А. С.: *После войны, когда она поступила в институт, студентами стали и мужики-фронтовики, ставшие в недалёком будущем профессурой 2-го Мединститута. В аудитории они сидели голодные, в пропахших порохом гимнастёрках. Роза Александровна рассказывала, как она бегала в академию к отцу и там покупала в буфете булки для них.*

Кстати, однокурсниками Розы Александровны были будущие медицинские светила — знаменитый вирусолог доктор медицинских наук, профессор Виктор Абрамович Зуев¹, известный советский и российский хирург Виктор Сергеевич Савельев².

Несколькими курсами моложе одновременно с Розой Александровной учился советский и российский педиатр и хирург, общественный деятель, «Детский доктор мира», доктор медицинских наук, профессор, Герой Труда Российской Федерации Леонид Михайлович Рошаль, с которым у Розы Александровны сохранились добрые отношения на всю жизнь. Она тесно многие годы дружила с его сестрой — Натальей Михайловной.

Необычна судьба выбора дочерью медицинской специализации. У отца в 1951 году была обнаружена глаукома, лечиться он поехал в Одесский институт глазных болезней и тканевой терапии к знаменитому Владимиру Петровичу Филатову.

¹ Виктор Абрамович Зуев — вице-президент РАЕН, доктор медицинских наук, профессор; с 1960 года работал в НИИ эпидемиологии и микробиологии РАМН, в 1974 году возглавил лабораторию микробиологии латентных инфекций. В Национальном исследовательском центре эпидемиологии и микробиологии имени Гамалеи он работает уже больше 60 лет.

² Виктор Сергеевич Савельев — советский и российский хирург, академик Российской академии наук и Российской академии медицинских наук, член Президиума РАМН, заведующий кафедрой факультетской хирургии Российского государственного медицинского университета, доктор медицинских наук, профессор, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР и Государственной премии Российской Федерации.

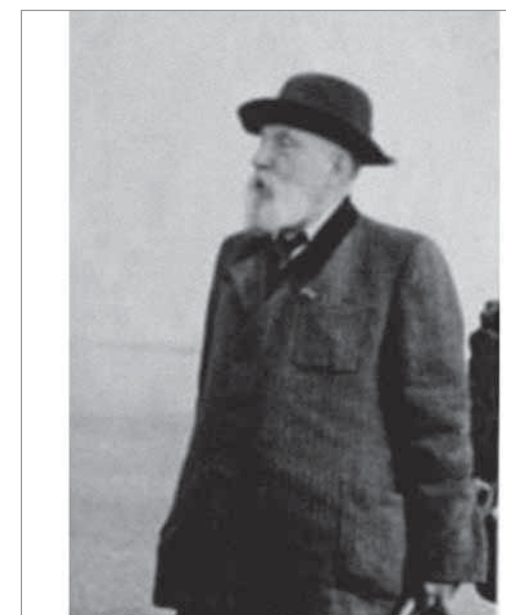
Виктор Абрамович Зуев

Виктор Сергеевич Савельев

Леонид Михайлович Рошаль

*Филатов - мой
первый учитель офтальмологии*

Владимир Петрович Филатов

К тому моменту Владимир Петрович был уже академиком, Героем Социалистического Труда (1950) и получил три из четырёх орденов Ленина. А накануне, в 1950 году, его даже выдвинули на Нобелевскую премию за создание метода пересадки роговицы.

Случай Гундорова показался мэтру интересным, и он начал с ним работать. Александра Сергеевича положили в стационар, а дочь приехала к нему в качестве сиделки. Филатов был легендарной личностью, с аурой столь притягательной, что судьба Розы Александровны оказалась тогда решённой.

По словам учеников Владимира Петровича, даже безнадежным больным он никогда не говорил «нет», утверждая, что отбирать веру у больного — большой грех. А ещё академик считал, что офтальмолог, не владеющий скальпелем, не может быть хорошим специалистом, поэтому уделял много внимания хирургической подготовке своих учеников. Мастерски выполняя наиболее сложные и тонкие глазные операции, он ежедневно передавал свои навыки ученикам.

За полвека деятельности Филатова им лично было проведено несколько тысяч операций. Роза Александровна оказалась хорошей ученицей, количество сделанных ею операций уже насчитывается сотнями тысяч!

Кстати, после смерти В. П. Филатова в 1956 году, дальнейшей разработкой научных идей выдающегося врача и сохранением традиций «филатовской школы» занялась его ученица, тоже ставшая академиком, — Надежда Александровна Пучковская, возглавлявшая в 1956–1985 годах институт, получивший имя основателя. Надежда Александровна, в частности, существенно усовершенствовала систему экстренной помощи при травмах глаза. К ней в 1965 году приезжал основатель научно-педагогической школы термогазодинамического и баллистического проектирования ракетных и ствольных систем вооружения МВТУ им. Н. Э. Баумана профессор Борис Викторович Орлов. Пучковская диагностировала у него лучевую катаракту и направила его к Розе Александровне Гундоровой, считая её своей ученицей. Круг замкнулся...

Пучковская Надежда Александровна

А тем временем Р. А. Гундорова вернулась в Москву профессионально сориентированной.

Сама она рассказывает об этом так: «Папа очень хотел, чтобы дочь пошла по его стопам, продолжала славянское дело, но я стала врачом-офтальмологом. Он заболел глаукомой. Помню, уже была на четвёртом курсе и собиралась стать терапевтом. Болезнь отца прогрессировала. От постоянной напря-

жённой работы внутриглазное давление росло, и он поехал в Одессу к знаменитому Филатову. Я — следом за ним. И там Владимир Петрович Филатов продемонстрировал мне сказочную медицину — возвращение зрения с помощью пересадки роговицы. Это меня так увлекло, что на лечебном факультете стала специализироваться по глазным болезням».

Гундорова Р. А.: В 1-й Градской я решила пойти в кружок. Наталья Александровна Плетнёва удивительный человек, уникальный хирург, про которого студенты, выходя из операционной при удалении катаракты, говорили: «Или это очень простая операция, которую и мы можем сделать, или это чудо-хирург».

На практику на 6-м курсе я попала в Конаково.

Несмотря на то, что я была генеральской дочерью, я была очень скромной, просто ужас! Меня могли освободить от этой практики.

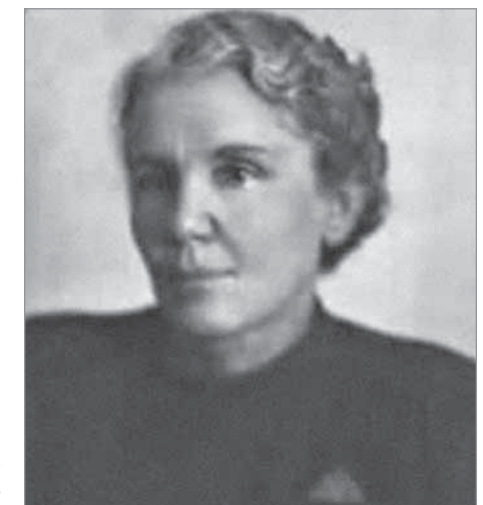
Прибыла я на станцию, но оказалось, что поезд из двух вагончиков только что ушёл. Но я узнала, что вскоре отбывает туда же ещё один вагончик, но наполненный углём: забравшись на него, можно доехать. Иначе придётся ночевать в маленьком привокзальном домике.

Делать нечего, терять день не хотелось.

В Конаково мне дали комнатку дырявую, хотя было уже холодно. Три месяца я её пыталась утром и вечером топить дровами.

Однако именно там во мне что-то проснулось. Там я сделала первую глазную операцию — «детотомию» — удалила глаукому. Она мне удалась, женщина стала видеть.

И после Конаково у меня изменилась немного психика. Я поступила в ординатуру.

Профессор Плетнёва Наталья Александровна

В Конаково Р.А. Гундорова проработала три месяца, принимая больных со всеми болезнями. Местные жители в ней души не чаяли и очень расстраивались, что она недолго у них проработает.

6-й курс, врачебная практика в Конаково

Вилен Александрович вспоминает, какой восторг вызвала у сестры её первая удачная операция — она ликвидировала косоглазие у симпатичной 16-летней девушки, что, конечно, было очень важно и для пациента, и для начинающего хирурга, обе после этого поверили в своё будущее. Фотографию этой девушки Роза Александровна постоянно носила с собой и была очень горда своей работой.

После этого началась жизнь Профессионала.

Тем временем Вилен Александрович окончил Военно-воздушную инженерную академию имени профессора Н.Е. Жуковского. Друг отца генерал В.А. Судец, тогда командующий дальней авиацией ВВС СССР, настоятельно рекомендовал идти служить к нему в Рязанскую область. Но выяснилось, что многие его друзья идут работать в один из научно-исследовательских институтов Минобороны.

Вилен Александрович, брат Розы Александровны, на юбилее Александра Семёновича. Слева мама Надежда Ивановна

Гундоров В.А.: *Отец хотел, чтобы я шёл в армию, но во время моих сомнений он был в очередной командировке и серьёзно повлиять на мой выбор не смог. Таким образом, я остался в Москве и стал заниматься противоракетной обороной, создавал первый в мире локатор дальнего обнаружения. Хрущёв, чтобы «снизить» оборонные расходы, распорядился перевести наш институт в ведение одного из промышленных министерств. Дослужиться я успел до подполковника.*

Вилен Александрович был одним из разработчиков аппаратуры, с помощью которой был осуществлён первый в мире перехват баллистической цели 4 марта 1961 года.

Вилен Александрович Гундоров. 1961 год

До ухода на пенсию Вилен Александрович работал начальником лаборатории ВНИРТМ.

Генерал-лейтенант А.С. Гундоров являлся бессменным руководителем Всеславянского комитета до его расформирования в 1962 году.

Славянский комитет СССР вёл активную работу по обмену делегациями со славянскими комитетами и общинами в Англии, Бельгии, Германии, Греции, Италии, Испании, Франции, США, Канаде, Аргентине, Бразилии, Парагвае, Уругвае, Чили, Австралии и других странах.

А. С. Гундоров посетил более 30 стран мира и в каждой поездке вёл дневники. По воспоминаниям Розы Александровны, она в одном из дневников прочитала: «Сегодня ужинал с де Голлем».

Скончался Александр Семёнович Гундоров 3 декабря 1973 года, на два с половиной года пережив Надежду Ивановну, умершую в феврале 1971 года.

Памятник Александру Семёновичу Гундорову на Новодевичьем кладбище (участок 7-й, ряд 7-й, могила 14-а, левая сторона), в Москве. Здесь же похоронены его жена Надежда Ивановна, его внук Павел (сын Вилена Александровича) и Роза Александровна

Во Всеславянском комитете. 2003 год

БУДНИ РОЗЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ

Всю жизнь люблю новое, всю жизнь смотрю в будущее, мне всегда это интересно!

М. Плисецкая

Семья Гундоровых проживала в доме № 3 по улице Фурманова до его сноса в 1976 году. После чего им была предоставлена квартира на Украинском бульваре.

Дом 5 по Украинскому бульвару в Москве, в котором жила семья Розы Александровны

В 1952 году Гундоровы стали обладателями дачи в посёлке Удельное (Раменский район Подмосковья) опять в доме № 3 и вновь на «писательской» улице Максима Горького.

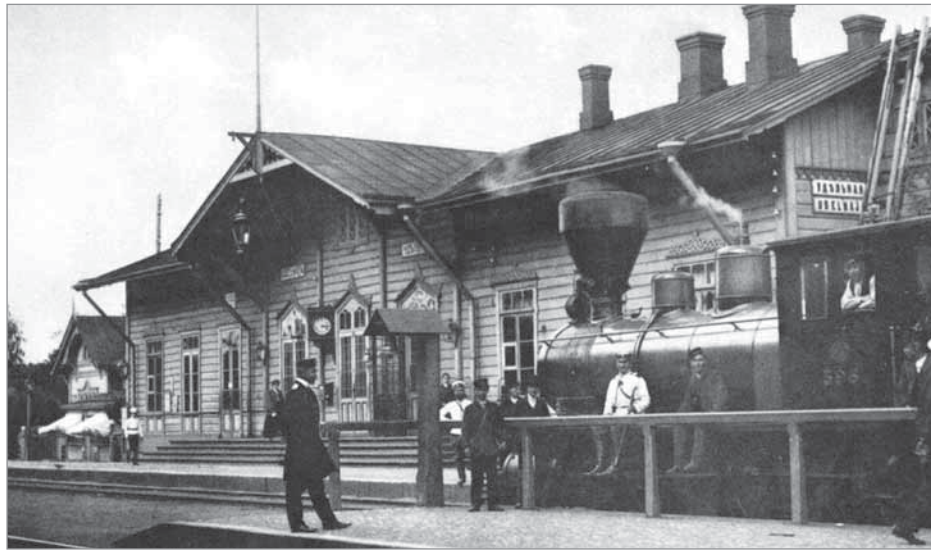
Удельное — это известное подмосковное дачное место, которое в XIX веке даже называли маленьким «русским Парижем» и ароматным раем.

Когда-то эти земли принадлежали царской семье, и там тогда могли жить только члены императорской семьи. Позже участки в Удельном стали

Роза Александровна свято хранила память об отце. Она передала в личные фонды Государственного архива РФ весь домашний архив Александра Семёновича (оп.1480 ед. хр. 1941–1974 годы). Неоднократно писала статьи об отце и выступала с докладами.

раздавать в аренду русским и иностранным предпринимателям под строительство дач. В конце XIX века в посёлке насчитывалось лишь 13 домов, в которых постоянно проживало всего 30 жителей и столько же дачников. Только после строительства здесь железнодорожной станции застройка посёлка ускорилась.

Удельная. Вокзал. 10-е годы XX века

Тогда на улице Песочной появились дачи двоюродных сестер императора Александра III — Маргариты, Ольги и Елены Иосифовны Романовых.

В посёлке был возведен Храм Живоначальной Троицы. Удивительный по красоте проект подготовил местный дачник — архитектор Семён Семёнович Эйбушитц. Расписали же церковь ученики Аполлинария и Виктора Васнецовых, а внутреннюю отделку деревом выполнили по эскизам знаменитых братьев.

Следует добавить, что храм никогда не закрывался.

По приказу Петра I для снабжения водой местных мастерских в Удельной на реке Македонка выкопали пруд, который называют Малаховским озером. В 1901 году были проведены работы по его расширению.

И в советское время Удельное оставалось тихим дачным местом, основная масса домов в котором была одноэтажная. Этот посёлок был облюбован в том числе и писательским сообществом. Так в расположенной неподалеку от дачи Гундоровых усадьбе Лидии Тамбурер, известного зубного врача и по-

Храм Живоначальной Троицы в Удельной

томственной дворянки, долгое время жила Марина Цветаева и её сестра Анастасия, бывал Михаил Булгаков, Алексей Толстой.

Дача Лидии Тамбурер и памятная доска на доме

В имение писателя Николая Телешёва часто приезжали знаменитые артисты Антонина Нежданова и Фёдор Шаляпин.

РОЗА АЛЕКСАНДРОВНА ГУНДОРОВА. ЖИЗНЬ ГЛАЗА В ГЛАЗА

Жили здесь и другие известные люди, в частности, президент Академии наук СССР А. П. Карпинский, военный лётчик, Герой Советского Союза Горячев Виктор Фёдорович, в честь которых названы улицы в Удельной.

Благодаря матери председателя Совета министров СССР Георгия Максимилиановича Маленкова (с которым отец Розы Александровны был хорошо знаком) — Анастасии Георгиевны Ульяновой-Маленковой, в Удельной появился дом отдыха «Центросоюз».

Анастасия Георгиевна возглавляла дом отдыха, а в послевоенные годы санаторий «Центросоюз», с первых лет его работы. За 22 года ее руководства была построена здравница, лес превращён в парк, был разбит фруктовый сад. По тропинкам ходили роскошные цесарки, яркие павлины.

Она умерла в возрасте 84 лет, в 1968 году. Многие её не помнят или даже не знают, но по-прежнему спешат за продуктами в Маленковский магазин.

Удельная, магазин Маленковский

Только на рубеже 1960–1970-х годов в Удельной развернулось многоэтажное строительство.

«Дачная» жизнь Р. А. Гундоровой была очень важна для неё, неслучайно здесь она, как могла, отдыхала от напряжённого повседневного рабочего рит-

Будни Розы Александровны

ма жизни, здесь она отмечала свои счастливые и горестные события... За городом она могла почувствовать себя простым человеком, женщиной и немного домохозяйкой, а не прославленным профессором...

С любимой собакой на даче, 1996 год

Гундоров В. А.: Мне особенно запомнился последний год¹, когда Роза приезжала в выходные на дачу. В это время мы больше всего общались. Именно тогда я получил максимум удовольствия от общения. Прожив 80 лет вместе, из-за постоянной занятости и суеты, оказалось, поговорить друг с другом не получалось.

Впрочем, наши отношения и раньше были очень близкими, тёплыми. Обычное выяснение отношений между близкими при дележе наследства к нам отношения не имело. Правление дачного кооператива отмечало, что ни одного

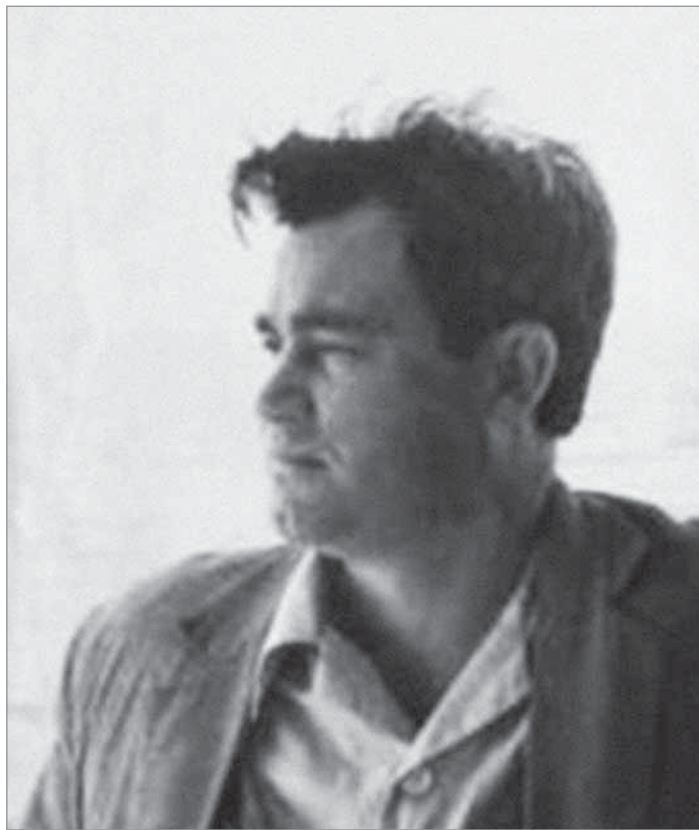
¹ 2013 год — Прим. автора.

собрания по нашему поводу им организовывать не приходилось. И это даже вызывало у них удивление.

Муж — Василий Иванович Дроздов

Замуж Роза Александровна вышла в 30 лет — расписались молодые 28 сентября 1958 года. Мужем стал Василий Иванович Дроздов, инженер МНИИ электромеханики и автоматики. Этот институт с 1951 года занимался выпуском автопилотов и систем автоматического управления для новых самолётов и ракет, а затем навигационно-пилотажных астроинерциальных комплексов для самолётов.

Он был чуть младше Розы Александровны — родился в 1929 году в селе Демьянки Брянской области.

Муж Розы Александровны — Василий Иванович Дроздов

Обстоятельства женитьбы Р.А. Гундорова описывает так.

Гундорова Р. А.: *Я продолжала оставаться «хорошим парнем». Так потеряла 28 лет — никто в меня не влюблялся. Мама была очень строгая, ничего мне не разрешала. Только сейчас я могу в этом признаться.*

Встретила я Василия Ивановича с большими-пребольшими глазами. К тому моменту я была уже кандидатом наук, дочь генерала. У жениха была минимальная зарплата, что отражалось на его старых ботинках и дешёвом костюме. И представляется он мне в одном из научно-исследовательских заведений трубочистом. И настаивает на этом.

Выясняется, что он не врёт. Вечером он учился в Тимирязевской академии.

Но я влюбилась. Тем более что он неплохо рисовал, дарил мне картины и писал стихи. И даже играл на скрипочке, правда, ужасно, и слушать его было невозможно.

Когда мы приезжали с дачи, он просил: «Роза, дай мне поощрительное!» (имелась в виду водочка или коньяк). Когда я отказывала, он угрожал: «Тогда на скрипочке сыграю!» Дело было безвыходное.

Впрочем, профессор (тогда) Бокерия танцевал «Танец маленьких лебедей» под такой аккомпанемент.

Следует отметить, что сама Роза Александровна очень неплохо играла на фортепиано. Так и сложился музыкальный дуэт.

По словам Розы Александровны, их сосватали. Когда Василий Иванович сделал Розе Александровне предложение, то сразу оговорил, какой порядок должен был установиться в общем доме. А он оказался сторонником домостроя, поэтому жёстко указал: жена должна быть «за мужем». И Роза Александровна согласилась на это, всегда приговаривая: «Дома я жена, а профессор только на работе».

Впрочем, Василию Ивановичу всё-таки никогда не давали забыть, кто его жена: в гости домой и на дачу приезжали высокие гости, и сомнений не возникало, кого они хотят видеть. Рассказывают, что однажды на каком-то вечере к нему обратились: «Профессор». На что он ответил: «Вон там профессор танцует, а я её муж».

Как уже говорилось, Василий Иванович неплохо рисовал, и в квартире Гундоровых на Украинском бульваре в каждой комнате висели его работы. Розе Александровне очень нравились две из них: на одной, что поместили в спальню, над кроватью, был изображён пейзаж их любимого Дома отдыха. А на другой, висящей в гостиной, — белая и чёрная лошади, пасущиеся на лугу. Василий Иванович говорил о «тайном» смысле этой картины: «Это мы с Розой. Она белая, а я чёрный».

Было видно, что Роза Александровна очень любила и уважала Василия Ивановича. Равнодушные друг к другу люди не делают к памятным датам до-

Роза Александровна и Василий Иванович

Любимые картины Розы Александровны, которые написал Василий Иванович

машинные журналы с фотографиями, юмористическими подписями под ними и своими стихами.

Биктимиров Р. Г.: *Василий Иванович был серьёзным инженером, но страдал от типичной российской болезни, точнее он от неё не страдал, а почти гармонично жил с ней. Роза Александровна тепло к нему относилась, но следила за ним, прятала дома весь алкоголь, правда, не блокируя желания мужа полностью, а лишь дозируя их, выдавая горячительное определёнными порциями.*

И тем не менее всё-таки, наверное, нелегко было нести груз мужа знаменитой, любимой всеми женщины. И это, видимо, стало причиной приобщения Василия Ивановича к традиционной русской болезни — он никогда не упускал момента, чтобы... ну, читатель, видимо, и так догадался... Тем более когда у него появился любимый зять, всегда готовый поддержать тестя.

Астафьев А. С.: *Василий Иванович однажды сказал ей: «Мне надоело видеть только твою спину!» Приходя домой, Роза Александровна ужинала, затем сразу садилась за рабочий стол и начинала писать или править какой-то материал.*

У неё и на даче, на участке, стоял специальный стол, за которым она тоже постоянно работала. Единственное, на что она не соглашалась, так это на то, чтобы на даче был установлен телефон. Она понимала, что это будет ей грозить постоянными экстренными вызовами в институт.

Биктимиров Р. Г.: *Однажды она приехала на дачу, было лето, жарко. Заливаясь от смеха, Роза Александровна рассказала, что она предложила Василию Ивановичу на обед борщ, но он ответил, что предпочёл поесть крошки. Ничего странного в этом не было, готовила его жена хорошо, если бы не одно но...*

Мужики ели крошку и чуть ли не падали лицом в тарелку. Оказалось, крошка была на коньяке.

Рассказано это было Розой Александровной со смехом, без всякой злобы.

Но однажды он её всё-таки разозлил. Произошло это 1 июля, в день рождения Андрея. Мы сидели на веранде, а Василий Иванович, крепко хватив, пошёл покататься в машине, что очень любил. Будучи талантливым инженером, он постоянно что-то оптимизировал. В этот раз, проверяя какую-то очередную рационализацию, он с рёвом выводил машину из гаража и затем с грохотом въезжал на ней обратно. Предчувствуя возможные последствия, Роза Александровна несколько раз кричала мужу: «Вася, прекрати!» Но остановить мужика, занимающегося любимым делом, было невозможно. В очередной раз, загоня машину в гараж, он ободрал одну её сторону о створ ворот.

И здесь никакой истерики не было, хотя воспитательные процедуры были проведены. Жене необходимо было выплеснуть эмоции.

В изложении зятя история выглядит так.

Астафьев А. С.: Однажды Роза Александровна сделала окрошку и до добавления в неё кваса поставила кастрюлю в холодильник. За ужином она увидела такую картину: я и Василий Иванович с удовольствием поедаем её произведение. Идиллическая картина нарушалась тем, что мы на глазах веселили. Розу Александровну это смутило: «Что-то здесь не то! Почему у вас такие пьяные морды?» Каково же было её удивление нашей сообразительностью, когда она узнала, что вместо кваса в её окрошку был налит коньяк! Так мы её разыграли.

К мужским посиделкам тёща относилась лояльно, прощала наши «шалости».

Василий Иванович порой отправлял меня к теще за пивом со словами: «Иди к Розе, она тебя любит и не откажет!»

Умер Василий Иванович рано — в 1993 году, виной всему рак. Похоронили его на Даниловском кладбище в Москве.

Дочь — Наталья Васильевна Астафьева (Дроздова)

Дочь Розы Александровны и Василия Ивановича — Наташа

У Розы Александровны и Василия Ивановича была одна дочь. Она родилась 21 июля 1959 года. И Роза Александровна не чаяла в ней души.

С дочерью и мужем

Её день рождения стал особой датой — многие годы в этот день на даче в Удельном собирались друзья, весь отдел офтальмотравматологии, порой и сотрудники других отделов Института им. Гельмгольца. Конечно, те, кто не был занят в этот момент на работе: дело для Р. А. Гундоровой всё-таки всегда было на первом месте.

Неформальные, весёлые встречи в Удельной были посвящены празднованию дня рождения дочери, но традиция продолжилась и после смерти Наташи. Эти встречи для Розы Александровны стали днём памяти Наташи.

Удельная, очередное 21 июля

Встречи проводились до 2013 года — до тех пор, пока Роза Александровна вела активный образ жизни. О них с удовольствием вспоминают их участники.

Орлова Е. Б.: *Я и мои родные, начиная с 2006 года, в течение семи лет присутствовали на этих посиделках в саду, и нам очень нравилась царившая на них атмосфера. С раннего утра Вилен Александрович устанавливал в саду столы. Собиралось человек 25–30. Конкретного времени сбора не было. Приезжали все в удобное для них время. Да и привозили еду — кто что мог. Обязательно был шашлык и салат Брикмана (яйца с репчатым луком и майонезом). Роза Александровна готовила селедку под шубой с яблоками по рецепту её мамы и обязательно какой-нибудь суп.*

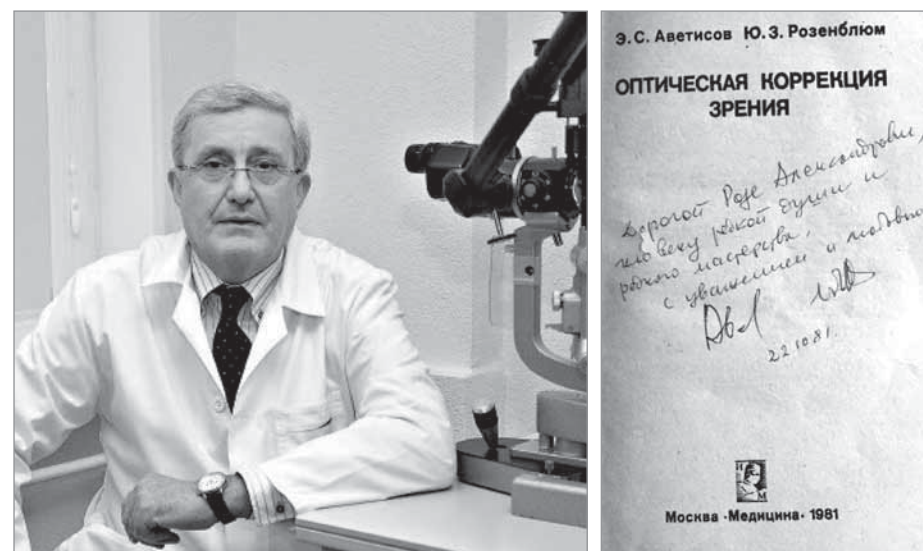
После того как Розе Александровне стало трудно ходить, сотрудники отдела и ученики стали приходить 21 июля и 21 декабря к ней домой на Украинский бульвар.

В день рождения Розы Александровны. 21 декабря 2015 года

Наташа окончила тот же 2-й Медицинский институт, что и её мама, тоже стала офтальмологом, работала в ФГБНУ «Научно-исследовательский институт глазных болезней», которым руководили долгие годы член-корреспондент АМН СССР, лауреат Ленинской и Государственной премий, Герой

Социалистического Труда, профессор Михаил Михайлович Краснов и академик РАН, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный врач РФ, профессор Сергей Эдуардович Аветисов, приятель Розы Александровны.

Сергей Эдуардович Аветисов

Наталья вышла замуж, защитила кандидатскую диссертацию, ездила с Розой Александровной на все конгрессы, симпозиумы и конференции. В поездках она была не только дочерью. Наташа была коллегой и, поскольку свободно говорила по-английски, то ещё и личным переводчиком мамы. Но, как потом оказалось, сопровождала маму Наталья не только по профессиональным причинам.

Судьба Наташи оказалась тяжёлой, она долго болела красной волчанкой и жила с этим заболеванием гораздо дольше, чем с ним обычно живут, только за счёт заботы о ней матери. Роза Александровна всячески поддерживала Наташу, благодаря своим профессиональным связям смогла сделать жизнь Наташи, может быть, чуть легче и наверняка длиннее того, что ей было отмерено. Роза Александровна говорила: «С таким заболеванием столько, сколько прожила Наташа, не живут».

Роза Александровна постоянно возила с собой необходимые препараты и медицинские иглы, чтобы, если понадобится, вовремя прийти Наташе на помощь. Благодаря такой заботе долгое время практически никто (даже очень близкие люди) о заболевании Наташи не знал. О нём широко стало из-

Свадьба Наташи
с Андреем Астафьевым

Роза Александровна и Наташа

вестно только после смерти дочери. До этого же некоторые даже думали, что мать просто потакает капризам любимой дочери.

Оганесян О. Г.: *Как-то поздним вечером, во время дежурства, получив больного с внутриглазным инородным телом, я позвонил шефу, чтобы согласовать тактику лечения. И тогда её голос и интонация меня взволновали. Роза Александровна разговаривала со слезами, что было слышно по её голосу, было понятно, что произошло что-то непоправимое. Её слова: «Наташа в больнице. Она умирает» — для меня прозвучали неправдоподобно! Я не понимал, что происходит... Шеф расплакалась, рассказала о состоянии дочери, о том, что говорят врачи, о неизбежности... Впервые за все годы она попросила меня не оперировать и не идти в операционную. Не идти в операционную и не удалять инородное тело экстренному больному! Я ничего не понимал... И не осмелился бы даже спросить: «Почему?» Спросить: «Что будет, если начнётся эндофтальмит???» Перед тем как она повесила трубку, я только сказал: «Хорошо».*

Операцию в тот вечер провела сама Гундорова.

Оганесян О. Г.: *Не было никаких лишних движений и никакой паники. Инструмент она умела держать крепко, но изящно. Именно так оперировала Роза Александровна спустя час после нашего с ней разговора в то дежурство... То амагнитное инородное тело в тот вечер я вряд ли бы удалил... Шеф это сделала, как всегда, чётко, красиво, быстро и профессионально. Несмотря на то, что это был один из самых тяжёлых и даже трагичных дней в её жизни...*

В какой очередности располагались в душе, мыслях, в повседневности Розы Александровны работа, ребёнок, личная жизнь, вряд ли кто-то знал. Но то, что всё это сочеталось в ней очень гармонично, — бесспорно.

Одно могу сказать: сейчас в моём окружении таких людей нет.

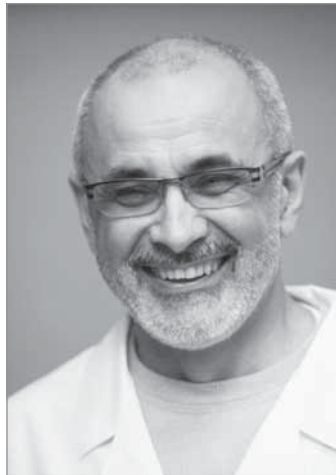
Для Розы Александровны было лучшим успокоительным в самые тяжёлые моменты ее жизни встать к операционному столу. Так же было, когда в 18 лет Наташе удаляли огромный тромб.

Наташе было 46 лет, когда она 26 сентября 2005 года ушла из жизни.

Роза Александровна любыми средствами старалась сохранить память о дочери, даже до конца жизни поддерживала отношения с друзьями Наташи.

Многие годы особая дружба Наталью связывала с Рафаэлем Габбасовичем Биктимировым (его рассказ представлен в этой книге), офтальмологом и врачом высшей категории — к.м.н. Ларисой Александровной Ильяковой и врачом высшей категории Людмилой Григорьевной Буренковой.

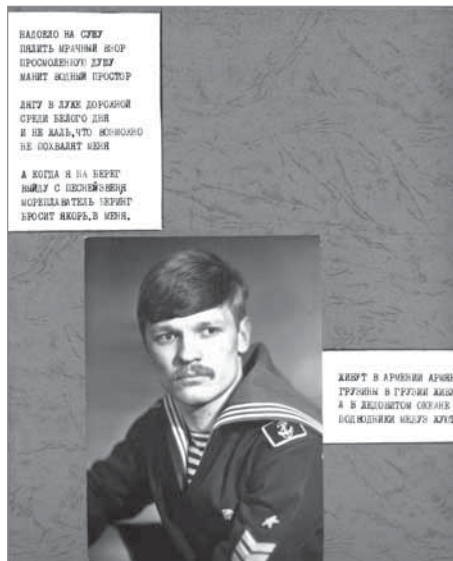
Орлова Е. Б.: *Наташа курила. Я тоже курю. И когда приходила к Розе Александровне, она мне разрешала покурить в комнате и при этом говорила: «Покури, а я понюхаю, вспомню...»*

Рафаэль Габбасович Биктимиров

А ещё Наташа очень любила яблоки Семеренко и солёные огурцы, поэтому, когда мы с мамой приезжали к Розе Александровне в гости, то всегда везли несколько банок своих солёных огурцов.

Роза Александровна мужественно переживала семейные трагедии, следует сказать, что ещё раньше умерли её муж и любимый племянник Павел, она практически никогда не плакала и не жаловалась, даже вспоминая дочь. Нелучайно её порой называли Железным Феликсом.

Любимый племянник Розы Александровны Павел Виленович Гундоров (Павлик).
Страница из домашней газеты

О тяжёлых днях Розы Александровны вспоминает близкая к ней Елена Борисовна Орлова.

Орлова Е. Б.: *Только однажды случайно, когда я была у неё, Роза Александровна пошла за документами в комнату Наташи (она редко в неё заходила после смерти дочери) и, когда она думала, что я не слышу, заплакала. Это был даже не плач, а вой, стон раненой матери.*

Елена Борисовна в пятницу 23 сентября 2005 года приехала в Институт им. Гельмгольца, чтобы навестить тётушку, которой незадолго до этого сделали операцию. Заодно зашла к Розе Александровне.

Орлова Е. Б.: *Когда я вошла, она разговаривала с профессором В. П. Быковым, речь шла о Наташе, о том, что в среду её госпитализировали и что близится конец её мучениям. Когда профессор ушёл, я попыталась сказать Розе Александровне, что надо продолжать надеяться, порой происходят чудеса, Наташа поправится. Но она резко перебила меня: «Я врач и всё понимаю. Это конец». Тогда я попросила её, чтобы, если неизбежное случится, она позвонила мне первой.*

Наташи не стало около 23 часов в понедельник 26 сентября, и около половины двенадцатого ночи Роза Александровна позвонила мне и сообщила об этом. Как она потом мне говорила: когда я ей так сказала, у неё не оставалось сомнений в том, что именно мне первой следует позвонить и что именно я помогу ей в эту тяжёлую минуту, как никто другой. Тогда я сразу предложила приехать к ней, но услышала очень твёрдое: «Нет, я эту ночь буду одна».

Утром в 8 часов я уже была у Розы Александровны, предварительно заехав в храм и заказав молебен, а потом занялась организацией похорон. В 9 утра приехал ученик Розы Александровны кандидат медицинских наук хирург-офтальмолог Юрий Александрович Капитонов (как ласково называла его Роза Александровна — Капитоша), оказавший большую помощь в той тяжёлой ситуации. Он поехал в фотолабораторию делать портрет Наташи с подобранной Розой Александровной фотографии.

Наташа была в морге при Центральном приёмном отделении Московской медицинской академии им. Сеченова на улице Россолимо, дом 12. Её должны были вскрывать, поскольку болезнь, вызвавшая смерть Натальи, была редкой и в случае с Наташей долгой. Но Роза Александровна была против вскрытия, и Юрий Александрович сумел договориться, чтобы её волю исполнили. За что Роза Александровна была ему очень признательна.

С Наташей прощались в Большом зале морга Центральной клинической больницы Управления делами Президента Российской Федерации на ул. Маршала Тимошенко. В морге было очень много людей.

Было решено отпеть Наталью, Роза Александровна подтвердила, что она была крещёной.

Орлова Е. Б.: *Роза Александровна вначале этого не хотела. Но потом была очень благодарна за это моё предложение по нескольким причинам. Она очень боялась увидеть Наташу в гробу, но решилась войти в зал первой, пока там никого не было, и, когда увидела умиротворённое лицо Наташи, начала успокаиваться. Особенно важной для Розы Александровны оказалась панихида, когда зажглись свечи в руках пришедших людей. Роза Александровна очень боялась момента, когда опускать закрытый гроб, но слова батюшки, подошедшего к ней после панихиды, почти успокоили её.*

Похоронили Наташу на Даниловском кладбище, там, где уже лежал её отец...

Даниловское кладбище. Памятники Наташе и Василию Ивановичу

Эскиз памятника Наталье сделал профессор, доктор медицинских наук Михаил Германович Катаев, которого Роза Александровна считала одним из выдающихся хирургов-офтальмопластиков.

Профессор, доктор медицинских наук Катаев Михаил Германович

На Новый, 2006, год Роза Александровна хотела остаться дома. Но семья Орловых, понимая, что ей трудно будет одной встретить первый праздник без Наташи, уговорила приехать к ним. За три часа до Нового года Борис Орлов-младший заехал за Розой Александровной и привёз её с любимой собакой Айзой.

Орлова Е. Б.: *Роза Александровна тогда поставила условие, что сам Новый год она обязательно должна быть дома. Поэтому в начале двенадцатого Боря отвёз её домой. С этого Нового года пошла традиция нашего общения с Розой Александровной в Новый год. Эти встречи продолжались восемь лет, пока накануне 2013 года Роза Александровна не заболела.*

У Розы Александровны было два племянника — дети Вилены Александровича — Павел Виленович Гундоров (родился 15 января 1962 года) и Надежда Виленовна Меликян (Гундорова) (родилась 13 апреля 1979 года).

Павла Роза Александровна особенно любила и дружила с ним, называя его Павликом. Павлик служил на атомной подводной лодке в Петропавловске-Камчатском и демобилизовался в звании капитана 3-го ранга. Он был ровесником Наташи, они вместе росли и ушли из жизни примерно в одном возрасте. Павел скончался скоропостижно.

Совместная встреча первого после смерти Наташи Нового 2006 года в семье Орловых. Справа Роза Александровна с любимой собачкой Айзой. Слева Елена и Ирина Орловы

Роза Александровна сильно переживала смерть Павлика, а в её спальне всегда стоял его портрет. К Артёму, сыну Павлика, которому в год его смерти было всего 10 лет, Роза Александровна относилась как своему родному внуку, баловала его. Артем закончил бакалавриат РЭУ им. Г. В. Плеханова по направлению юриспруденция

Друзья и приятели

Отец Розы Александровны был генералом и крупным общественным деятелем, и она, как уже говорилось, выросла в среде, в которую входили многие известные люди Советского Союза и деятели других стран. В детстве она встречалась с первыми советскими маршалами, лидерами Югославии Иосипом Броз Тито и Болгарии Георгием Димитровым, супругой премьер-министра Великобритании Клементиной Огилви Спенсер-Черчилль и другими политическими деятелями. Училась Роза в школе вместе с детьми людей, чьи имена, может быть, сегодня забыты, но много значили для советских людей, да и долго жили

Гундоровы в начале в генеральском, а затем в писательском доме, наполненном истинными и раскрученными знаменитостями, гениями и талантами.

От такого созвездия VIPов голова могла закружиться, но на Розу Александровну это не подействовало.

В дальнейшем уже заслуги Розы Александровны сделали её окружение незаурядным.

Когда личная семейная жизнь складывается так трудно, только работа и друзья могут стать поддержкой сильному человеку, которому необходимо справиться со всеми испытаниями судьбы.

Профессиональные достижения Розы Александровны представлены на страницах этой книги, но необходимо поговорить ещё об одном её таланте — таланте дружить.

Друзья Розы Александровны — удивительно разные, среди них были коллеги с различной профессиональной специализацией, представители творческой элиты, военные, учёные... Столь же разнообразен был и возраст тех, кому повезло стать её другом.

При этом Роза Александровна была очень верна однажды сложившемуся мнению о человеке, а к новым людям тяжело привыкала. Причём это относилось не только к друзьям, приятелям. Она вообще привыкала к своему окружению, не любила в нём перемен. Так много лет ей помогала и была рядом Татьяна Андреевна Зорикоева, Роза Александровна называла её любовно Матильдой.

Много лет Роза Александровна не меняла своего секретаря Наталью Дмитриевну Заскальную и, несмотря на некоторые её недостатки, защищала перед руководством.

Порой эта привязанность перерастала в дружбу. И дальнейший порядок перечисления друзей не имеет никакого значения, настолько это были разные люди.

С друзьями-коллегами

С Татьяной, преданным спутником жизни и секретарём

Среди них было много коллег — блестящих специалистов различного профиля. В частности, другом семьи был Лео Антоновича Бокерия — сердечно-сосудистый хирург от Бога, академик РАН и РАМН. Часто в доме Розы Александровны бывала и её коллега-офтальмолог, племянница Л. А. Бокерии, ныне профессор, доктор медицинских наук Ольга Ивановна Кваша. Вместе с Лео Антоновичем Роза Александровна ругала её за то, что долго тянула с докторской диссертацией, и радовались, когда та её защитила.

Фактически спас от смерти Наталью и до конца жизни стал близким Розе Александровне человеком товарищ её дочери и зятя Рафаэль Габбасович Биктимиров, которого она называла просто Рафо.

С 1983 года и до конца своих дней она принимала подруг Наташи — Ларису Александровну Ильянкову и Людмилу Григорьевну Буренкову, которые работали вместе с Наташей и которые до сих пор помнят Наташу и Розу Александровну и приходят на их могилы.

В то же время Роза Александровна много лет дружила с генералом Антоном Мирзоевичем Акопяном.

Орлова Е. Б.: *Симпатии были взаимны. Я помню, как при мне, когда Роза Александровна уже передвигалась в инвалидном кресле, приехал Антон Мирзоевич, которому тоже было уже много лет, он плохо видел и ходил с палочкой. Но, узнав, что его Розочке нужно лекарство, которого в России нет, он использовал свои международные связи и сам привёз его Розе Александровне. И между ними состоялся такой диалог:*

- Ты уже в кресле, а я только с тросточкой.
 - Джендльмен.
 - Отлично смотримся.
 - А вот если бы лежали рядом, то ещё лучше смотрелись бы.
- И оба при этом засмеялись.*

Роза Александровна много лет дружила с лейтенантом ФСБ из группы «Альфа», ставшим на её глазах полковником, одним из шести кавалеров четырёх орденов Мужества Сергеем Милицким. Как и со многими своими друзьями, она познакомилась с ним, когда он был в чрезвычайно трудном положении — во время боевой операции потерял глаз, рисковал лишиться и второго. Кроме блестяще (как всегда!) выполненной операции Роза Александровна сумела поддержать молодого человека морально, нашла слова, которые помогли ему продолжать жить и, более того, сохранить работу, без которой он себя не представлял. А Р. А. Гундорова после этого стала шутить: «Со мной надо быть осторожным. За моей спиной вся группа «Альфа»». Действительно, фотография с альфовцами висела в кабинете Розы Александровны за её спиной.

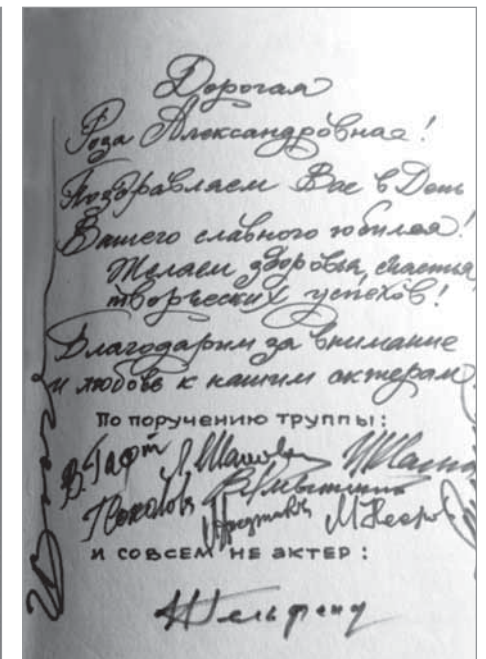
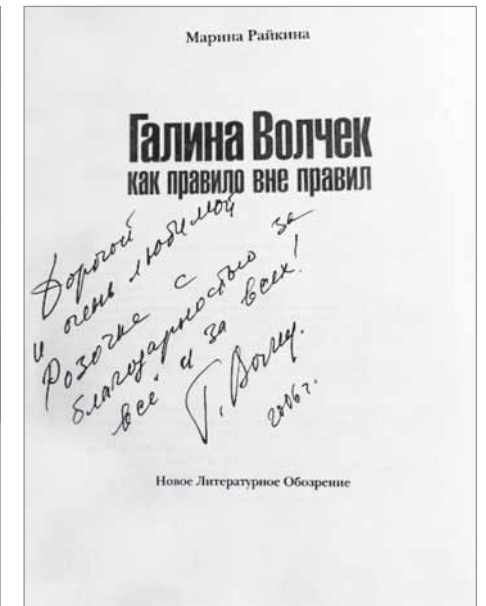
С полковником Управления «А» кавалером четырёх орденов Мужества Милицким Сергеем Владимировичем

Были среди друзей и приятелей люди творческих профессий: Роза Александровна поддерживала тёплые отношения с главным режиссёром театра «Современник» Галиной Волчек, с народным артистом РСФСР Георгием Тараторкиным и его женой — советской и российской актрисой, сценаристом, писателем Екатериной Марковой.

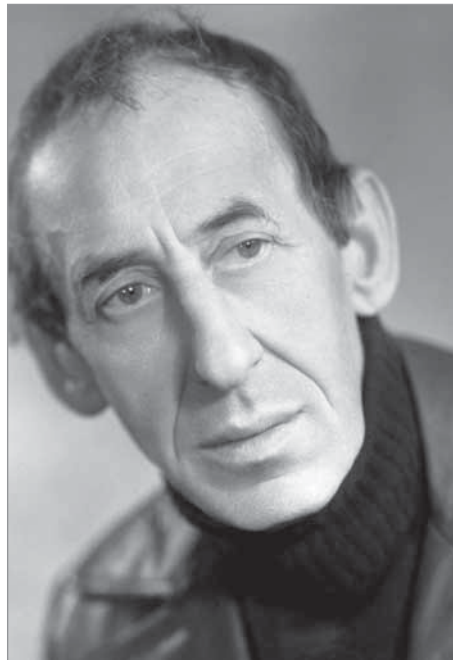

Екатерина Маркова и Георгий Тараторкин

Долгие годы она дружила с актёром, кинорежиссёром и сценаристом, народным артистом СССР Владимиром Басовым. Он был одним из двух, кому она разрешала в своем присутствии лежать на диване, стоящем в гостиной. Вторым был Борис Орлов (младший) — как его называла Роза Александровна, «эрзац-внук».

Галина Волчек и книга с автографами артистов театра «Современник»

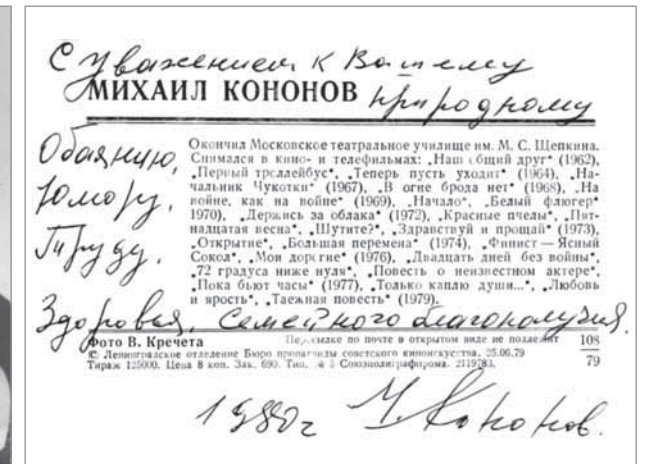

Владимир Павлович Басов

Роза Александровна с «эрзац-внуком» Орловым Борисом

В 1980 году, в годы самой большой популярности, народный артист России Михаил Кононов подписал свою фотографию с неформальным пожеланием: «С уважением к Вашему природному обаянию, юмору и труду. Здоровья, семейного благополучия».

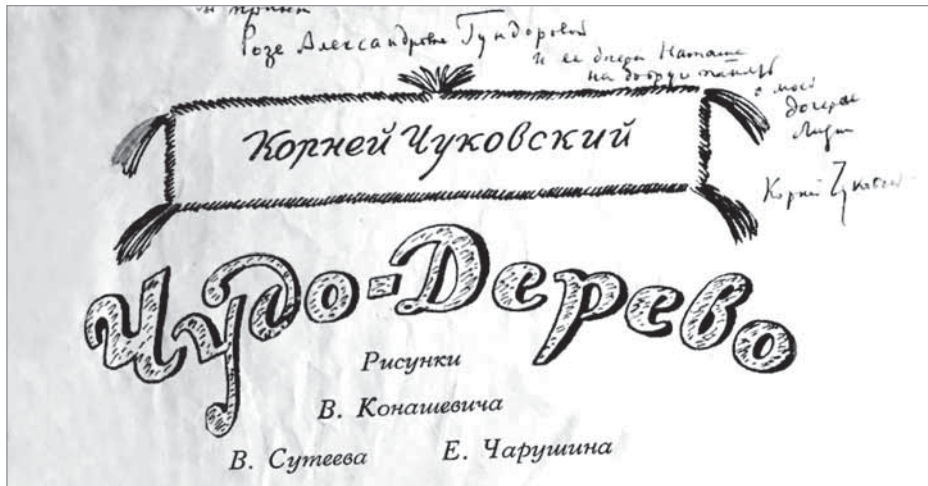
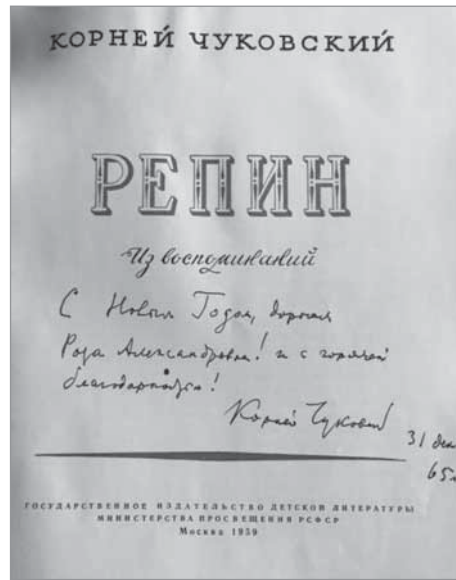
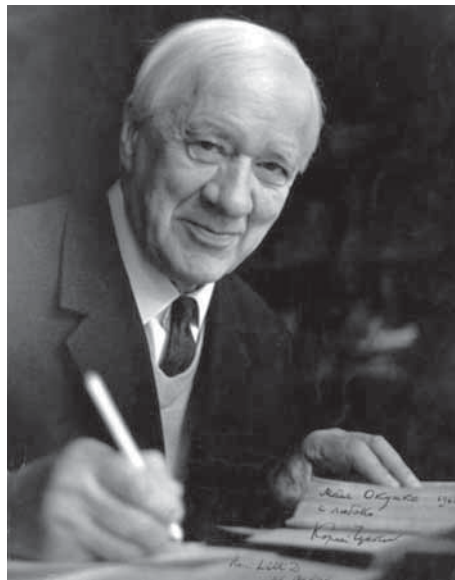
Михаил Кононов

Среди приятелей Розы Александровны был советский актёр, режиссёр театра и кино, сценарист, народный артист СССР Эраст Павлович Гарин с супругой — советским режиссёром и сценаристом Хесей Александровной Локшиной.

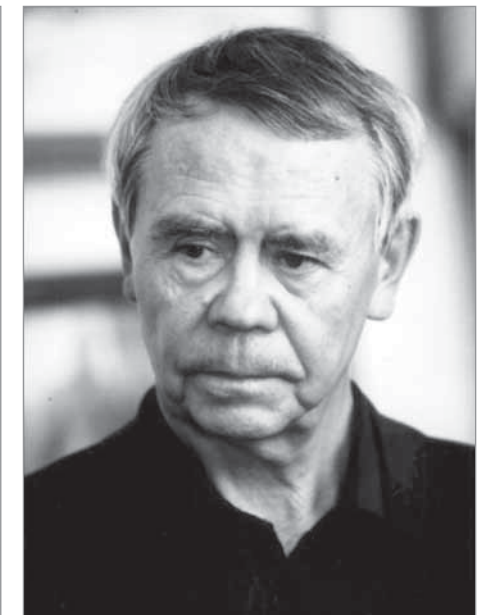
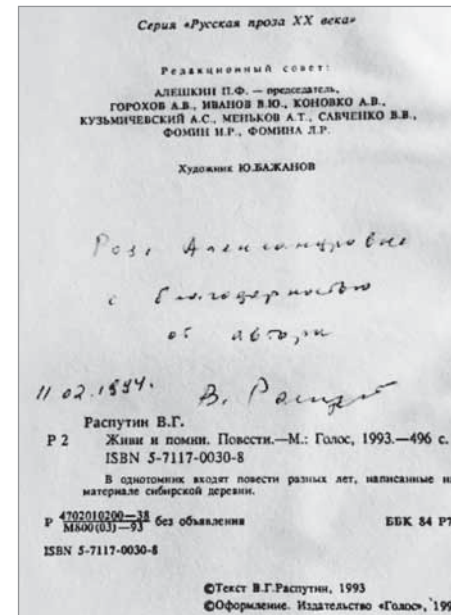

Хеся Александровна Локшина и Эраст Павлович Гарин

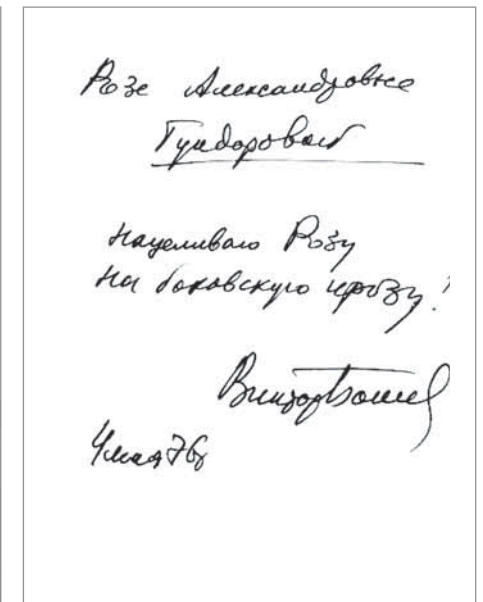
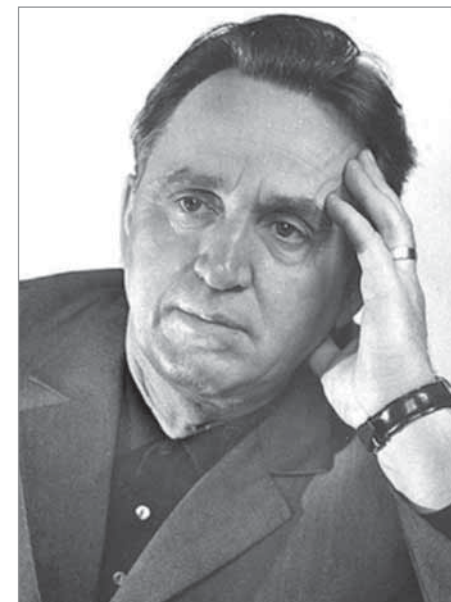
С Розой Александровной общались многие писатели и поэты: Корней Чуковский, Виктор Боков, Валентин Распутин, Мирза Ибрагимов, Леонид Тубельский и Пётр Рыжей, писавшие под псевдонимом Братья Тур, и многие другие.

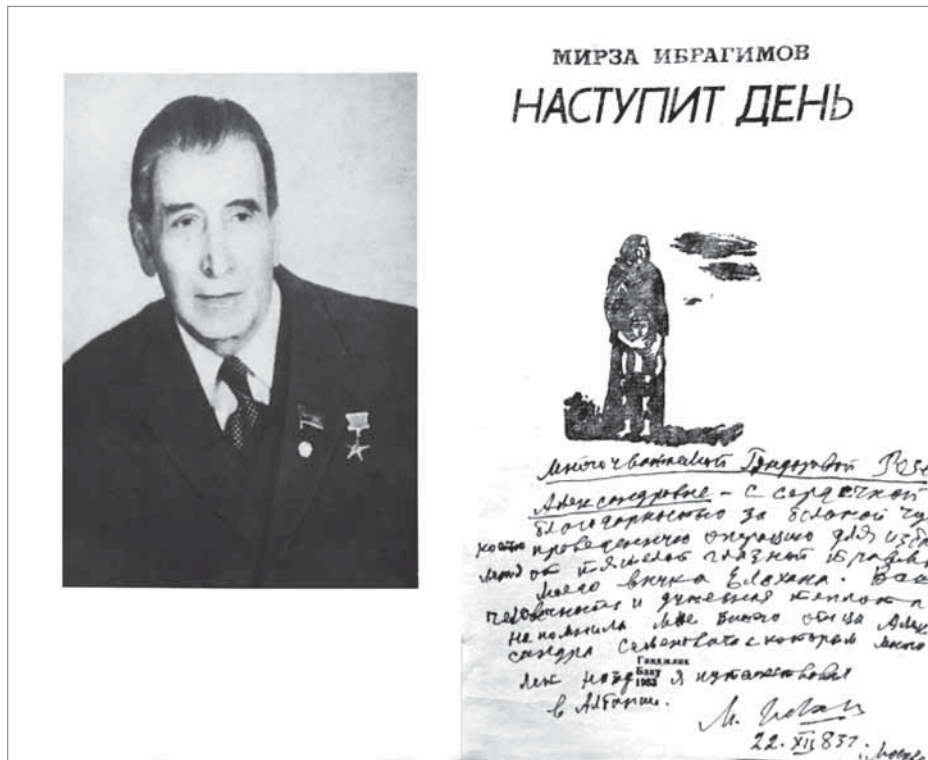
Корней Чуковский и от Корнея Чуковского

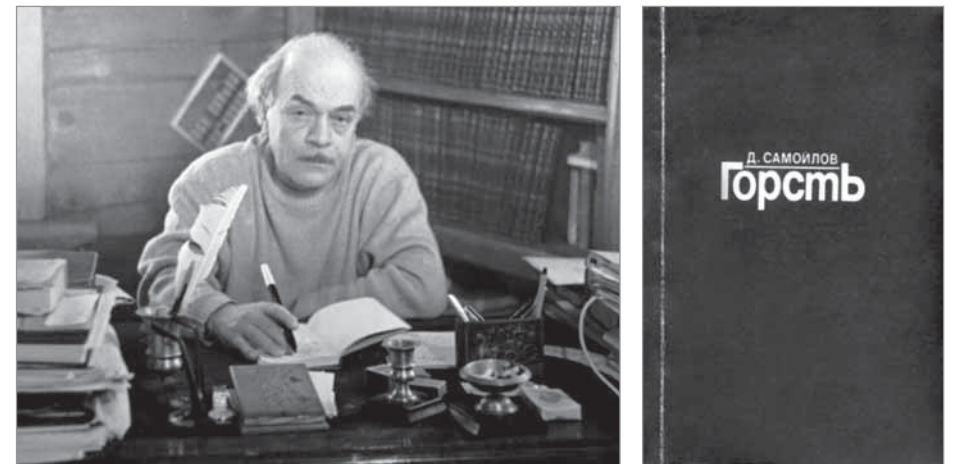
От Валентина Распутина

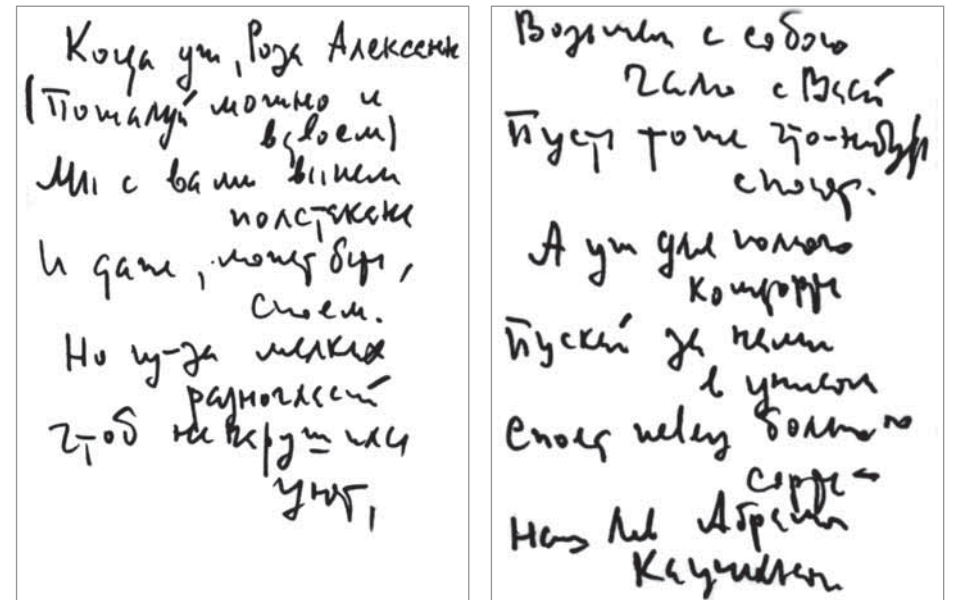
От Виктора Бокова

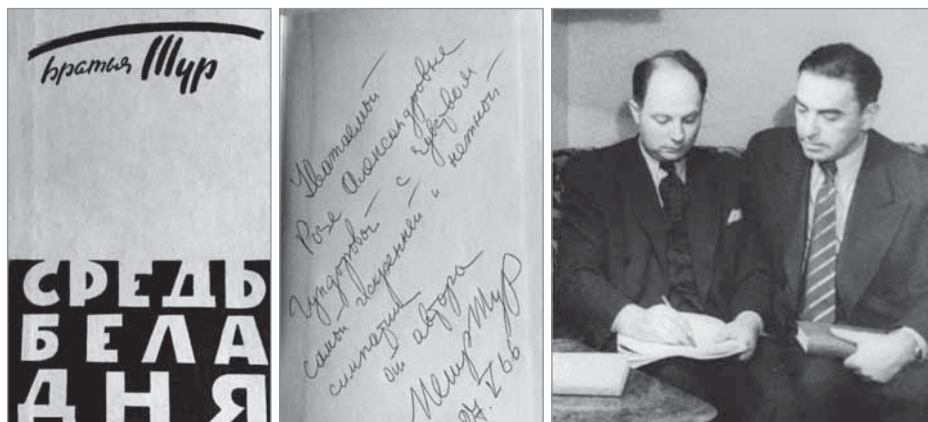
От Мирзы Ибрагимова

Давид Самойлов

От Давида Самойлова

От Братьев Тур

Особенно дружеские отношения Роза Александровна многие годы сохраняла с русским советским поэтом и переводчиком, одним из крупнейших представителей поколения поэтов, ушедших со студенческой скамьи на фронт, — Давидом Самойловым.

Роза Александровна консультировала Аллу Пугачёву, которая приезжала к ней домой и подарила коллекцию своих дисков. А ещё пациентами Р.А. Гундаревой были Диана Гурцкая, Аркадий Укупник и многие другие медийные люди. И даже Лиля Брик.

Однажды в 1976 году на дачу к Розе Александровне приехала сборная СССР по хоккею, и она их угощала. Кто-то из игроков оперировался у неё после тяжёлой травмы. В подарок дочери знаменитые хоккеисты привезли невиданный тогда складывающийся велосипед с маленькими колёсами.

Она оперировала членов правительства и их родственников, в частности, тещу Черномырдина, получив от него подарок — книгу о Киеве.

Под скальпель Розы Александровны попали и многие высокопоставленные особы из стран Востока, в частности, брат короля Иордании Хусейна. Летала она оказывать экстренную помощь на Кубу к Фиделю Кастро.

От одного из высокопоставленных иностранных пациентов она получила в качестве благодарности установку, которая многие годы стояла у неё в кабинете, с помощью которой она проводила обследование больных. Роза Александровна использовала её более 25 лет. И немецкая фирма — изготовитель этого прибора, узнав, что после стольких лет эксплуатации установка в рабочем состоянии, за свой счёт отреставрировала её.

Как уже говорилось, многие пациенты становились её друзьями и хотели хотя бы частично отблагодарить хирурга. Так один из них прикрепил к ней персонального водителя с машиной и целый год оплачивал его работу. А Роза Александровна так сдружилась с этим Сашей, что не могла расстаться с ним в дальнейшем, в результате он стал её постоянным водителем. Она даже подарила ему часть денег на покупку новой машины, когда предыдущая стала непригодной для эксплуатации.

Другой её пациент подарил ей золотой скальпель в знак уважения мастерства профессионала.

Но в последние годы жизни Роза Александровна сама постоянно что-то дарила своим друзьям, ученикам и просто знакомым, чтобы оставить о себе память. Кому-то были подарены картины, кому-то книги с автографами авторов, кому-то украшения или одежда. Впрочем, многим из этих людей она оставила больше — их зрение и умения.

Предпочтения, хобби

Особых хобби у Розы Александровны не было, на это просто не оставалось времени.

Вспоминает учёный секретарь Национального медицинского исследовательского центра глазных болезней им. Гельмгольца Елена Николаевна Орлова.

Орлова Е. Н.: *Как-то, когда мы собирались на даче нашего учителя в Удельной на день рождения Наташи, все стали рассказывать, какие у них хобби. А Роза Александровна задумалась: «А какое же хобби у меня?» И тогда профессор В.П. Быков за неё ответил: «Как? Вы не знаете? Вы же руководитель зверинца».*

Хобби это назвать сложно, но Роза Александровна собрала уникальную коллекцию около 11000 удалённых ею инородных тел... Жалко, если эта коллекция пропала.

Роза Александровна со своей коллекцией ею удалённых инородных тел

Она прекрасно играла на фортепиано и очень любила музыку, особенно джаз. Признавалась, что ей также очень нравится творчество Дианы Арбениной.

На дне рождения Елены Борисовны Орловой

Р. А. Гундорова всю жизнь собирала книги о художниках. Среди них был и альбом художников Анатолия и Галины Веселовых с картиной «Посвящение Гундоровой».

Большую часть этой коллекции она в конце концов продала. Собирала Роза Александровна и колокольчики, но без фанатизма.

Любила смотреть по телевизору баскетбол и детективы, когда на это было время. Специально для таких просмотров купила телевизор-кинотеатр.

Астафьев А. С.: *Её любимыми винами были сухие белые мозельские. Впервые она попробовала их в командировке в Германии. Впрочем, выпивала она очень редко и одной бутылки ей хватало надолго.*

А. и Г. Веселовы. Посвящение Гундоровой. Х. м. 150×200. 1988 год

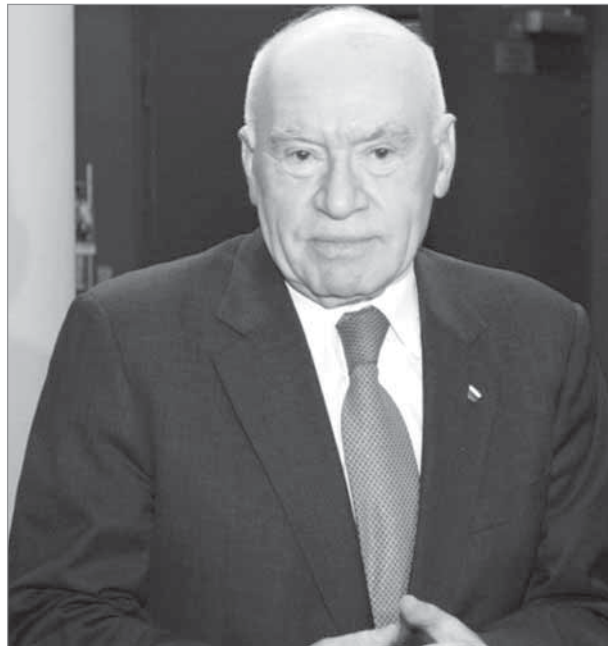
Очень любила собак. С последней Айзой она была вынуждена расстаться, когда заболела и не могла её выгуливать. Эту собачку взяли её друзья — супруги Надежда Фёдоровна Пашинова и Кирилл Борисович Першин.

Особо следует отметить незаурядное чувство юмора Розы Александровны. Умные люди порой не имеют его, но невозможно встретить глупца, обладающего этим чувством.

Роза Александровна, безусловно, знала себе цену. Однажды на похвалу в свой адрес она ответила с юмором: «Портных много. Но Версаче — один!» Высказанная с иронией, такая самооценка звучала без излишнего пафоса, но воспринималась должным образом.

Е. Б. Орлова отмечает, что Роза Александровна *«по внешности, манере держаться, чувству юмора и своим качествам была похожа сразу на Фаину Раневскую и Веру Пашенную»*.

Вспоминая Розу Александровну, отмечал её талант прекрасно рассказывать анекдоты Лео Антонович Бокерия. Он рассказывает, что она не только любила это делать, но и умела. У неё было прирождённое чувство юмора, причём специфическое — мужское.

Лео Антонович Бокерия

Это подтверждает и Рафаэль Габбасович Биктимиров.

Биктимиров Р. Г.: *Есть анекдоты сугубо мужские, которые женщинам даже с брутальным характером не расскажешь, но Розе Александровне всё-таки можно было поведать и их. Несмотря на некую дерзость и солённость анекдота, она понимала его суть и весело смеялась над ним.*

Многие коллеги и друзья вспоминают склонность Розы Александровны к мистификациям. Порой её розыгрыши были на грани фола.

Пашинова Н. Ф.: *При оформлении докторской диссертации моего мужа Кирилла Пашинова Роза распорядилась учёному секретарю включить ему «зелёный свет», так как за молодого любовника Роза готова «не только ей голову откусить». То, что это был розыгрыш, можно было, конечно, сразу понять, потому что это заявление было сделано умышленно публично — по громкой связи.*

В следующий раз, вспоминаю, как на одном из банкетов, проходивших на Старой площади, опаздывающий сотрудник отдела профессор Михаил Германович Катаев быстро выпил за Розу и стал танцевать. Соседка Розы, её ближайшая подруга Галина Георгиевна Бордюгова, выразила восхищение танцем коллеги. На что последовала реплика Розы Александровны: «Это что! А целуется-то он как!»

Умела Роза Александровна организовать досуг всех своих родных, коллег и друзей.

Дома к дням рождения выпускалась домашняя газета, в которой размещались фотографии с юмористическими подписями и стихи, в том числе и собственного сочинения.

— Ты мне так нравишься, что когда мы вырастем, ты станешь моей первой женой.

Страницы домашней газеты

РОЗА АЛЕКСАНДРОВНА ГУНДОРОВА. ЖИЗНЬ ГЛАЗА В ГЛАЗА

В её отделе обязательно отмечались праздники и дни рождения сотрудников. Часто, особенно на дни рождения Розы Александровны, проводились капустники, в которых она принимала активное участие.

*Любимый брат Розы Александровны
Вилен Александрович, с которым Роза
Александровна часто общалась на общей
даче*

Будни Розы Александровны

На даче. 21 июля. «День здоровья»

Орлова Е. Н.: *Иногда в пятницу, после работы всем отделом мы ехали в парк Сокольники. Там гуляли, общались, дело нас не оставляло и там — мы что-то обсуждали по работе. Хирург Валентина Степановна Гришина как-то купила и подарила Розе Александровне дудку, сказав: «Мы хотим, чтобы вы плясали под нашу дудку!» И в ответ на это наш учитель смеялась больше всех и хранила потом эту игрушку в шкафу в рабочем кабинете.*

Хотелось бы эту главу закончить характеристикой ученика — близкого друга Розы Александровны, заместителя генерального директора ФГАУ МНИЦ «МНТК Микрохирургия глаза им. академика С. Н. Фёдорова» Назруллы Сагдуллаевича Ходжаева.

Назрулла Сагдуллаевич Ходжаев

Ходжаев Н. С.: *Одним из секретов харизматичности Розы Александровны было сочетание полярных в общем понимании качеств — незаурядной силы, воинствующего напора с абсолютной готовностью к состраданию, ранимостью. Она была способна смеяться так, что всех вокруг невольно накрывала радужная волна... Она могла так отчитать, что ты готов был сквозь землю провалиться. Сильная, властная, она в то же время могла переживать всю палитру грусти, обиды, но никогда — уныния и разочарования.*

У Розы Александровны был очень характерный красивый голос, немножко в нос, певучий, необыкновенно мелодичный. Но как же он взлетал до оглушающего и низвергающего, если она гневалась...

В ПРОФЕССИИ

Нужно иметь настойчивость, а главное — уверенность в себе. Нужно верить, что ты на что-то ещё годен, и этого что-то нужно достигнуть, во что бы то ни стало.

Не бойтесь неизвестного, исследуйте его.

Мария Скловская-Кюри

Роза Александровна была общепризнанным учёным с мировым именем, клиницистом высочайшей квалификации, обладающим ювелирной хирургической техникой, позволяющей проводить уникальные операции.

За время своей более чем 60-летней врачебной деятельности — а она стояла у операционного стола до 84 лет, пока болезнь не лишила её возможности оперировать, — Роза Александровна провела более 50 тысяч сложнейших операций у тяжелейших больных и проконсультировала сотни тысяч больных. Но самое главное — число спасённых ею от слепоты или трудностей неполноценной (в отношении зрения) жизни, которым она дала возможность восстановить зрение и трудоспособность, исчисляется десятками тысяч.

За эту деятельность Роза Александровна в 1989 году была удостоена звания «Заслуженный деятель науки», в 1998 году ей было присвоено почётное звание «Заслуженный врач РФ», а в 2009 году она была награждена орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени.

Впрочем, кто считал количество операций, сделанных ею?! Судя по всему, это была экспертная оценка, сама Роза Александровна вряд ли вела какой-то учёт и в подобном соревновании не участвовала.

В 1973 году в одном западном журнале вышла статья, под названием: «The Light of Life», в которой говорилось: «Though only 45, Roza Gundorova, Doctor of Medicine, has performed over 300,000 operations. She receives stacks of letters from various parts of the Soviet Union and from all over the world from grateful patients. It was she who succeeded in making Fortune Machin Perez of Cuba see again after 20 years of darkness; and today she holds the destiny of a 19-year-old Syrian youth, Ali Ballan, in her hands».

Перевод: «Хотя ей всего 45 лет, Роза Гундорова, доктор медицинских наук, провела более 300 000 операций. Она получает пачки писем из разных уголков Советского Союза и со всего мира от благодарных пациентов. Именно ей удалось сделать так, чтобы после 20 лет мрака кубинец Fortune Machin Perez вновь обрёл зрение, и сегодня она держит в своих руках судьбу 19-летнего сирийского юноши Али Баллана».

Итак, как же она шла к вершинам офтальмологии.

После окончания в 1952 году 2-го Московского государственного медицинского института им. И. В. Сталина (сейчас РНИМУ им. Н. И. Пирогова) Роза Александровна прошла там же клиническую ординатуру на кафедре глазных болезней.

Студентка. 1946–1952 годы

Ординатор. 1952–1954 годы

И здесь Роза Александровна уже проявляет незаурядные способности к хирургии и талант исследователя, результатом чего уже в 1955 году стала защита кандидатской диссертации «Новокаин в лечении глаукомы».

1955 год

Сочетая хирургическую деятельность с научной работой, Роза Александровна с 1 сентября 1955-го по 1 декабря 1960 года работала врачом-ординатором в одной из старейших глазных клиник в мире — Московской офтальмологической клинической больнице в переулке Садовских (ныне Мамоновский переулок).

Начало было трудное. Она рассказывала своему зятю Андрею Астафьеву, что как-то некой врачихе (сложно найти другой термин этой даме) что-то не понравилось в действиях ординатора Р. А. Гундоровой и она чуть ли не по лицу ударила её тряпкой, заявив: «Ты никогда не станешь врачом!» Но эту даму Роза Александровна простила, оправдывая её поведение перенапряжением.

В 1960 году Р.А. Гундорова была приглашена на работу и прошла по конкурсу на должность младшего научного сотрудника отдела травм органа зрения Московского НИИ глазных болезней им. Гельмгольца. Работе в этом институте она посвятила всю свою жизнь.

В Трудовой книжке появилась историческая запись: «*Освободить от работы и в порядке служебного перевода направить на работу в научно-исследовательский институт им. Гельмгольца. Основание: Заявление т. Гундоровой и письмо директора ин-та от 28.11.60 г. Приказ по б-це № 127 от 30.11.60 г.*

1 декабря 1960 года Гос. НИИ глазных болезней им. Гельмгольца: Зачислена на должность мл. научного сотрудника в I травматологическое отделение в порядке служебного перевода из Московской клинической глазной больницы на основании отношения ин-та им. Гельмгольца».

Пр. № 240 от 06.12.1960.

Московский НИИ ГБ им. Гельмгольца. Отдел травматологии, реконструктивной хирургии и глазного протезирования

Дальнейший карьерный рост можно назвать стремительным и коротким.

Обратимся к главному источнику, фиксирующему трудовую карьеру нашей героини: «*17 марта 1961 назн. и. о. руков. отд. Пр. 5518/12–61 г.*

20 июня 1961 года утв. руков. отд. Пр. 117 20/3–61 г.»

И это уже пик административного роста, после него следуют только переутверждения и констатации изменения названия отдела, в связи с увеличением возлагаемых на него функций.

3 июня 1966 года по конкурсу Р.А. Гундорова избрана на должность руководителя отдела по изучению травм органа зрения. Пр. № 283 от 22/11–1956 года.

Молодой руководитель

3 ноября 1971 года она была переизбрана на новый срок в должности руководителя отдела по изучению травм восстановительной хирургии и глазного протезирования. Пр. по МЗ РСФСР М 49-Л от 25/4–72 года.

7 декабря 1976 года она вновь была утверждена в должности руководителя отдела травматологии и реконструктивной хирургии, «*как прошедшая по конкурсу и утвержденная Ученым Советом ин-та*». Пр. МЗ РСФСР 10014-Л, от 4/1–77Г. Пр. МЗ № 0014-л, от 4/01–77 г.

1968 год запомнился успешной защитой докторской диссертации на тему «Профилактика, ранняя диагностика, клиника и лечение осложнений, связанных с длительным пребыванием в глазу химически активных инородных тел».

Защита докторской диссертации. 1968 год

В 1971 году Розе Александровне было присвоено звание профессора.

В своей области деятельности Роза Александровна действительно ещё молодой стала фактически основоположником крупнейшего раздела офтальмологии — офтальмотравматологии. Она внесла крупный вклад в это направление, разработав основные принципы диагностики, профилактики и тактики лечения различных повреждений органа зрения и, в первую очередь, особо тяжёлой травмы.

Ею были разработаны разнообразные методы удаления внутриглазных инородных тел и инородных тел орбиты, особенно внутриглазных инородных тел, обеспечивающих оптимальное сохранение зрительных функций, новые методы удаления инородных тел в зависимости от их природы и локализации. Впервые она предложила научно обоснованные методы терапевтического лечения, позволяющие отказаться от удаления инородных тел при высокой вероятности тяжёлых осложнений, связанных с такой операцией.

Роза Александровна ввела в практику активное применение волоконной и ультразвуковой техники в офтальмологии, стала использовать новые подходы к лечению ожоговой травмы глаз, включая клеточные технологии, оригинальные технологии оптико- и анатомореконструктивных операций, в том

числе микрохирургии сосудов глаза, разработку принципов органосохранного лечения, совершенствование методов пластической хирургии и глазопротезирования. И это далеко не полный перечень её научных разработок в этом направлении, вошедших в повседневную практику офтальмологических учреждений нашей страны и за её пределами.

Все эти достижения были обобщены в сотнях научных работ, 18 монографиях, более 80 изобретениях. Её книга «Травмы глаза», изданная в 1986 году, существенно дополненная в 2008-м и переизданная в 2011 году, стала, как сказали бы сейчас, бестселлером, настольной книгой отечественных офтальмологов. За неё Розе Александровне была присуждена премия Совета министров РСФСР.

Ещё одна её монография «Реконструктивные операции на глазном яблоке» в 1986 году была отмечена Премией им. М. И. Авербаха.

Р. А. Гундорова совместно с главным врачом офтальмологической клиники «Эксимер» города Новосибирска, доктором медицинских наук, академиком РАЕН и РАМТН, врачом высшей квалификационной категории, заслуженным врачом Российской Федерации Владимиром Васильевичем Кашниковым подготовила и выпустила в 2005 году «Клинический атлас травмы глаза».

Владимир Васильевич Кашников

Это был первый подобный атлас, включающей все виды травм. В нём, в частности, были представлены изменения глаза и орбиты при проникающих ранениях, контузиях и ожогах, освещены вопросы неинвазивных лазерных методов лечения изменений переднего отрезка глаза, стекловидного тела и глазного дна, вопросы пластической хирургии посттравматических изменений придаточного аппарата и глазного яблока. В атласе авторы собрали более 520 оригинальных фотографий, сделанных авторами, а также докторами ме-

дицинских наук, профессорами В. В. Нероевым, П. В. Макаровым, О. Г. Оганесяном, М. Г. Катаевым, Н. П. Паштаевым, доктором медицинских наук А. Н. Ивановым, к. м. н. Т. В. Шелковниковой и доктором Е. Г. Бадажковым.

Наконец, в последние годы своей жизни Роза Александровна подвела своеобразный итог своей 60-летней научной деятельности, издав в 2014 году монографию «История научных исследований по диагностике, хирургическому и медикаментозному лечению патологии роговицы», а в 2015 году, уже тяжело больной, монографию «История научных исследований по диагностике, хирургическим и лазерным методам лечения больных с внутриглазными инородными телами». В этих трудах она постаралась отразить научную работу сотрудников своего отдела, отметив вклад учеников.

С сотрудниками отдела и коллегами

Научные работы Р. А. Гундоровой, помимо офтальмотравматологии, распространялись и на различные частные разделы офтальмологии: офтальмоонкологию, реконструктивную офтальмохирургию, офтальмокосметологию, клиническую физиологию и клиническую фармакологию.

Так наиболее существенные из её работ в области офтальмоонкологии она посвятила проблеме иридоцилиарных опухолей. Ею были предложены новые методы диагностики, доказана обоснованность и высокая эффективность

в ранние сроки органосохранных операций с иссечением подобных опухолей единым блоком, разработана методика криопексии при удалении опухолей сосудистой оболочки доэкваториальной локализации.

Важное место в работах Р. А. Гундоровой было отведено проблемам реконструктивной офтальмохирургии. В них были представлены результаты новых хирургических методик на различных структурах глаза, включая авторские разработки различных имплантатов и имплантируемых устройств, инструментария, аппаратуры и способов их применения.

В результате принципы, тактика и методы профилактики и лечения травм органа зрения, предложенные Р. А. Гундоровой и её сотрудниками, получили широкое признание в СССР, России и за рубежом. Кроме того, что она стала председателем проблемной комиссии по травмам органа зрения своего института, Роза Александровна была членом Международного общества офтальмотравматологов.

Научная и организаторская работа Розы Александровны по проблеме глазного протезирования и эктопротезирования обеспечили создание под её руководством в 1977 году Всесоюзного научно-методического центра глазного протезирования, превратившегося затем в первый центр офтальмотравматологии страны на базе Института глазных болезней им. Гельмгольца.

Ещё в 1975 году была опубликована подготовленная Розой Александровной монография «Проникающие ранения и контузии глаза». И когда новые времена поставили новые вызовы и всё больше стали распространяться качественно новые боевые и криминальные травмы, а также травмы, связанные с техногенными катастрофами или чрезвычайными ситуациями, предыдущий опыт и накопленные знания оказались очень востребованными, и возглавляемый ею центр направил свои усилия на это направление.

Всё это время Р. А. Гундорова консультирует коллег из госпиталя и поликлиник КГБ, МВД, Центрального военного госпиталя им. Бурденко, авиационного госпиталя, военного госпиталя г. Подольска, поликлиники научных работников.

Ей заслуженно присваивают звание капитана медицинской службы.

Астафьев А. С.: *Мои коллеги из нашего серьёзного ведомства однажды сказали ей: «Роза Александровна, да вы настоящий генерал!» На что она тут же ответила: «Да я с удовольствием бы в форме ходила, да лампасы не на что пришить!»*

Тогда её командой были оперативно разработаны новые методы лечения травм органа зрения и их последствий: методы озонотерапии и NO-терапии, методами тканевой инженерии созданы живые эквиваленты кожи и роговицы для использования в офтальмологии, значительно повышена эффективность лечения раневой инфекции, разработаны методы лазерного лечения

различных посттравматических осложнений, новые подходы к энуклеации глаза с использованием углеродных имплантатов.

Благодаря организационным способностям Р.А. Гундоровой было налажено тесное сотрудничество Института им. Гельмгольца со Всероссийским центром медицины катастроф «Защита» (директор — член-корреспондент АМН России, затем академик РАН, профессор Сергей Фёдорович Гончаров). Совместно были подготовлены специализированные бригады для работы в чрезвычайных ситуациях, а Роза Александровна и её сотрудники принимали активное участие в оказании помощи пострадавшим при терактах в Беслане, московском метро, при катастрофах в Башкирии, Свердловске, Арзамасе, землетрясении в Армении и других трагедиях. За эту деятельность Роза Александровна была награждена в 2001 году медалью «За укрепление боевого содружества», а в 1995 году медалью «За участие в спецоперации по освобождению заложников в г. Будённовске».

Орлова Е. Б.: *Роза Александровна порой сама инициировала выезды на место катастроф, не дожидаясь распоряжений сверху.*

9 июля 2006 года я была у Розы Александровны, мы смотрели телевизор, когда передали, что произошла крупная авиационная катастрофа в Иркутске. Тогда авиалайнер Airbus A310–324 авиакомпании «Сибирь» совершал внутренний рейс SBI778 по маршруту Москва — Иркутск, но после посадки в пункте назначения выкатился за пределы взлётной полосы аэропорта Иркутска и врезался в гаражный комплекс. Из находившихся на его борту 203 человек (195 пассажиров и 8 членов экипажа) погибли 125. Роза Александровна сразу очень серьёзно сказала: «Мои надо срочно, завтра, вылетать».

Особенно тяжёлыми оказались заключительные аккорды перестройки: 4 июня 1988 года прогремел взрыв в Арзамасе — произошла одна из крупнейших катастроф на советской железной дороге, погиб 91 человек. При приближении к станции «Арзамас-1» взорвались сразу три вагона грузового состава, который следовал в Казахскую ССР из Дзержинска.

7 декабря 1988 года произошло землетрясение в Армении. Его эпицентр был в городе Спитаке. В результате погибло по меньшей мере 25 тысяч человек (по другим данным — даже 45 тысяч), 140 тысяч стали инвалидами.

Наконец, 4 июня (3 июня в 23:15 по московскому времени) 1989 года, в воскресенье, произошла крупнейшая в истории России и СССР железнодорожная катастрофа на перегоне Аша — Улу-Теляк в Башкирии. В момент встречного прохождения двух пассажирских поездов № 211 «Новосибирск — Адлер» и № 212 «Адлер — Новосибирск» раздался мощный взрыв облака лёгких углеводородов, образовавшегося в результате аварии на проходившем рядом трубопроводе Сибирь—Урал—Поволжье. Погибли 575 человек (по другим данным — даже 645).

Р.А. Гундоровой предстояло увидеть такое количество горя, с которым обычно человеку, к счастью, не приходится столкнуться за всю жизнь. И спасти не только зрение, но и жизни.

Астафьев А. С.: *Роза Александровна руководила работой полевого госпиталя после крупнейшей железнодорожной катастрофы в Башкирии, когда после аварии на газопроводе взорвался газ. Роза Александровна туда срочно вылетела. Дело в том, что тогда сотни людей получили глазные поражения, когда смотрели из окон на тот взрыв. Работала она там день и ночь. «Такое количество глазных травм произошло, ты и не представляешь!» — сказала она мне.*

Её тогда хотели представить к государственной награде, но кто-то это представление зарубил.

При этом Роза Александровна от такого количества слёз не очерствела. Её зять рассказывает, что порой она приезжала домой безумно расстроенной. На вопрос: «Что случилось?» — отвечала: «Андрей, представляешь, девочка-красавица 14 лет после автомобильной аварии лишилась глаз! Так жалко девочку!» И Роза Александровна, видевшая за свою карьеру тысячи таких случаев, плакала.

Р.А. Гундорова стала пионером в проблеме экспериментальных исследований по применению стволовых клеток в офтальмологии. Благодаря её активности впервые в мире были проведены научные конференции по тканевой инженерии в офтальмологии (2005 год) и по использованию нанотехнологий в офтальмологии (2008 год).

За практическую реализацию своих научных разработок в советское время Роза Александровна неоднократно отмечалась медалями ВДНХ, получила знак отличия «Изобретатель СССР», а затем в 1989 году ей было присвоено звание «Заслуженный деятель науки РСФСР».

В 1993 году её успехи отметили званием член-корреспондент Академии естественных наук РФ, в 1994 году она стала почётным членом Академии медико-биологических наук Республики Грузия. В 1999 году Роза Александровна станет лауреатом премии Правительства РФ за разработку и внедрение в клиническую практику новых микроинструментов и технологий для лечения травм глаза и их последствий.

Для неё всё это было важно, она отмечала эти события в своей автобиографии, но, будучи очень скромным человеком, никогда не требовала никаких наград.

Роза Александровна была членом Всемирного общества офтальмотравматологов, систематически выступала на мировых международных форумах, по её словам, — более чем 50 съездах, конференциях, симпозиумах, а также на различных офтальмологических конференциях и симпозиумах как в нашей стране, так и за рубежом.

Орлова Е. Б.: *Розу Александровну очень ценили и уважали зарубежные коллеги. Расскажу о двух случаях.*

Однажды, приехав с очередного конгресса в Германии, рассказывала мне о том, что, когда её пригласили в президиум, весь зал встал и ей долго аплодировал.

Говорят, что мир тесен. Моя племянница работала в фирме Alcon. Фирма проводила конференцию, на которую была приглашена и Роза Александровна. Моей племяннице поручили организовать пребывание Розы Александровны на конференции, сказав: «Этому человеку надо устроить всё так, как она захочет».

Роза Александровна вела активную научно-общественную работу, была заместителем председателя Московского научного общества офтальмологов, членом учёных советов Всероссийского центра медицины катастроф «Защита» и Московского научно-исследовательского института глазных болезней им. Гельмгольца, состояла в редакционном совете Российского офтальмологического журнала, была членом экспертной группы Государственного комитета СССР по науке и технике, членом Высшей аттестационной комиссии при Совете Министров СССР.

Надо добавить, что Роза Александровна жила и работала на предельной скорости и любила повторять: «Если не сейчас, то когда?! Если не мы, то кто?!»

Как-то она посоветовала Н. С. Ходжаеву, не успевающему к назначенному сроку подготовить статью: «А ты ложись спать с поднятой рукой, и тогда, как только заснёшь, рука упадёт — и ты проснёшься!» Было ясно, что этот способ, позволяющий за нескольких минут почувствовать себя бодрее, неоднократно использовался ею самой.

Бессмысленно в этой книге перечислять все достижения Р. А. Гундоровой. Коллегам они хорошо известны, а неспециалистам, к которым относятся и автор книги, они мало что говорят. Важно, что Родина высоко оценила эти заслуги перед медициной и наукой, наградив Розу Александровну орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени, а профессионалы дали достойную оценку её достижениям, оценили, как говорят, по Гамбургскому счёту.

Вот лишь несколько отзывов о мастерстве Розы Александровны тех, кто понимает, о чём говорит.

Оганесян О. Г.: *Изящество, с которым шеф оперировала, неопишимо. Её пальцы двигались чётко и спокойно. Не было никаких лишних движений и никакой паники. Инструмент она умела держать крепко, но изящно.*

А вот рассказ доктора медицинских наук, профессора, заслуженного врача РФ Елены Николаевны Вериги, работавшей с Р. А. Гундоровой с 1968 года.

Вериги Е. Н.: *С первых дней нашего общения я была поражена личностью этой выдающейся женщины, которая обладала мощными способностями лидера, учёного, блестящего хирурга, выполняющего все оперативные вмешательства на глазном яблоке и орбите с лёгкостью, быстротой и отточенностью движений, свойственными только настоящим хирургам. Они сочетались с профессиональными техническими навыками и чётким построением плана проведения всех этапов операции.*

Арестова Н. Н.: *Всем офтальмологам было известно «чутьё» Розы Александровны на внутриглазные инородные тела. Её решения некоторых сложных случаев в институте стали легендой. Вот и мне запомнился один случай в операционной: мы с доктором медицинских наук Виктором Павловичем Быковым во время ночного дежурства более часа безуспешно пытались удалить внутриглазное амагнитное инородное тело (стекло) из глаза ребёнка. Дело в том, что в те годы ещё не было возможности ультразвукового интраоперационного контроля положения инородного тела в глазу. Время шло, наступило утро, на работу пришла Роза Александровна, а мы всё ещё не могли решить эту проблему. И вот профессор заглянула в операционную, сразу оценила ситуацию и, подготовившись, взяла пинцет и одним движением извлекла осколок стекла из глаза! На наши изумлённые возгласы: «Как вы это сделали?!» — Роза Александровна только лукаво ответила: «Я же вижу, кто искал, где искал, а потому понимаю, где инородное тело находится!»*

Мастерство нашего учителя как блестящего хирурга, конечно, бесспорно. Например, в те давние годы только она могла за 20 минут полностью выполнить сквозную кератопластику (я как-то засекала время!).

Роза Александровна была великолепным диагностом и считала, что пациенту необходимо говорить только правду.

Наталья Николаевна Арестова

Орлова Е. Б.: *Я неоднократно приезжала к ней в институт, присутствовала на её приёме больных и просила посмотреть моих друзей и знакомых. Однажды к ней на консультацию я привела женщину, у которой стало резко ухудшаться зрение. Роза Александровна, посмотрев, как она входит, сразу вынесла родственникам вердикт: «Это не глаза, лечите голову». После исследований диагноз подтвердился — опухоль головного мозга. Или ещё один случай. Пришёл пациент, Роза Александровна после осмотра сказала, что сначала необходимо оперировать один глаз и после этого смотреть, как пойдёт процесс, после чего браться за второй. Родственники стали настаивать на одновременной операции, аргументируя это тем, что в другой клинике им сказали, что так можно делать. Однако на это Роза Александровна очень спокойно заявила: «Вот где вам так сказали, туда и идите, но потом ко мне больше не приходите».*

Здесь хотелось бы дать слово самой Розе Александровне: *«Отдел, которым я заведу, называется очень любопытно и несколько длинно: отдел травм органа зрения, восстановительной хирургии, пластической хирургии и глазного протезирования. Мы, 30 сотрудников отдела, делаем любые операции на глазах. И это не пустые слова, ведь травма обязывает хирурга уметь делать абсолютно всё. Здесь и экстракция катаракты, имплантация искусственного хрусталика при свежих травмах и при отдалённых травмах и многое другое».*

Но я хочу особо отметить вопрос первичной хирургической обработки раны при первой травме глаза. В этой области у нас имеется определённое ноу-хау, поскольку нами разработана оригинальная методика первичной обработки раны с новыми способами наложения швов на рану и на роговицу глаза вообще. Кроме того, мы впервые использовали метод коррекции, то есть исправления неправильной обработки раны, когда развивается так называемый астигматизм. Представьте себе, что на роговицу нанесена проникающая травма, имеется рубец, который вызывает либо дальнозоркость, либо близорукость, или астигматизм. И вот при этой травме, чтобы скорректировать астигматизм, мы должны нанести насечки. Это наше ноу-хау, запатентованное авторским коллективом, и о нём мы докладывали на многих международных симпозиумах. Второе направление нашей работы — это удаление инородных тел из глаза. Надо сказать, что инородные тела приходится удалять самые разнообразные. В этой области у нас также масса запатентованных разработок. Например, сконструированный нами магнит из высококорректированной стали с различными наконечниками, позволяющими удалять осколок из самых дальних

участков глаза. Вообще у нас есть около 50 патентов по различным методикам удаления инородных тел.

Без ложной скромности могу сказать, что наша школа является передовой в борьбе с осложнениями после глазных травм. К сожалению, в связи с криминализацией общества число самых нелепых случаев травматизма растёт. Даже детские пистолетики — «воздушки», которые силой сжатого воздуха выпускают пульки размером с сантиметр, могут нанести страшную травму. Такие случаи часто заканчиваются потерей глаза. Пулька размером в 1 см буквально разрывает глаз. Недавно к нам поступила девочка, в которую угодила пулька, выпущенная с балкона соседнего дома. В результате — удаление глаза.

Я уже не говорю о том, что увеличилось количество контузий, вызванных... пробкой от плохого импортного шампанского. Поэтому мы настоятельно советуем открывать шампанское так, как это делают в ресторанах. Во-первых, нужно обязательно охладить, а открывая, крепко обматывать салфеткой»¹.

В отдел привозили больных из разных частей страны и мира. Уезжало большинство (когда речь идёт о сложных, порой запущенных случаях) с улучшением, с благодарностью...

Роза Александровна сама много ездит в командировки. Вот только поездки советского времени: 1959, 1975, 1978, 1980 годы — Болгария; 1980 — Куба; 1972 — Румыния; 1974, 1976, 1979 — ГДР; 1975 — Монголия; 1981 — Чехословакия...

Замечаний по ним не было. В характеристике Р. П. Гундоровой значится: *«Замечаний по командировкам не имела. Морально устойчива, политически грамотна. Пользуется любовью и уважением своих сотрудников и больных».*

В 1990-е годы Гундорова ездит за рубеж ещё чаще — она признана всем профессиональным миром.

Астафьев А. С.: *Однажды в ФРГ в клинике профессора Нойбауэра собрали всех хирургов-офтальмологов, и Роза Александровна делала показательную операцию (коллеги наблюдали за ней через мониторы). Когда она, закончив операцию, шла по территории клиники, и они с профессором-хозяином проходили мимо его шикарного «Мерседеса», то, показывая на него, коллега сказал: «Роза, то, что ты сейчас продемонстрировала, стоит половину этой машины!»*

¹ Медицина для Вас. № 17–18 (49–50), сентябрь, 1997.

Ученики и коллеги

Святослав Николаевич Фёдоров признавал в своей жизни только двух людей в качестве бесспорных авторитетов — Г. А. Илизарова и Р. А. Гундорову. Первый был, как и он, на первом этапе карьеры изгоем, а Роза Александровна, когда он работал в Чебоксарах и его гнобили, входя в состав комиссии Министерства здравоохранения, проверяющей его деятельность, вопреки требованиям сверху, дала новаторскому методу Фёдорова положительную оценку. И Святослав Николаевич это помнил.

Встреча академика С. Н. Фёдорова и Р. А. Гундаровой

Роза Александровна, особенно после потери мужа и дочери, не раз признавалась: «Что у меня есть? Что у меня осталось? Это мои сотрудники, ученики и мои больные».

Говорят, «учитель — не тот, кто учит, а тот, у кого учатся», так что можно сказать, что учениками Розы Александровны были не только сотрудники отдела травматологии, но и все работавшие в Институте им. Гельмгольца, да и коллеги из других профильных учреждений. Ведь она щедро делилась со всеми своим бесценным научным и клиническим опытом.

Но учениками профессора становились даже те, кто её ни разу не видел.

Оганесян О. Г.: *Книгу Розы Александровны я выучил наизусть ещё, будучи студентом. О профессоре Гундоровой мне с придыханием рассказывала моя мама, тоже офтальмолог.*

Оганес Георгиевич Оганесян

Профессор Р. А. Гундоровна много времени уделяла работе по подготовке высококвалифицированных кадров.

Первая под её руководством кандидатская диссертация была защищена ещё в 1968 году Галиной Георгиевной Бордюговой.

А всего под руководством или благодаря консультированию Р. А. Гундоровой защитили диссертации более 120 врачей (из них 22 стали докторами медицинских наук). В отдел приезжали учиться и рядовые врачи, и профессора из многих городов страны. В результате во многих клиниках России, бывших союзных республик и дальнего зарубежья работали и продолжают работать её ученики. Они принимают больных и оперируют также в Германии, США, Израиле, Индии, Вьетнаме, Коста-Рике и ряде других стран.

При этом были и неприятные моменты. Так на Розу Александровну в адрес министра здравоохранения СССР приходила анонимка от какой-то обиженной дамы, обвиняющей профессора в том, что «она берёт к себе одних мужчин».

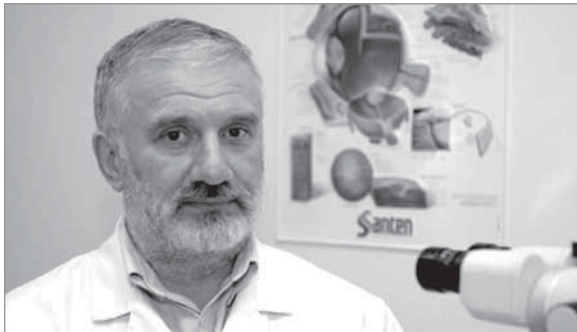
И всё же особую любовь она проявляла к сотрудникам своего отдела травматологии. Она могла их сильно отругать даже с использованием крепкого словца (за дело, и все это понимали), но всегда была готова помочь, войти в ситуацию и никогда своих сотрудников и учеников не давала в обиду. Все знали, что Гундоровна справедлива, и за это её уважали и любили.

Орлова Е. Н.: Мы всегда чувствовали покровительство Розы Александровны. Если на учёном совете, на общей пятиминутке либо в другой ситуации кем-либо высказывались замечания в адрес её сотрудников, наш учитель, как грозная птица, «бросалась» на защиту своего подопечного. Потом могла отчитать, наказать, но внутри отдела, а публично звучало всегда: «Мы самые лучшие!» А ещё она, если была неправа, могла извиниться, независимо от положения коллеги, будь он младший научный сотрудник или её заместитель. И делала она это не один на один (хотя и этого бывает порой достаточно), а прилюдно. Согласитесь, что на это способны не многие.

Петриашвили Г. Г.: Как-то поступила тяжёлая травма глаза с отрывом радужки. Мы всегда докладывали шефу по телефону и советовались, что делать? Я тоже позвонил, она дала совет, я собрался оперировать, но в последний момент решил сделать операцию по-своему: это была иридопластика через один маленький парацентез. На обходе она смотрела всех больных. Спросила об экстренном пациенте. «Вы его уже смотрели», — ответил я. Она не поверила и заставила повторно его пригласить. Сначала дала мне нагоняй за самостоятельность, но потом сказала, что я молодец. Не сразу смогла поверить, что можно было гигантский отрыв радужки прооперировать без больших разрезов.

Роза Александровна всегда помогала и защищала молодых врачей, давала возможность роста и самостоятельной работы. У неё был уникальный подход. К каждому сотруднику легко находила ключик.

И молодёжь тянулась к ней.

Георгий Гивиевич Петриашвили

Вериге Е. Н.: При всём многообразии функций, выполняемых каждым руководителем отделения, Роза Александровна успевала с каждым сотрудником обсудить все рабочие моменты, посоветовать, как поступить в трудных жизненных ситуациях, помочь в решении сложных бытовых проблем. Она доско-

нально знала, что нас тревожит. Мы же в свою очередь полностью доверяли ей и чувствовали себя на рабочем месте уверенно, так как знали: своим «гундоровцам» она всегда поможет и, когда будет нужно, защитит.

Её общение с больными, персоналом отличалось простотой, уважением, хотя при необходимости она могла быть жёсткой и непреклонной, все знали её девиз: «Использовать надо не только пряник, но иногда и кнут». Будучи профессором со множеством регалий, она всегда первой здоровалась с сотрудниками института независимо от их ранга, находила добрые слова в общении с ними, а чувство юмора, которым она, безусловно, обладала, иногда помогало ей достойно выходить из сложных ситуаций.

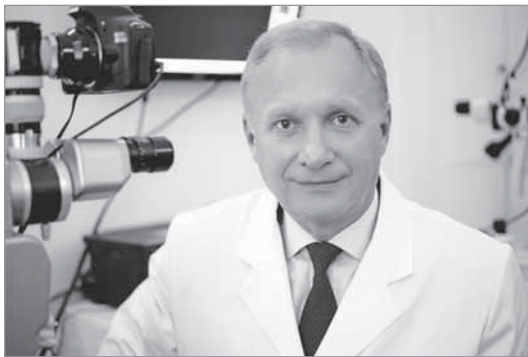
Роза Александровна Гундорова (в центре) с Еленой Николаевной Орловой (слева), Еленой Николаевной Вериге (справа)

А как она поддерживала начинающих хирургов!

Ходжаев Н. С.: Если оперировала за соседним операционным столом, то подбадривала и успокаивала пациента либо в начале операции подсаживалась к операционному столу молодого хирурга, погружала пациента в негу своим волшебным голосом: «Лапуся, расслабьтесь, всё будет хорошо!» Её слова действовали на пациентов лучше любой премедикации. Сказав это, она тихонько уходила, давая возможность хирургу почувствовать самостоятельность. При этом мы всегда знали: если что-то пойдёт не так, в ту же минуту шеф будет рядом...

Её забота о коллегах заключалась даже в том, что она сама принимала участие (и была инициатором) очистки зимой наледи перед входом в хирургический корпус, с тем, чтобы никто не покалечился во дворе института и не вышел из строя.

Её ученик академик РАН, заслуженный врач РФ, заслуженный деятель науки РФ, д.м.н., профессор, заведующий кафедрой глазных болезней ФПДО МГМСУ Владимир Владимирович Нероев стал главным офтальмологом России.

Владимир Владимирович Нероев

Нероев В. В.: *Такие самородки рождаются единожды в тысячелетие. И, зная спектр великих офтальмологов, работающих в России и СССР, я бы Розу Александровну поставил на первое место. Проработав с ней около 20 лет, я могу сказать, что такого таланта и профессионализма, сочетающихся с удивительными человеческими качествами, я больше не встречал.*

Она создала превосходную школу, её ученики прославили наш институт и российскую офтальмологию на весь мир.

Достаточно молодой она начала работу в Институте глазных болезней, там у неё было время показать себя.

Она уникальный хирург, владеющий всеми методами хирургических вмешательств.

Многие её ученики возглавляют подразделения нашего института.

Два её ученика — Александр Михайлович Южаков и я — стали директорами. В природе ничего просто так не происходит, ничего не возникает из ничего.

О ней можно писать книги.

Заместитель генерального директора ФГАУ «НМИЦ «МНТК «Микрохирургия глаза им. акад. С. Н. Фёдорова»» по организационной работе и инно-

вационному развитию доктор медицинских наук, профессор Назрулла Сагдуллаевич Ходжаев был тоже учеником Розы Александровны. Он обучался в клинической ординатуре в Московском НИИ глазных болезней им. Гельмгольца с 1982 по 1984 год, после этого до 1987 года учился в аспирантуре под руководством профессора Р. А. Гундоровой. Под её началом он подготовил и защитил кандидатскую диссертацию, посвящённую диагностике и лечению внутриглазных кровоизлияний травматического генеза. Ныне он ответственный секретарь журнала «Офтальмохирургия», главный редактор газеты Общества офтальмологов России «Мир офтальмологии» и главный редактор журнала «Новое в офтальмологии».

Ходжаев Н. С.: *Работая с Розой Александровной, общаясь с ней ежедневно, мне посчастливилось часть своей жизни прожить в её системе нравственных ценностей, основанной на приоритетах высокой культуры, чести, долга, чрезвычайной требовательности к себе и уважению к окружающим людям, независимо от их ранга.*

Школа профессора Гундоровой представляется мне вершиной педагогики. Обходы в отделении и клинические разборы, во время которых все данные пациента от анамнеза жизни и заболевания, статус при поступлении, ход операции, всё до момента курации врач докладывает по памяти!

Она была виртуозным хирургом. Лёгкие, изящные, иногда стремительные движения её пальцев завораживали и вызывали благоговейный восторг не меньше, чем виртуозная игра пианиста...

Про учеников Розы Александровны можно говорить долго, некоторые решились сами рассказать о работе с Мастером. Их воспоминания можно прочитать в этой книге.

Все отмечают, что Роза Александровна была очень прямым человеком, но при этом осторожным врачом. Она предпочитала работать со специалистами, мнению которых полностью доверяла. И своих больных на предварительное обследование она отправляла к своей ученице, врачу высшей категории, кандидату медицинских наук Ирине Юрьевне Романовой, мнению которой безгранично доверяла.

Орлова Е. Б.: *В сентябре 2005 года в отделении у Розы Александровны оперировалась моя тётюшка — Инна Владимировна Касьянова, дочь профессора в области электромашиностроения и героя фильма «Неоконченная повесть» (его роль исполнял Сергей Фёдорович Бондарчук).*

Оперировал тётюшку замечательный человек и прекрасный хирург, ученик Розы Александровны — профессор, доктор медицинских наук Оганес Георгиевич Оганесян, и, как говорила Роза Александровна: «Чудом уцелевший во время землетрясения талантливый мальчик из Спитака». Потом, к каким бы оф-

тальмологам ни приходила тётушка, все в один голос спрашивали: «Кто так замечательно сделал операцию?»

Как рассказывает сам Оганес Георгиевич, ставший сотрудником отдела травматологии после защиты кандидатской диссертации, Роза Александровна регулярно говорила всем дежурным врачам первой хирургической бригады, что при возникновении сложного случая они могут звонить ей, чтобы посоветоваться, в любое время дня и ночи.

Оганесян О. Г.: *И несмотря на то, что нашему шефу в то время было уже немало лет и известно, что шефов нежелательно беспокоить по пустякам, я всегда звонил ей при необходимости. Причём со стороны Розы Александровны это было не формальное предложение, поэтому мы не чувствовали сомнений перед звонком, делали это легко, порой не задумываясь, не беспокоим ли уже пожилого человека, понимая, что это нужно для дела. И в трубке всегда звучал готовый помочь голос, внушающий тебе уверенность в том, что ты всё сможешь сделать, причём блестяще, что ты «гениален». Впрочем, как и все остальные сотрудники отдела.*

Чувствовалось её доверие — профессиональное и человеческое. Мы были коллегами, пусть разного возраста и занимающими разные должности.

Роза Александровна искренне предлагала помощь, а не требовала отчитываться перед ней звонками.

А вот рассказ Елены Николаевны Орловой, которая на протяжении 10 лет ассистировала Гундоровой на операциях и была лечащим врачом пациентов, которых она оперировала.

Орлова Е. Н.: *Для меня Роза Александровна — человек с другой планеты. Я никогда не понимала, не понимаю и сейчас, как можно совмещать в себе столько разных талантов! Она была высочайшим профессионалом — диагностом и офтальмохирургом, мудрым учёным, великолепным организатором офтальмотравматологической службы, строгим руководителем отдела травматологии, реконструктивной хирургии и глазного протезирования, заботливым наставником и учителем молодых врачей.*

Попасть к ней и остаться работать под руководством профессора Гундоровой стремились все. Спектр проблем, которые непосредственно она курировала и определяла стратегию диагностики и лечения, был огромен.

Для нас, сотрудников, оставалось загадкой, как иногда при, казалось бы, одной и той же ситуации — травматическом повреждении глаза — Роза Александровна принимала разные решения: провести хирургическое лечение сейчас или попробовать справиться консервативно, оперировать позже, вообще не оперировать, оставить пациента под динамическим наблюдением. У неё была потрясающая интуиция. Но, конечно, появившаяся не на пустом месте, а основанная на колоссальном опыте!

В Санкт-Петербурге работает ученик Розы Александровны Евгений Петрович Гурмизов — главный врач отделения клиники «Эксимер», врач высшей категории, кандидат медицинских наук.

Евгений Петрович Гурмизов

Орлова Е. Б.: *Сидя в очереди, один больной рассказал моей тётушке, что он в США сделал офтальмологическую операцию, после которой у него начались осложнения. Он позвонил в США, чтобы договориться о приезде, но ему ответили, делать этого не надо, так как в Санкт-Петербурге в клинике «Эксимер» работает замечательный хирург, ученик великой Р. А. Гундоровой — Евгений Гурмизов, который решит его проблему лучше, чем это будет сделано у них, в США.*

Евгений Петрович, кстати, получил звание «Лучший хирург-офтальмолог Санкт-Петербурга».

Можно назвать много специалистов-офтальмологов, которым помогала Р. А. Гундорова. В частности, Роза Александровна принимала активное участие в создании и работе первой частной офтальмологической клиники «Эксимер», постоянно консультируя её специалистов. Руководители этой крупной офтальмологической клиники с отделениями в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Новосибирске, Ростове-на-Дону — коллеги и друзья Розы Александровны, талантливые люди, практикующие офтальмологи — главный врач, врач высшей категории, доктор медицинских наук, академик РАЕН Надежда Фёдоровна Пашинова и ведущий офтальмохирург и медицинский директор клиники, врач высшей категории, доктор медицинских наук, профессор, академик РАЕН Кирилл Борисович Першин.

Пашинова Н. Ф.: *Когда мы только начинали, Роза Александровна договорилась, чтобы нас впустили на коммерческой основе в глазное отделение 83-й больницы, разрешив там лечить и оперировать. Постепенно развиваясь, мы*

Кирилл Борисович Першин

Надежда Фёдоровна Пашинова

в 1997 году выросли в «Эксимер» и на каждом этапе чувствовали Розину поддержку, ощущали её помощь. Благодаря этому ни одна наша проблема не оставалась нерешённой.

Вскоре компания стала сетью частных клиник, расположившихся по всей стране, большая часть сотрудников и особенно главных врачей стали с ней работать по рекомендации Р.А. Гундоровой.

Орлова Е. Б.: *А Надежда Фёдоровна и Кирилл Борисович в свою очередь поддерживали Розу Александровну, когда это стало необходимо, морально (постоянно приезжали, когда она уже не могла ходить) и материально до конца дней.*

Надежда Фёдоровна отмечает, что Роза Александровна даже доверила им глаза своих близких — брата Вилену, дочери Наташи, да и свои. А у офтальмологов есть выражение: «Оперировать тещу или маму».

Как и любому руководителю и учителю, приходилось Розе Александровне ощущать горечь разочарований. Вот рассказ её зятя Андрея.

Астафьев А. С.: *К человеческой непорядочности она относилась строго, очень расстраивалась, когда её предавали, даже плакала, приговаривая: «Андрюха, я столько этому человека сделала, а он такое отмочил!» Но в конце концов она и этого человека вскоре простила.*

Я однажды ей сказал: «Роза Александровна, Христа предали, а вы обижаетесь!» Этот аргумент её, кажется, успокоил.

Роза Александровна была неисправимым трудоголиком — она жила своей работой. И когда заболела, то у неё оказалось неиспользованных отпусков больше чем на полтора года, ведь она всегда считала, что не может оставлять отдел, учеников и своих больных больше чем на 10 дней.

Во время болезни она продолжала работать, руководить отделением, с которым была связана уже более 50 лет, постоянно переживала, как они без неё будут справляться в дальнейшем.

Но наступил момент, когда она уже не смогла продолжать заведовать своим подразделением, перед Розой Александровной встал вопрос о том, продолжать ли ей работать, получив надбавку к пенсии в 14 тысяч рублей (с последующей индексацией), как награждённой Орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени, или стать советником директора института с зарплатой в 9 тысяч рублей.

Орлова Е. Б.: *Розе Александровне предложили оформить инвалидность, но она хотела получить рабочую группу. Однако по её диагнозу, как мне сказала председатель ВТЭК, о ней и речи быть не могло, ей полагалась только первая нерабочая. В противном случае следовало пройти новое обследование и изменить диагноз. Но на это у неё уже не было сил. Когда я приехала к Розе Александровне с этой новостью, она меня спросила: «А как ты думаешь? Соглашаться?» На что я ей ответила: «Я считаю, что 5000 рублей для вас годы не сделают. Вы живёте работой, больными, учениками. Они продлевают вам жизнь, поскольку вы чувствуете себя нужной, и только живое общение может дать вам силы. Поэтому надо соглашаться на предложение стать советником». После моих слов я увидела на глазах Розы Александровны слёзы, и она сказала: «Ты меня поняла. Спасибо».*

Примерно за год до ухода она стала советником директора МНИИ глазных болезней им. Гельмгольца, своего ученика, академика РАН, заслуженного врача РФ, главного специалиста — офтальмолога Минздрава РФ, доктора медицинских наук, профессора Владимира Владимировича Нероева. Роза Александровна всегда говорила о нём только уважительно и гордилась его достижениями.

Уже прикованная к кровати, Роза Александровна продолжала передавать свой опыт. Когда ей стало трудно делать это очно, она стала записывать то, что накопила за долгие годы практической работы. Так появились, в частности, «Советы руководителя», ряд статей, заметки к диссертациям, отчёты о проделанной работе. Ей тогда помогали её ученики и коллеги, причём не только москвичи. Так брошюру «Советы руководителя» помог издать главный врач и ведущий офтальмохирург Новосибирской офтальмологической клиники «Эксимер», доктор медицинских наук, академик РАЕН и РАМТН, врач высшей категории, заслуженный врач РФ Владимир Васильевич Кашников.

- Работа Гундоровой Р.А., выполненная в 2015 году
1. Защищены 2 кандидатские диссертации, руководителем которых являлась.
 2. Провела «мастер класс» по системе работы над кандидатской и докторской диссертациями с 5 аспирантами и 2 докторантами.
 3. Издано 2 «мини» монографии по анализу работ сотрудников отдела (кандидатских и докторских) по пересадке роговицы и инородным телам. Участвовала разделом по травмам в большой монографии (издание МНТК)
 4. Подготовила монографию по потравматической субатрофии и контузии (выпуск в 2016г.)
 5. Давала рецензии на статьи в журнале «Вестник Офтальмологии»
 6. Консультировала по телефону более 40 больных по просьбе врачей института и других учреждений
 7. Дано 2 отзыва на авторефераты кандидатских диссертаций.

«Реанимация глаза» 1.

(К слайдам)

Добавить:

Х Увеличить число литавок
травм, отслоений и криев —
капилляр травмы, травмы в
разрыве вены венозных компрессион.

2. Слайдистину у Курбановой

3. Реанимации — операции.

4. Улучшить работу Галики

5. Улучшить: микрохирургическое
Амбулаторное лечение
инструментальными методами
у старших мед.
работ.

6. Защищать современное
ткане — все перечислить заново
после герметизации. — именно с.г.

7. Защищать именно в поле
передней камеры.

8. Печатайте ч. тем, микровидеом
и видеоредактора.

Одновременно она продолжала следить за любыми возникающими в институте трудностями и проблемами.

Орлова Е. Б.: *Особенно она переживала в 2016 году за историю с воспалением глаз у одиннадцати пациентов от применения некачественного препарата «Авастин». Она уже не могла ходить и не хотела, чтобы в институте кто-то видел её немощь, поэтому по собственной инициативе никуда из дома не выезжала. Однако в этот раз сказала: «Пусть меня отвезут в инвалидном кресле в любую станцию, и я буду доказывать, что сотрудники института в этом инциденте не виноваты».*

В заключение привожу выдержки из статей ещё советского времени:
«Росендо благодарит советского врача

На столе в кабинете Розы Александровны Гундоровой, доктора наук Московского научно-исследовательского института глазных болезней имени Гельмгольца, множество писем. Среди них — конверт из Гаваны. Пишет молодой врач Росендо Вильяр Вальдес...

...Два года назад Росендо прибыл на практику в Москву. Перед ним открылись двери отделов и лабораторий Института имени Гельмгольца. Первым руководителем практиканта стала Р.А. Гундорова, заведующая отделом травм глаза.

Кубинский врач, присутствовавший почти на всех операциях в роли ассистента, видел, какое чудо могут совершить руки Розы Александровны.

Особенно запомнился пациент — его соотечественник Фартуна Мачен Перес, ещё мальчишкой в результате несчастного случая потерявший зрение. Двадцать лет прошли для него в вечной ночи, и вдруг мелькнула надежда — Москва! Гундорова сделала ему пять операций по пересадке роговицы. Какими словами можно передать радость Фартуна, когда его уже без повязки подвели к окну, и перед ним открылась панорама Садового кольца столицы!

Самыми ответственными были для Росендо три последних операции, сделанные им самостоятельно. В этот раз Роза Александровна поменялась с ним ролями и ассистировала кубинскому коллеге. Операции прошли успешно, и Гундорова сказала тогда: «Молодец, Росендо, у вас твёрдая рука». Сейчас Росендо Вальдес на Кубе и, возможно, склонившись над операционным столом в гаванской больнице, вспоминает эти слова. А его наставница за это время успешно защитила докторскую диссертацию и продолжает неустанный поиск в науке.

И вот письмо из Гаваны. Росендо рассказывает о своей работе, сердечно благодарит свою руководительницу, просит сообщить о новостях в глазной хирургии. Роза Александровна, радуясь успехам своего ученика, спешит познакомить кубинского окулиста с новыми экспериментами и исследованиями»¹.

А эта статья С. Тутарской «Зеница ока» вышла в 1984 году:

«Однажды после очередного “мозгового штурма” в кабинете профессора, когда все уже собрались расходиться, доктор медицинских наук Александр Андреевич Малаев вынул расчёску и стал машинально причёсываться. Так же автоматически положил расчёску на стол. И крошечный стеклянный шарик, невзвест как очутившийся на столе, покатился к расческе. Эврика?

Но это в воздушной среде. А глаз — совсем другое дело. Поставив опыт, врачи убедились: заряженная статическим электричеством эбонитовая палочка двигает стеклянные частицы и в пробирке с водой. Так появился на свет прибор, подобных которому нет больше нигде. Скоро будет налажено его серийное производство. Сейчас уже извлекают им мелкие осколки стекла, не прибегая к разрезу. Научились с помощью оригинальных аппаратов удалять и немагнитные металлические тела, попавшие в глаз. Результаты лечения тяжёлых травм благодаря всему этому, а также тщательной диагностике значительно лучше, чем в других клиниках.

Бывает и такой тяжкий вариант: “пришелец” проник до самого глазного дна и “сел” на сетчатку. Шевелить его опасно — пострадают клетки, ответственные за восприятие всего, что мы видим. В этих случаях с помощью спе-

¹ Еленчук А. Письмо из Гаваны // Советская Россия. 17.01.1970.

циального аппарата ведётся прицельный “обстрел” лазерным лучом вокруг “незваного гостя”. В итоге его облекает плотная капсула из сваренных лазером клеток. Теперь, если осколок начнёт окисляться, образовавшаяся капсула не даст вредным веществам проникать в глаз.

Упомяну ещё о двух важных начинаниях отдела. Первое — создание способа лечения внутриглазных кровоизлияний с помощью иммобилизованных ферментов. Учёные Всесоюзного кардиологического научного центра впервые в мире растворили тромб в коронарной артерии с помощью фермента, соединённого со специальной полимерной основой.

Узнав о работе кардиологов, сотрудники отдела подумали: «А что, если...» И сейчас здесь справляются с такими кровоизлияниями, которые ещё несколько лет назад приводили к потере зрения.

И второе важное дело — это замена стекловидного тела специальными препаратами. Кроме научной и лечебной, большую организационную работу ведут сотрудники отдела. Учат коллег из других городов. Работа с врачами, с больными нужна и разъяснительная. Нередки случаи, когда к травме глаза относятся на местах чересчур легко — плохо обрабатывают, поздно направляют пострадавшего в специализированные клиники и отделения. Бывают беспечны и сами пациенты. Казалось бы, когда повреждён глаз, что может быть важнее! А вот поди ж ты...

Здесь, в отделе, перед врачами проходят не отвлечённые медицинские казусы, а драматические, порой жестокие истории, нередко с чудовищным легкомыслием действующих лиц. Зачем было охотнику перезаряжать ружьё, когда в комнату вошла дочь-восьмиклассница? Теперь он никак не может осознать, что одним глазом девочка не будет видеть — бывает и так, что медицина бессильна. Зачем взрослые приносят детям химические вещества и благодушно взирают на опасные опыты? Зачем на уроке труда школьники без защитных очков? Может быть, потому что урок показывают по телевидению и соображения красоты взяли верх над здравым смыслом? А появившийся у врачей термин “семейная травма”?!

Старый корпус института на Садовой, где размещается отдел, выстроен в традициях начала XX века. Скоро институту исполнится пятьдесят лет. И приборам, и людям в этих стенах тесно. В маленьком кабинетике Розы Александровны книги, научные журналы из многих стран. Она рассказывает, как ценой немалых усилий, годами создавали в отделе не просто нормальный моральный климат, а такой, чтобы хотелось бежать на работу. Очень помогла в этом гласность. В выдвижении, в каждом поощрении, моральном и материальном. Неформальное общее обсуждение результатов. Я слушаю, а сама всё хочу понять: что заставило на всю жизнь избрать такое тяжкое дело, как глазная травма? Ведь, наверное, бывает просто страшно...

— Страшно, — соглашается профессор. — Думаете, я ко всему привыкла и ничего не боюсь? Например, если в гостях при мне начинают заряжать сифон с водой — не смейтесь! — я убегаю из комнаты. Дома у меня вы его не увидите. Но когда идёт приём, начинаешь думать: сначала сделать это, потом то. И страх... куда-то девается. И во время операции уходит всё личное. Вы понимаете, глазная травма — это же для врача такое обширное поле деятельности, каждый раз со столькими неизвестными. Если даже с утра что-то мучило, из операционной выхожу совершенно освобождённой.

До тридцати операций в операционные дни. Работа под микроскопом, тончайшим инструментом. А бывают довольно часто множественные повреждения глаз — и удар, и ожог, и осколок одновременно, когда мозг врача должен принимать молниеносные и верные решения. И инородное тело — не простой орешек. Розе Александровне приходится делать, одну за другой, несколько операций, в сложных случаях приходится на помощь коллегам. В один из таких дней, когда мне довелось присутствовать на операции, удалось, не без труда и волнений, извлечь из глаза крупный кусок стекла кубической формы. Легкими, нежными движениями “шёл” к нему хирург. Делаются ювелирные надрезы — поспешности тут места нет! — чтобы высвободить стекло от уже “запеленавших” его нитей соединительной ткани. И вдруг осколок сдвинулся, стал “уходить” — это страшнее всего. Глаз — среда жидкая, осколок может погрузиться на глазное дно. Ещё и ещё новые подходы, всё идёт с локацией ультразвуком (“Позовите Михаила Булатовича, мне кажется, при нём прибор работает лучше”). Выбор тончайшего пинцета нужной формы. И, наконец, стекло на марлевой салфетке. Теперь специальным аппаратом «Волга», созданным вместе с горьковскими учёными, отсасывают из-под роговицы мешающие зрению кусочки соединительной ткани. Накладывают швы...

— В каждой сложной операции, — говорит Роза Александровна (а она сделала их более семи тысяч), — хирурга подстерегают риск и неожиданность. Это, учтите, притом что тщательно проведены самые скрупулёзные диагностические исследования. И план операции много раз обдуман, выверен. Какие бы чудеса томографии, ультразвуковой локации ни привлечь, какие бы ЭВМ это ни просчитали, только “на месте сражения” хирург может уяснить, какая тактика наилучшая. И этому умению думать, — продолжает профессор, — принимать решения в чрезвычайной ситуации надо врача учить.

Ассистенту, торопившемуся узнать наперёд ход операции, Роза Александровна сказала: “Погоди, не спеши. Я не знаю пока, какой сделаю надрез...” Так идёт одна из самых трудных битв — за счастье видеть».

ОСНОВНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ

Великие карьеры, великие достижения рождаются из встречи характера, гения и удачи.

Наполеон Бонапарт

*Гундорова Роза Александровна
(21.12.1928–12.12.2016)*

Академик РАЕН, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный врач РФ, доктор медицинских наук, профессор, руководитель отдела травм органа зрения, реконструктивной хирургии, пластической хирургии и глазного протезирования ФГБУ «МНИИ глазных болезней им. Гельмгольца» (1961–2015)

Основоположник крупнейшего раздела российской современной офтальмологии — офтальмотравматологии

Заместитель председателя технической комиссии по офтальмологии Министерства здравоохранения СССР, заместитель председателя научного Московского общества офтальмологов, член учёного совета центра катастроф «Защита», создатель Всесоюзного научно-методического центра глазного протезирования, член Всемирной организации травматологов, член Ученого совета ФГБУ «МНИИ глазных болезней им. Гельмгольца», член редакционного совета Российского офтальмологического журнала

Основные достижения

Кавалер орденов «За заслуги перед Отечеством» IV степени, награждена медалями «За заслуги перед отечественным здравоохранением», «За укрепление боевого содружества», «За участие в спецоперации по освобождению заложников в г. Будённовске», «Ветеран труда», «850 лет Москвы», знаком «Отличник здравоохранения», является лауреатом премий Совета министров РСФСР, Правительства РФ, АМН СССР имени М. И. Авербаха

В своей области деятельности Роза Александровна действительно ещё молодой стала фактически основоположником крупнейшего раздела офтальмологии — офтальмотравматологии. Она внесла крупный вклад в это направление, разработав основные принципы диагностики, профилактики и тактики лечения различных повреждений органа зрения и, в первую очередь, особо тяжёлой травмы.

Ею были разработаны разнообразные методы удаления внутриглазных инородных тел и инородных тел орбиты, и, особенно, внутриглазных инородных тел, обеспечивающие оптимальное сохранение зрительных функций, новые методы удаления инородных тел, в зависимости от их природы и локализации. Впервые она предложила научно обоснованные методы терапевтического лечения, позволяющие отказаться от удаления инородных тел при высокой вероятности тяжёлых осложнений, связанных с такой операцией.

Роза Александровна ввела практику активного применения волоконной и ультразвуковой техники в офтальмологии, стала использовать новые подходы к лечению ожоговой травмы глаз, включая клеточные технологии, оригинальные технологии оптико- и анатомореконструктивных операций, в том числе микрохирургия сосудов глаза, разработка принципов органосохранного лечения, совершенствование методов пластической хирургии и глазопротезирования. И это далеко не полный перечень её научных разработок в этом направлении, вошедших в повседневную практику офтальмологических учреждений нашей страны и за её пределами.

Невозможно цифрами оценить то, что удалось сделать за 65 лет врачу Розе Александровне Гундоровой, нельзя сосчитать людей, которые благодаря ей не потеряли зрение и до конца жизни помнили, что она для них сделала. А сколько людей благодарят Учителя за то, что она сделала из них высококласных специалистов.

Невозможно сосчитать, сколько Роза Александровна произвела за эти годы операций. Это количество измеряется десятками и сотнями тысяч.

Но, кроме этого, она щедро делилась с сотрудниками, учениками и коллегами своими знаниями. Ею опубликовано более 600 научных работ, 8 монографий, она автор более 80 изобретений. Её книга «Травмы глаза» (1986, 2008), удостоенная в 1988 году премии Совета министров РСФСР, и монография «Реконструктивные операции на глазном яблоке», отмеченная в 1986 году

премией им. М.И. Авербаха, стали основными учебниками при подготовке офтальмотравматологов.

Под её руководством защищены 93 кандидатских и 22 докторских диссертации. Ученики профессора Р.А. Гундоровой работают во многих городах России и мира, в США, Германии, Израиле, Индии, Грузии, Белоруссии, Кубе и других странах.

ОТДЕЛ ТРАВМАТОЛОГИИ, РЕКОНСТРУКТИВНОЙ, ПЛАСТИЧЕСКОЙ ХИРУРГИИ И ГЛАЗНОГО ПРОТЕЗИРОВАНИЯ при Гундоровой Розе Александровне

Гундорова Роза Александровна — академик РАЕН, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный врач РФ, кавалер ордена «За заслуги перед отечеством» IV степени, доктор медицинских наук, профессор — руководитель отдела, специалист по лечению травм, ожогов глаз и их последствий. Реконструктивные операции, уникальные операции по удалению инородных тел из глаза. Автор более 100 изобретений в области офтальмологии, более 600 научных работ, 8 монографий;

Багатурия Татьяна Георгиевна — заведующая клиническим отделением, кандидат медицинских наук. Диагностика и лечение инородных тел глаза и орбиты, оптикореконструктивная хирургия переднего сегмента глаза;

Степанов Анатолий Викторович — член-корреспондент РАЕН, академик лазерной академии наук РФ, заслуженный врач РФ, доктор медицинских наук, профессор, главный научный сотрудник. Травмы глаз и их последствия, реконструктивные операции, включая кератопластику, пластику радужки, имплантацию искусственного хрусталика и искусственной радужки, хирургическое и лазерное лечение глаукомы, имплантация дренажных устройств, лазерные методы лечения посттравматической патологии. Автор более 60 патентов РФ, более 400 научных работ, 3 монографий;

Ченцова Екатерина Валериановна — доктор медицинских наук, профессор — ведущий офтальмохирург. Факоэмульсификация старческих и травматических катаракт, пересадка роговицы различных модификаций, оптикореконструктивная и имплантационная хирургия переднего отрезка глаза при последствиях травм, лечение ожогов глаз и их последствий, разработчик методов трансплантации стволовых клеток в офтальмологии;

Макаров Павел Васильевич — доктор медицинских наук, врач-хирург высшей категории. Специализация: консервативное и хирургическое лечение травм глаза и их последствий (хирургическая обработка, реконструкция переднего отрезка, кератопластика, факоэмульсификация); комплексное лечение ожоговой травмы и восстановительное лечение последствий ожогов глаз (реконструктивные операции, аллолимбальная и аутолимбальная трансплантация, кератопластика, кератопротезирование). Разработчик клеточных технологий лечения ожоговой болезни глаз;

Вериго Елена Николаевна — доктор медицинских наук, заслуженный врач РФ, профессор. Лечение последствий тяжёлых повреждений глазного яблока, организатор службы глазного протезирования, реабилитация, амбулаторная хирургия (удаление папиллом, артем, халязинов, моллюсков, птериgiumа, заворота век и др.);

Кваша Ольга Ивановна — доктор медицинских наук, профессор кафедры офтальмологии факультета последипломного образования МГМСУ, старший научный сотрудник. Хирургическое и консервативное лечение травмы органа зрения и ее последствий, удаление инородных тел из глаза и орбиты. Разработчик метода NO-терапии в офтальмологии,

Катаев Михаил Германович — доктор медицинских наук, профессор. Реконструктивно-пластические операции на веках, орбите, слезных протоках, глазных мышцах при последствиях травм, деструктивных заболеваний, онкологических операций, восстановление положения глаза при переломах, исправление травматического, паралитического косоглазия, паралитического лагофтальма, травматического, врождённого и возрастного блефароптоза, заворота и выворота век, врождённой патологии век и орбиты, восстановление слезоотведения при травматических деформациях и воспалительных заболеваниях, удаление глаза с протезированием, формирование и реконструкция культи и полости для глазного протеза, исправление недостатков протезирования, полное восстановление утраченных век, эстетические операции на веках и периорбитальной области, лазерные методики;

Иванов Андрей Николаевич — доктор медицинских наук, отличник здравоохранения, офтальмохирург широкого профиля: катаракта, патология стекловидного тела; оказание экстренной помощи с реконструкцией передней камеры, патология стекловидного тела и сетчатой оболочки;

Филатова Ирина Анатольевна — доктор медицинских наук. Реконструктивные операции на веках при посттравматической, врождённой и сенильной патологии, на конъюнктивальной полости при последствиях травм и ожогов, на орбите при посттравматических изменениях, удалении глазного яблока с имплантацией, подготовка к главному протезированию, отсроченная имплантация в орбиту, реконструктивные вмешательства при деформации и заращении конъюнктивальной полости, лечение при врождённом анофтальме и микрофтальме, консервативное и хирургическое лечение при патологии слёзных путей;

Оганесян Оганес Георгиевич — доктор медицинских наук, старший научный сотрудник. *Member of Cornea Society* — сквозная и послойная кератопластика, DALK, инвертная кератопластика, эндотелиальная кератопластика — DMEK, DLEK, DSEK, DSAEK, микроинвазивная десцементопластика; фемтолазерная хирургия — FSDSEK, имплантация интрастромальных сегментов; факоэмульсификация, оптикореконструктивная хирургия переднего отрезка глаза. Факоэмульсификация. Автор оригинальных технологий современных методов кератопластики;

Алексеева Ирина Борисовна — кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник. Разработка и внедрение методов диагностики и лечения контузионной (закрытой) травмы. Оптикореконструктивные операции на переднем отрезке глаза, включая кератопластику, факоэмульсификацию с имплантацией ИОЛ, операции при иридоциклодиализе, отслойке цилиарного тела и вторичной постконтузионной глаукоме. Автор нового подхода к лечению посттравматического гипотонического синдрома;

Синельщикова Ирина Викторовна — кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник. Травмы глаза и их последствия, оптикореконструктивная хирургия переднего отрезка глаза, факоэмульсификация, лазерные методы лечения при глазных заболеваниях и последствиях травм глаза. Одна из разработчиков метода озонотерапии в офтальмотравматологии;

Лепарская Наталия Леонтиновна — кандидат медицинских наук. Витреоретинальная и склеропластическая хирургия травматической отслойки сетчатки, макулярная хирургия, лазерное лечение заболеваний заднего отдела глаза. Разработка новых методов введения лекарственных препаратов на липосомальных носителях. Моделирование и профилактика ПВР;

Капитонов Юрий Александрович — кандидат медицинских наук. Ургентное и консервативное лечение травм глаза и их осложнений, органосохранная хирургия и терапия посттравматических состояний, лечение и профилактика посттравматического воспаления, нарушений репаративной регенерации и офтальмотонуса, антидистрофическая терапия. Соработчик и исследователь нескольких отечественных офтальмологических лекарственных препаратов;

Романова Ирина Юрьевна — кандидат медицинских наук, врач-офтальмолог амбулаторного реабилитационного центра (АРЦ) отдела травматологии, реконструктивной и пластической хирургии и глазного протезирования ФГУ МНИИ ГБ им. Гельмгольца. Основные виды деятельности АРЦ: диспансерное наблюдение за больными, с различными последствиями открытой и закрытой травмы органа зрения, ожоговой болезнью глаза и больными, имеющими врожденную, наследственную или приобретенную (возрастную) патологию органа зрения, воспалительного или дегенеративного происхождения, выписанными из стационара отдела и нуждающимися в консервативной терапии; за больными, ожидающими госпитализацию;

Галчин Александр Александрович — кандидат медицинских наук. Научно-практическая работа по тематике травматических повреждений глаза, медицине катастроф, неотложной помощи, организатор и куратор службы выездных консультаций, организация системы телемедицинских консультаций Института, внедрение в работу компьютерной системы по ведению пациентов, соработчик и исследователь отечественных офтальмологических лекарственных препаратов;

Зиновьев Михаил Юрьевич — кандидат медицинских наук, научный сотрудник. Специалист по изучению системы гемостаза у больных с травмой органа зрения, осложненной внутриглазными кровоизлияниями (в т. ч. рецидивирующими);

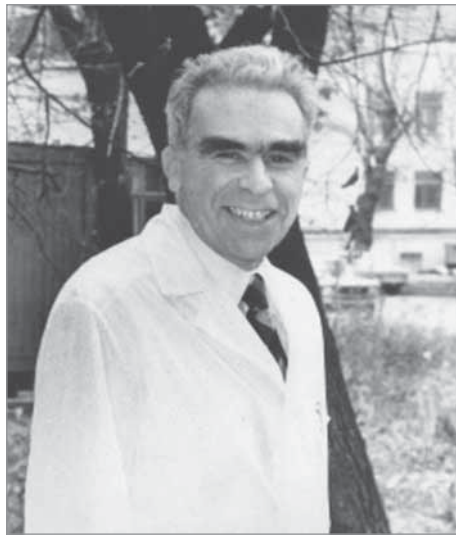
Андреев Александр Андреевич — кандидат медицинских наук. Реконструктивные операции на структурах переднего и заднего отрезка глаза: кератопластика, иридопластика, интраокулярная коррекция, витреоретинальная хирургия (лечение макулярных разрывов, тяжелых случаев отслойки, удаление эпи- и субретинальных мембран, внутриглазных инородных тел труднодоступной локализации), факоэмульсификация катаракт различного генеза;

Овечкин Николай Игоревич — кандидат медицинских наук, заведующий операционным блоком;

Джандоян Георгий Титалович — кандидат медицинских наук, врач-офтальмохирург. Клиническая специализация — факоэмульсификация катаракты с имплантацией интраокулярной линзы, антиглаукомные операции (проникающего и непроникающего типов), одномоментная факоэмульсификация с антиглаукомными операциями на глазах с сочетанной патологией — катарактой и глаукомой, реконструктивные операции переднего отрезка глаза и т. д.

О РОЗЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ ГУНДОРОВОЙ

Юрий Захарович Розенблюм

Ю. З. Розенблюм (30 октября 1925, Ленинград – 2008) — д.м.н., профессор, руководитель лаборатории офтальмоэргономики и оптометрии Московского НИИ глазных болезней им. Гельмгольца, основоположник офтальмоэргономики и оптометрической службы, заслуженный деятель науки РФ

...Родилась за хребтом Кавказа
В военной кочевой семье.
Когда-то волею приказа
Судьба вас привела к Москве.

О вашем жизненном маршруте
Напишут в святцах вновь и вновь...
Нет! Родились вы в Институте,
Его вы слава и любовь.

В наш век трясений и крушений,
В наш беспокойный травмовек
Вы — главный наш офтальмогений,
Вы — самый нужный человек.

Так пусть идеи бьют фонтаном,
Творите дальше чудеса,
Идите по морям и странам,
Надежда наша и краса.

«Круги общенья», 1988 год

Агеев Александр Иванович

А. И. Агеев, доктор экономических наук, профессор, академик Российской и Европейской академий естественных наук, Академии военных наук РФ, действительный член академий наук 12 стран. Генеральный директор Института экономических стратегий РАН (ИНЭС) и Международного научно-исследовательского института проблем управления (МНИИПУ). Заведующий кафедрой и профессор Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ», профессор МГИМО(У) и МГУ им. М. В. Ломоносова, глобальный наставник Школы Шёлкового пути Китайского народного университета (Renmin University of China) и руководитель программы DBA (Doctor of Business Administration) «Цифровая трансформация» Сингапурской академии корпоративного менеджмента. Главный редактор журнала «Экономические стратегии» и международного журнала «Партнёрство цивилизаций», член редакционных советов ряда других научных журналов («Цифровая экономика», «Вопросы новой экономики», «Микроэкономика», «Вестник оборонно-промышленного комплекса» и др.). Член Союза писателей России и Союза журналистов России

О Розе Александровне до осени 1996 года я не знал ничего. Её мир и круг моей жизни существовали параллельно, не пересекаясь. Так было до субботнего дня октября, когда появившаяся несколько дней назад боль стала невыносимой. Она не была слышна никому, только из глаз буквально катились, не прекращаясь, слёзы, а челюсти скрежетали и едва не сломали зубы. Прорывалась сквозь неё только одна мысль — нужна экстренная помощь, хоть какое-то облегчение. Потом такая боль придёт ещё однажды, когда 12 послеоперационных швов потребуются изъять из глаза без анестезии. Это случится через полтора месяца. А в тот момент, как выяснилось позже, всё могло закончиться через несколько часов даже не печально, а вполне летально.

В предшествующие дни врачи в престижной клинике разводили руками, выписывали обезболивающие, обнадеживали — как-то пройдёт. Они и в самом деле не знали, что делать. Звонок в скорую помощь в субботу в середине 1990-х годов, кто не сталкивался с этим сюжетом, не поймёт, насколько всё было призрачно, а иногда и опасно.

Мысль работала над поиском какого-то решения. Имя Эдуарда Ивановича Юркова, кто восстановил мой позвоночник после неуютной травмы в од-

ной далекой командировке, кто работал многие годы в Африке и России, кто был великим Доктором и Человеком, с чьей семьёй у меня добрая дружба уже более трёх десятилетий, пришло на ум не сразу. Всё-таки это разные медицинские специализации. И это один из важных уроков из той ситуации: сообщество настоящих врачей едино и в случае тревоги срабатывает молниеносно. Супруга Эдуарда Ивановича, Валерия Георгиевна, тоже врач, многие годы посвятившая медицине, работавшая в Третьем Главном управлении Минздрава, в ведении которого были беды чернобыльской категории. Другом семьи Юрковых, к счастью, оказалась Елена Николаевна Вериги, одна из участниц этой книги. В ту же субботу меня госпитализировали в Институт им. Гельмгольца, а пиявки сняли запредельное давление.

Участие Елены Николаевны, ненавязчивое курирование этого моего внезапного и экстренного путешествия в Институт им. Гельмгольца, сделало его и возможным, и в конце концов успешным. Поэтому мне было радостно встретить её на страницах этой памятной книги.

Решение, кому лично делать операцию, а что поручить коллегам, Роза Александровна принимала сама. Это зависело, насколько можно теперь судить, от сложности случая и перспектив сохранения зрения, глаза, жизнеспособности пациента. Чем сложнее и бесперспективнее была ситуация, тем выше шанс, что операцию будет делать она сама. Я не знал в тот момент ничего о великой Гундоровой, о её личности, подвигах и жизни, ничего из того, что представлено в данной книге, кроме одного — вся надежда была на неё. Я понимал, что если кто-то и может что-то сделать, то только она.

Наступил понедельник. Решение Роза Александровна приняла быстро: «Операция завтра, готовить!» Помню её ободряющую улыбку, насквозь сканирующий взгляд, силу, излучающую нечто бесспорное и убедительное.

Операция длилась четыре часа. Это долго, наверное, по офтальмологическим меркам. Позже стало известно, что два раза всё могло «пойти не так». Моей родной сестре Валентине, находившейся неотлучно рядом с операционной или со мной, было дважды не по себе. Вспоминаем теперь, конечно, об этом с лёгкой иронией.

Через 14 дней Роза Александровна сделала ещё одну, закрепляющую успех, операцию.

Полтора месяца я провёл в палате Института им. Гельмгольца. Менялись соседи, накапливались истории нескончаемого горя, которое не видно нам в обычной повседневной суете. Травмы, болезни, осложнения от операций в других клиниках, самострелы. Пожалуй, все статьи медицинской энциклопедии на офтальмологические темы прошли передо мной. И складывалось преклонённое понимание непрерывной, без выходных, беззаветной борьбы врачей-офтальмологов с бедой массового поражения.

Роза Александровна не оставляла своих подопечных после операции. Её обходов пациенты ждали с замиранием сердца, и я не могу представить, чтобы у кого-то появилось сомнение в точности и оправданности её заключений. Даже самые жёсткие диагнозы и предписания были наполнены её жизнеутверждающим импульсом. Сама сильная, она вселяла энергию жизни уже отчаявшимся людям, появлявшимся здесь из всех уголков страны, и отпускала их позже, подарив новую жизнь.

Безусловно, сразу чувствовалось, что Роза Александровна руководитель неоспоримого масштаба. Пациентом до и после операции, в реабилитационный период, и после лечения занимались назначенные ею врачи. Было видно, что они пользовались её доверием и дорожили им, а Роза Александровна при этом держала в памяти все маршрутные карты выздоровления пациентов.

Более пяти месяцев заняла эта история моего соприкосновения с всеобъемлющим и спасительным талантом Розы Александровны. Трудно и вообразить, сколько за это же время она спасла людей. И каждый из нас находился на её контроле вплоть до разрешения проблемы. Я помню её искреннюю радость от собственной достойно сделанной работы.

Все мои последовавшие после научные статьи и книжки, лекции, композиции, проекты, форумы, и так далее, и тому подобное — не суть, была ли в них какая-то ценность, всё это было потом. И настолько же очевидно, что их могло вовсе не быть...

Вот собственно и всё, пожалуй. Уместны лишь три обобщения.

Во-первых, всё моё «свидетельское показание», наверное, схоже с мнением всех спасённых Розой Александровной. Хотя в палатах и коридорах мы не очень разговорчивы, но это там витало — абсолютная вера в её профессионализм и чудотворность, не больше и не меньше. Она решала, что делать «как власть имеющая», и эти решения сохраняли не только зрение, глаза, жизнеспособность, но предопределяли судьбы многим, кого не исчислить на человеческом суде. Во-вторых, я не один раз в кратком тексте использовал термин «решение». Это её подлинный атрибут. За ним была воля, высочайшая организация себя в потоке жизненных событий, безусловный профессионализм, бесстрашие в принятии своей ответственности за здоровье, жизнь и судьбы людей, энергия решать точно, чётко и быстро.

В-третьих, военно-хирургическая культура гундоровской школы. В одном из тестов на отшлифовку навыков военно-полевой хирургии спрашивается: где следует поставить самого лучшего хирурга во время войны? И предлагаются варианты ответов: у линии фронта, на сортировочном пункте, в санитарном поезде или в Москве. Правильный ответ второй. Роза Александровна и есть тот самый лучший хирург с лучшей способностью диагностики, личным и успешным участием в самых сложных миссиях, а главное — абсолютным соответствием критерию военно-полевой хирургии — возвращению в строй раненых, даже безнадежных.

Арестова Наталия Николаевна

Доктор медицинских наук. Ведущий научный сотрудник отдела патологии глаз у детей «ФГБУ МНИИ глазных болезней им. Гельмгольца» Минздрава России, доцент кафедры глазных болезней ФПДО ГБОУ ВПО МГМСУ им. А. И. Евдокимова Минздрава России

О Розе Александровне Гундоровой можно говорить бесконечно. Она уникальна и многолика. У всех, кому повезло хотя бы коротко общаться с ней, в памяти навсегда остался этот удивительный человек, уникальный врач и педагог, настоящий мудрец.

Говорят, учитель — не тот, кто учит, а тот, у кого учатся, поэтому можно сказать, что учениками Розы Александровны были не только сотрудники отдела травматологии, но и все работавшие в нашем институте.

Впечатления и воспоминания от встреч с такой неординарной личностью, как профессор Гундорова, у каждого, конечно, накопилось много, у каждого они свои. Мне, например, как заведующей детским хирургическим отделением института, доводилось много раз консультировать у Розы Александровны сотрудников нашего отдела по поводу последствий внутриглазных травм их детей. И каждый раз она предлагала не просто оптимальные решения сложнейших клиничко-диагностических проблем, но обязательно делала наши встречи-совещания яркими, эмоциональными и всегда запоминающимися.

Всем офтальмологам было известно «чутьё» Розы Александровны на внутриглазные инородные тела. Её решения некоторых сложных случаев в институте стали легендой. Вот и мне запомнился один случай в операционной: мы с доктором медицинских наук Виктором Павловичем Быковым во время ночного дежурства более часа безуспешно пытались удалить внутриглазное амагнитное инородное тело (стекло) из глаза ре-

бёнка. Дело в том, что в те годы ещё не было возможности ультразвукового интраоперационного контроля положения инородного тела в глазу. Время шло, наступило утро, на работу пришла Роза Александровна, а мы всё ещё не могли решить эту проблему. И вот профессор заглянула в операционную, сразу оценила ситуацию, и, подготовившись, взяла пинцет и одним движением извлекла осколок стекла из глаза! На наши изумлённые возгласы: «Как вы это сделали?!» — Роза Александровна только лукаво ответила: «Я же вижу, кто искал, где искал, а потому понимаю где инородное тело находится!»

Мастерство нашего учителя как блестящего хирурга, конечно, бесспорно. Например, в те давние годы только она могла за 20 минут полностью выполнить сквозную кератопластику (я как-то засекала время!).

И ещё — на Востоке безупречными считают людей с отсутствием переоценки собственной важности, отсутствием жалости к себе и с настроением воина. По всем этим критериям Роза Александровна была для нас образцом безупречности.

Астафьев Андрей Сергеевич

Окончил лечебный факультет 2-го Медицинского института, занимался два года в ординатуре пульмонологией, окончил МГИМО и Академию Службы внешней разведки и изменил специализацию

Роза Александровна была фантастическим человеком, и не случайно на её похоронах я сказал со слезами на глазах: «Роза, я хороню вторую мать».

И действительно, другого такого сердца я больше не встречал. Вдобавок к этому при её строгом, брутальном виде, она имела удивительное чувство юмора и здоровый, хороший цинизм.

Из-за характера своей работы я порой подолгу (неделями, а порой и месяцами) отсутствовал, и, приезжая домой, порой ссорился с Натальей. В этот момент к нам в комнату входила Роза Александровна и говорила: «Вы хищники и гады, вас бы на неделю в моё отделение, и вы бы увидели, как в одночасье люди становятся слепыми!»

Вечерами можно было прийти к ней в кабинет, сесть в кресло, она мне наливала рюмку чая, и мы говорили о жизни. И во время таких встреч я услышал миллионы поучительных историй, которые её характеризовали как незаурядную личность.

Но бывало, что она приезжала домой безумно расстроенной. Я спрашивал её: «Что случилось?» — и она отвечала: «Андрей, представляешь, девочка-красавица 14 лет после автомобильной аварии лишилась глаз! Так жалко девушку!» И Роза Александровна, видевшая за свою карьеру тысячи таких случаев, плакала.

Она была совершенно бескорыстный и щедрый человек. Когда стало легко ездить за границу, себе оттуда тёща ничего не привозила, отвечая на недоуменные вопросы: «А на фига мне нужны шмотки!»

Строго Роза Александровна относилась к человеческой непорядочности, очень расстраиваясь при столкновении с ней. Когда её предавали, даже плакала, говоря: «Андрюха, я столько этому человека сделала, а он такое отмочил!» И несмотря ни на что всё-таки его вскоре прощала.

Однажды после очередного неблагоприятного поступка я её успокоил: «Роза Александровна, Христа предали, а вы обижаетесь!» Этот аргумент ей очень понравился, она только сказала: «Всё-таки ты умный!»

Незадолго до смерти она говорила мне: «Андрюша, я выпустила в свободное плавание много профессуры, была председателем ВАКа, но такой головы, как у тебя, я не видела! И ты не исполнитель, ты генератор идей».

Меня она, безусловно, любила — видимо, видела во мне результат и своей работы. Ведь, взяв меня щенком, Роза Александровна сделала меня человеком.

И неслучайно люди отмечали, что я свою тёщу любил даже больше, чем жену.

Розе Александровне много пришлось пережить, она, как настоящий военный, прошла через многие пусть мирные, но горячие точки — Армавир, Спитак... Она руководила работой полевого госпиталя после крупнейшей железнодорожной катастрофы в Башкирии когда после аварии на газопроводе взорвался газ. Роза Александровна туда срочно вылетела. Дело в том, что тогда сотни людей получили поражения глаз, когда стрели из окон на тот взрыв. Работала она там день и ночь. «Такое коли-

чество глазных травм произошло, ты и не представляешь!» — сказала она мне тогда.

Её тогда хотели представить к государственной награде, но кто-то это представление зарубил.

Мои коллеги из нашего серьёзного ведомства однажды сказали ей: «Роза Александровна, да вы настоящий генерал!» На что она тут же ответила: «Да я с удовольствием бы в форме ходила, да лампасы не на что пришить!»

Но в благодарность за всё, что сделала она для людей в погонах, во время командировок Розы Александровны за рубеж её опекали наши сотрудники, так как туда шла команда: «Помочь!» Она действительно очень много делала для нашей службы — многим спасла зрение, после различных «производственных» травм.

Ей выделяли оперативные машины, помогали в организации встреч, оказывали другие услуги, чтобы облегчить командировочный быт.

У неё был удивительный характер: испытывая огромные стрессы, нагрузки могла и вспылить, разнести всех с использованием порой крепкого словца, но была отходчива и не боялась извиниться, если признавала, что переборщила.

Она понимала, как может повлиять на человека проявленная руководителем несправедливость. Она вспоминала, что во время работы в Московской глазной больнице в самом начале её карьеры некая врачиха (сложно найти другой термин этой даме) чуть ли не по лицу её ударила тряпкой, заявив: «Ты никогда не станешь врачом!» Впрочем, и эту даму Роза Александровна простила, оправдывая её поведение перенапряжением.

Что касается её профессионализма, то скажу, что, например, Святослав Николаевич Фёдоров признавал в своей жизни только двух людей в качестве бесспорных авторитетов — Г. А. Илизарова и Р. А. Гундорову. Первый был, как и он, на первом этапе карьеры изгоем, а Роза Александровна, когда он работал в Чебоксарах и его гнобили, состоя в комиссии Министерства здравоохранения, проверяющей его деятельность, вопреки требованиям сверху, дала новаторскому методу Фёдорова положительную оценку. И Святослав Николаевич это помнил.

Однажды в ФРГ в клинике профессора Нойбауэра собрали всех хирургов-офтальмологов, Роза Александровна делала показательную операцию (коллеги наблюдали за ней через мониторы). Когда она, закончив операцию, шла по территории клиники, и они с профессором-хозяином проходили мимо его шикарного «Мерседеса», то, показывая на него, коллега сказал: «Роза, то, что ты сейчас продемонстрировала, стоит половину этой машины!»

Безусловно, и сама Роза Александровна знала себе цену, но вот к различным почестям и наградам при этом относилась равнодушно. Ей это было не нужно.

Но, когда Роза Александровна умерла, в доме, где мы жили, соседи вывели большой неформальный некролог и поставили огромнейшую корзину роз. Её и здесь очень уважали.

Конечно, ни на какие хобби у неё времени не хватало, в редкое свободное время она могла посмотреть по телевизору баскетбол и какой-нибудь детектив.

Выпивала она очень редко, и одной бутылки любимого сухого белого мозельского вина ей хватало надолго. Впервые она попробовала его в командировке в Германии.

Домохозяйкой моя тёща точно не была и умела готовить только два блюда — окрошку и жареную картошку. Но, зная какой-то секрет, делала их превосходно.

С этим связано немало весёлых историй. Так однажды Роза Александровна сделала окрошку и до добавления в неё кваса поставила кастрюлю в холодильник. За ужином она увидела такую картину: я и Василий Иванович с удовольствием поедаем её произведение. Идиллическая картина нарушалась тем, что мы на глазах веселели. Розу Александровну это смутило: «Что-то здесь не то! Почему у вас такие пьяные морды?» Каково же было её удивление нашей сообразительностью, когда она узнала, что вместо кваса в её окрошку был налит коньяк! Так мы её разыграли.

Следует отметить, что к мужским посиделкам тёща относилась лояльно, прощала наши «шалости». Но всё-таки тесть Василий Иванович порой отправлял меня к тёще за пивом со словами: «Иди к Розе, она тебя любит и не откажет!»

Семейные отношения Гундоровых, конечно, были непростыми. Василий Иванович сказал однажды Розе Александровне: «Мне надоело видеть только твою спину!» Действительно, приходя домой Роза Александровна ужинала, затем сразу садилась за рабочий стол и начинала писать или править какой-то материал. Даже на даче, на участке, был установлен специальный стол, за которым она тоже постоянно работала. Единственное на что не соглашалась, так это на то, чтобы на даче был установлен телефон. Она понимала, что это будет ей грозить постоянными экстренными вызовами в институт.

Однажды я приехал домой поздно, жена уже спала, а меня пока в сон не тянуло. От нечего делать я сел за стол, на котором лежал журнал «Вестник офтальмологии», открыл его и совершенно автоматически стал редактировать статью Розы Александровны. Работа редактора оказалась недостаточной, так что статью пришлось изрядно почиркать фломастером.

На следующее утро я вновь уехал в служебную командировку, поэтому встретил тёщу только через пару недель. Она стояла, упёрши руки в боки, и строго сказала мне: «Слушай, крендель, ты что опять устроил? Я в понедельник вынуждена была на работе вызвать сотрудников и отругать их, обвинив, что они, хищники и гады, ничего не делают! А уж тем более не читают статьи своего шефа». После этого она дала им журнал с моей «редакцией» и распорядилась через полчаса отчитаться о выполнении задания.

Порой я помогал Розе Александровне просматривать иностранную специальную литературу, журналы, так как она не знала английского языка, переводил краткое изложение нужных ей статей, для того чтобы можно было оценить насколько интересен тот или иной материал.

Наталья для Розы Александровны была всем. Заболела она ещё перед поступлением в институт, и её мама не находила себе места, переживая за её жизнь.

На моих глазах чуть не произошла трагедия. Тогда спас Наталью мой институтский друг Рафаэль Биктимиров. Было это в 1985 году. Как-то поздно вечером он приехал к нам в гости и, увидев Наталью, спросил: «Что ты такая бледная?» Объяснение, что это беременность, не удовлетворили ни меня, имевшего некую медицинскую практику, ни тем более Рафаэля, и он предложил прощупать её живот. Через пять минут осмотра был вынесен вердикт: «Срочно в клинику!» Реакция Розы Александровны была на первых порах резкая: «Что вы надумали, два алкоголика!»

Тогда Рафаэль схитрил, сказав: «Мы только в 1-й Градской возьмём анализы на лейкоциты». В больнице мой товарищ быстро распорядился, что надо проверить, после чего мы, оставив Наталью, вернулись домой.

Утром Роза Александровна договорилась, чтобы дочь отвезли в другую клинику, где Наталью осмотрел академик Савельев¹, с которым Роза Александровна училась в институте в одной группе, а мы с Натальей учились уже у него.

Через некоторое время он сказал, что сделал Наталье срочную операцию. После этого, показав на меня, спросил: «Ты ставил диагноз?» Я ответил: «Нет, мой друг». На что Виктор Сергеевич сказал: «Это врач от Бога!»

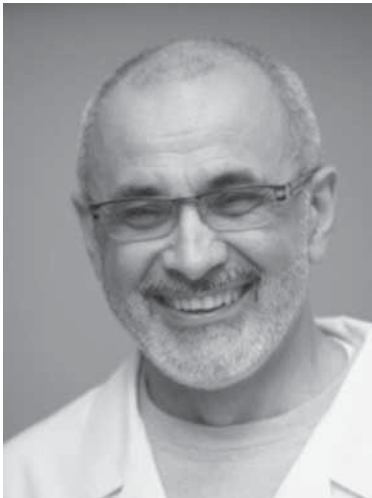
Роза Александровна взволнованно спросила: «Витя, что там случилось?» — и получила ответ: «Открыв живот, я час возился: не мог понять, что

¹ Виктор Сергеевич Савельев — советский и российский хирург, академик Российской академии наук и Российской академии медицинских наук, член Президиума РАМН, заведующий кафедрой факультетской хирургии Российского государственного медицинского университета, доктор медицинских наук, профессор, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР и Государственной премии Российской Федерации.

произошло. Ситуация была тяжелейшая, протянули бы ещё немного — начался бы перитонит и спасти дочь было бы нельзя!»

После этого Роза Александровна стала доверять Рафаэлю всецело. Они обменивались больными, а когда ей самой понадобилась помощь, легла в медцентр, где работал Рафаэль.

Биктимиров Рафаэль Габбасович

Кандидат медицинских наук, заслуженный врач-онколог РФ, заведующий урологическим отделением ФГБУЗ КБ № 119 ФМБА России (г. Химки), доцент кафедры урологии ИППО ФГБУ ГНЦ ФМБЦ им. А. И. Бурназяна ФМБА России

Мы познакомились с Андреем и Натальей ещё в годы учёбы в институте, вскоре познакомился, приходя в гости в их дом, и с Розой Александровной. Впрочем, некоторое время это было просто шапочное знакомство.

Первый раз профессиональный контакт у нас возник, когда она попросила меня принять человека, помогающего ей на даче. До этого его осматривали несколько авторитетных врачей, но ничего, что помогло бы облегчить его болезнь, они предложить не смогли.

Я же обнаружил явные признаки мочевого туберкулёза. Как их не заметили коллеги, удивительно! После этого отправил больного в противотуберкулёзный диспансер в Сокольники. В советское время это было легко, говорили, что любой врач может написать направление хоть на трамвайном билете и пациента с диагнозом «туберкулёз» тут же принимали в больнице соответствующего профиля.

В конце концов этого человека поставили на ноги. После этого Роза Александровна впервые признала меня как специалиста и зауважала.

Но настоящее сближение произошло после случая, чуть было не ставшего трагическим для её семьи.

Я пришёл к ним как-то под вечер, и Андрей меня попросил со словами: «Ты же всё-таки хирург» — осмотреть Наталью, у неё болел живот.

В результате я обнаружил очень серьёзные симптомы, требующие немедленной госпитализации: это были проблемы осложнённого аппендицита с формированием аппендикулярного абсцесса. То есть сложилась ситуация, реально угрожавшая её жизни.

Тогда я Наталье сказал, что надо срочно ехать в больницу, но она прежде захотела посоветоваться с мамой. Я повторил своё мнение и Розе Александровне, но та взяла сразу высокую ноту: «С ума сошёл, посмотри на часы! Какая больница?!» Тогда и я стал отвечать ей жёстко: «Роза Александровна, кричать на меня вы завтра будете, когда её выставят за пределы приёмного отделения. А сейчас надо собираться и ехать в больницу!» Это подействовало на Розу Александровну, она отказалась от своего командирского тона и смирилась.

Следует сказать, что я к тому времени имел уже некий хирургический опыт, и достаточно большие амбиции. К тому же двухлетний опыт работы военно-полевым хирургом в Афганистане научил принимать оперативные решения, имея дефицит информации.

Попытка Розы Александровны сразу подключить больших людей с первого раза не удалась: Савельев оказался в отъезде, а его заместитель профессор Яблоков — на даче. Мобильных телефонов тогда не было... Так что пришлось довериться на первом этапе дежурной службе 1-й Градской больницы.

К тому времени, как Наталью подготовили к операции, Розе Александровне всё-таки удалось найти и Виктора Сергеевича Савельева. Утром он её прооперировал.

Его знаменитая сокурсница эмоционально рассказала, что произошло накануне. Выслушав её, Савельев констатировал: «Роза, хоть ты и профессор, но дура! А парню своему скажи спасибо, он ребёнку твоему жизнь спас!»

С этого времени мы подружились и между нами сложились действительно хорошие отношения. Я периодически приезжал в гости к ребятам и тогда общался с Розой Александровной. Бывало, захватывал с собой детей, и хозяйка проявляла искреннее гостеприимство, общалась с ними, кормила нас пельменями, шутила.

Несмотря на её высокий ранг, Гундорова была, несомненно, «своим» человеком, апломба у неё не было. Во всяком случае, в общении со мной.

Я периодически обращался к ней с просьбами посмотреть каких-то моих родственников, знакомых. Она не делала из этого проблемы. Можно было позвонить ей вечером, в выходные дни... и тут же приехать.

Однажды, когда я строил дачу, металлическая стружка попала в глаз рабочего, прибывшего в Россию из ближнего зарубежья, естественно, не имеющего прописки. После звонка Розе Александровне нас уже ждали в травмпункте Института им. Гельмгольца, как дорогих гостей. Сделано всё необходимое было моментально. И так было всегда.

В Институте им. Гельмгольца прооперировали моего отца, но после этого у него вдруг начались проблемы со зрением. Роза Александровна, осмотрев его, засмеялась и просто сказала: «Сейчас всё будет нормально!» Посадила отца напротив, нацелилась каким-то чудо-инструментом ему в глаз, для того чтобы вроде как посмотреть, после чего нажала на некую то ли педаль, то ли кнопку. Раздался громкий щелчок, и отец прозрел.

Судя по всему, это был какой-то лазерный прибор, устранивший плёнку, возникшую на поверхности роговицы.

Это было подобно чуду! При этом профессор демонстрировала лёгкость, с которой ей это удаётся делать. В этом было мастерство Гундоровой.

Все мои просьбы Роза Александровна выполняла дружелюбно, не пытаясь показать, что это ей доставляет какие-то сложности.

А однажды у нас в больнице произошло нападение на врача со стороны достаточно криминальных людей. Наш коллега сам был в определённой степени виновен в создавшейся ситуации — взял деньги, пообещав, что всё будет с пациентом хорошо, а тот умер. Разбираться приехали чеченцы, которые на первом этапе были настроены вполне конструктивно — они не хотели крови, даже не требовали возврата денег, они хотели только объяснений: почему врач, когда пациенту стало плохо, попросту сбежал, а не попытался его спасти. Они говорили: «Мы не звери, мы хотим объяснения, пусть скажет, если не было надежд на выздоровление, но не скрывается!»

В конце концов они нашего коллегу нашли, он был инвалид по зрению — у него был единственный здоровый глаз. И после той встречи он мог вообще перестать видеть.

В тот день я дежурил. Узнав о произошедшем, позвонил домой Розе Александровне, и она согласилась, не откладывая, посмотреть нашего непутёвого врача. Мы привезли его к ней, и она дала чёткую конкретную программу его лечения. И сделала это, как всегда, бескорыстно и очень дружелюбно.

Тогда же она попросила меня соединить её с окулистом нашей больницы, осматривающим бедолагу. Однако предложение сделать звонок Гундоровой вызвало оторопь у моей коллеги-офтальмолога. Для неё профессор Гундорова, по учебникам которой она училась, была высшим недосыгаемым авторитетом. Тогда я набрал номер Розы Александровны и передал трубку.

После проведённых процедур зрение того горе-врача удалось сохранить.

Таким образом, Роза Александровна стала для меня, да и для многих других людей, джинном из лампы Аладдина. Стоило лампу потерять — и лучшей из возможных волшебников спрашивал: «Что тебе угодно?»

В свою очередь, я оперировал Вилену Александровича и предложил свой несколько рискованный курс дальнейшего его лечения, и Роза Александровна поверила мне, не стала подключать к консультациям своих высокоавторитетных друзей. Мой диагноз был вполне предсказуем и оказался оправданным. Скажу, что я тогда не ошибся.

Следует сказать несколько слов и о муже Розы Александровны — Василии Ивановиче. Он был серьёзным инженером, но страдал типичной российской болезнью, точнее, он от неё не страдал, а гармонично жил с ней. Роза Александровна тепло к нему относилась, но следила за ним, прятала дома весь алкоголь, правда, не блокируя желания мужа полностью, а лишь дозируя их, выдавая горячительное определёнными порциями.

При этом он социального уровня не терял. Конечно, эта привычка Розу Александровну расстраивала, но она воспринимала его поведение с добрым юмором и пониманием.

Заливаясь смехом, Роза Александровна однажды рассказала мне такую историю: она приехала на дачу, было лето, жарко, поэтому она предложила Василию Ивановичу на обед борщ, но тот ответил, что предпочитает поесть её крошки. Ничего странного в этом не было, готовила его жена хорошо, если бы не одно но...

Мужики ели крошку и явно веселели. Оказалось, крошка была на коньяке.

Рассказано это было Розой Александровной со смехом, без всякой злобы.

Но однажды он её всё-таки её разозлил. Произошло это 1 июля, в день рождения зятя Андрея. Мы сидели на веранде, а Василий Иванович, крепко хватив, решил повозиться в машине, что очень любил делать. Будучи талантливым инженером, он постоянно что-то оптимизировал. В этот раз проверяя какую-то очередную рационализацию, он с рёвом выводил машину из гаража и затем с грохотом въезжал на ней обратно. Предчувствуя возможные последствия, Роза Александровна несколько раз кричала мужу: «Вася, прекрати!» Но остановить мужика, когда он занимается любимым делом, было невозможно. В очередной раз загоняя машину в гараж, он ободрал одну её сторону о створ ворот.

Но и тогда никакой женской истерики не было, хотя воспитательные процедуры были проведены. Розе Александровне необходимо было выплеснуть эмоции.

Рассказ будет неполный, если не сказать несколько слов об особом чувстве юмора Розы Александровны. Отмечу только, что даже сугубо мужские анекдоты, которые женщинам даже с брутальным характером не расскажешь, Розе Александровне всё-таки можно было поведать. Несмотря на некую дерзость и солёность анекдота, она понимала его суть и весело смеялась над ним.

Таким образом, наши отношения стали очень близкими. И даже когда я свою жену привёз рожать в роддом им. Г. Л. Грауэрмана на Арбате, то после этого первой, кому я позвонил, была Роза Александровна. И, рассказав о произошедшем событии, получил предложение заехать к ним в гости. В результате у них и остался ночевать, домой в пустую квартиру ехать не хотелось. Жену Светлану я предупредил об этом. Когда же она позвонила мне, успокоил: «Не волнуйся, мне есть где переночевать!»

Когда же Роза Александровна заболела, то позвонила мне, хотя, конечно, имела возможность лечь в любую клинику страны. Тогда она сказала: «Я никуда больше не поеду, возьми меня к себе! И там разбирайся!» Лежала у меня в отделении она дважды. На моих глазах угасала, было видно, как теряет силы по причине возрастных болезней и изменений. У неё возникли проблемы с хождением, появились сильные боли в спине. Мы старались помочь всем, чем могли, но было ясно, что мало что можно сделать...

Уже будучи обездвиженной, она не переставала работать со своими учениками, ей постоянно звонили аспиранты. Директор института дал ей возможность работать дистанционно дома.

Бокерия Лео Антонович

Советский и российский врач-кардиохирург, изобретатель, организатор медицинской науки, профессор, академик РАН и РАМН, член Президиума РАМН (до 2013 года). Главный внештатный специалист, сердечно-сосудистый хирург Минздрава России. Директор НМИЦ ССХ им. А. Н. Бакулева Минздрава России (1994–2019), президент НМИЦ ССХ им. А. Н. Бакулева с 25 ноября 2019 года. Президент Общероссийской общественной организации «Лига здоровья нации». Заместитель секретаря Общественной палаты Российской Федерации

О Розе Александровне я узнал значительно раньше нашей первой с ней встречи. У меня был близкий друг, который у неё лечился. Мы с ним часто встречались то в бане, то в другой неформальной обстановке, и он мне неоднократно воодушевлённо говорил о великольном хирурге по фамилии Гундорова, которая регулярно восстанавливала его зрение.

Через некоторое время моя племянница Ольга Кваша, окончив институт, распределилась на работу в Институт Гельмгольца и попала в отдел к Розе

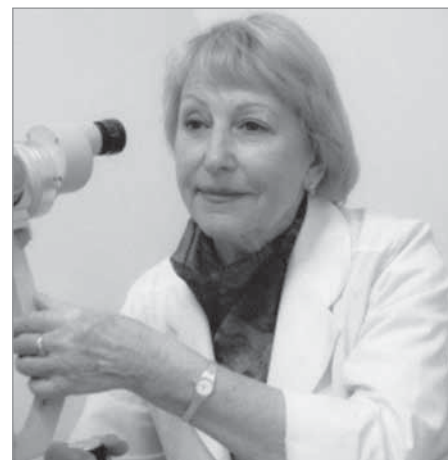
Александровне, и я стал слушать об уникальном враче ещё чаще. После этого мне стало особенно интересно познакомиться с коллегой.

И однажды Роза Александровна пригласила нас к себе домой. Так мы с моей женой Ольгой Александровной познакомились с чудесной семьёй Гундоровых, подружились с её мужем — замечательным Василием Ивановичем, прекрасным художником, кстати говоря. Сама Роза Александровна оказалась добрым и открытым человеком. И вот бывает так, что с первых встреч мы почувствовали родство душ и стали как родные. И хотя в дальнейшем встречались мы не часто — всё-таки загрузка и Розы Александровны, и моя были огромными, мы оба трудоголики, потому что любим свою работу, — но отношения наши оставались очень тёплыми и доверительными, а любая новая встреча приносила нам искреннюю радость.

При этом мы никогда не говорили на профессиональные темы. Среди моих коллег это вообще не практикуется. Всё, что нам нужно, мы узнаём из докладов на конференциях или из публикаций в специальной литературе.

Воспоминая Розу Александровну, ещё отмечу, что запомнилось, как она прекрасно рассказывала анекдоты и любила это делать. У неё было природённое чувство юмора, причём специфическое, мужское.

Вериго Елена Николаевна

Доктор медицинских наук, профессор, заслуженный врач РФ, врач высшей категории

Моё знакомство с Розой Александровной произошло в сентябре 1968 года, когда я была зачислена в клиническую ординатуру при МНИИ глазных болезней им Гельмгольца. Продолжалось наше знакомство всю мою сознатель-

ную, творческую, научную, хирургическую и повседневную жизнь, рядом с ней я провела много десятилетий.

С первых дней нашего общения я была поражена личностью этой выдающейся женщины, которая обладала мощными способностями лидера, учёного, блестящего хирурга, выполняющего все оперативные вмешательства на глазном яблоке и орбите с лёгкостью, быстротой и отточенностью движений, свойственными только настоящим хирургам. Они сочетались с профессиональными техническими навыками и чётким построением плана проведения всех этапов операции.

Роза Александровна стала для меня примером во всём, и я старалась быть достойной учителя при выполнении своих обязанностей. Глядя на её работу, с первого курса ординатуры я старалась присутствовать на всех операциях, обходах, обсуждениях тактики ведения и лечения больных, посещала все конференции, очень много читала. Со второго курса ординатуры начала дежурить с врачом, дежурным по институту (тогда был один дежурный). Помню, как Роза Александровна привела меня в перевязочное отделение (оно тогда называлось — мужское), представила медсёстрам, которые были у неё акуратными, даже, можно сказать, вышколенными, с большим опытом работы, и сказала: «Это наш новый доктор, прошу любить и жаловать» (я на то время была у неё последним ординатором). С этого момента началась сложная, ответственная, творческая лечебная работа, с выполнением хирургических операций, которые я постепенно осваивала, вначале как ассистент Розы Александровны, а после того, как она оказала мне доверие, самостоятельно. Не знаю, откуда у неё возникало ощущение и чутьё, что её ученик уже может всё сделать правильно и точно. Наверное, это качество настоящего лидера — доверять своим сотрудникам и позволять им претворять свои планы, высказывать собственное мнение, идеи, развивать новые направления в науке и практике, т. е. реализовывать свои творческие возможности. Именно этим она руководствовалась, когда принимала на работу новых сотрудников, после окончания ординатуры, аспирантуры стремившихся попасть в созданный ею уникальный отдел, чтобы иметь возможность развивать различные направления офтальмотравматологии.

Роза Александровна учила нас быть ответственными за судьбу каждого пациента и при возникновении осложнений искать причину не только в сложности его патологии, ситуационных совпадениях, но и в правильности выбора тактики ведения операции, профилактики, прогнозирования развития осложнений. В результате отдел травматологии, реконструктивной пластической хирургии и глазного протезирования стал лидирующим не только на территории Советского Союза, но и за рубежом нашей страны — работающие там ученики до конца своей жизни будут любить и уважать своего профессора.

Мы начинали, когда в отделе было только восемь врачей и научных сотрудников, ещё трудно было стоя оперировать, имея небольшой набор инструментов и шовного материала. Мы, например, тогда использовали специально обработанные расщеплённые крысиные хвосты для герметизации оболочек глаза.

Но вот в начале 1970-х годов появилась новая микрохирургическая техника, аппаратура, шовные материалы, вискоэластики и современные для того времени технологии, благодаря которым офтальмология стала бурно развиваться.

При всём многообразии функций, выполняемых каждым руководителем отделения, Роза Александровна успевала с каждым сотрудником обсудить все рабочие моменты, посоветовать, как поступить в трудных жизненных ситуациях, помочь в решении сложных бытовых проблем. Она досконально знала, что нас тревожит. Мы же в свою очередь полностью доверяли ей и чувствовали себя на рабочем месте уверенно, так как знали: своим «гундоровцам» она всегда поможет и, когда будет нужно, защитит.

Благодаря огромной жизненной энергии, опыту, интеллекту, эрудиции Роза Александровна создавала в отделе атмосферу доброжелательности, взаимопомощи и выручки, а вот гордыню, зависть, наушничество она пресекала резко и беспощадно.

Её общение с больными, персоналом отличалось простотой, уважением, хотя при необходимости она могла быть жёсткой и непреклонной, все знали её девиз: «Использовать надо не только пряник, но иногда и кнут». Будучи профессором со множеством регалий, она всегда первой здоровалась с сотрудниками института независимо от их ранга, находила добрые слова в общении с ними, а чувство юмора, которым она, безусловно, обладала, иногда помогало ей достойно выходить из сложных ситуаций.

Роза Александровна дала путёвку в офтальмологическую жизнь очень многим своим ученикам — была руководителем более 200 кандидатских и 20 докторских диссертаций, кроме того оппонентом многих работ. И вот на одном из Российских общенациональных офтальмологических форумов (РООФ) при общении с врачами, профессорами, научными сотрудниками, работающими на территории РСФСР, была высказана мысль о проведении конференции, специально посвящённой профессору Р.А. Гундоровой, чтобы обобщить огромное наследие, оставленное этим замечательным учёным и человеком.

В заключение хотелось бы сказать, что такие личности, как Роза Александровна, появляются крайне редко, и я горда тем, что в течение многих лет была с ней рядом, испытывая радость общения, возможность получения знаний, которыми мой учитель щедро и бескорыстно делилась с окружающими её людьми, заряжая их своей энергетикой и оптимизмом.

Гафурова Лариса Гафуровна

Главный врач Республиканской офтальмологической больницы Республики Дагестан, доктор медицинских наук. Врач высшей категории, «Заслуженный врач РД», «Отличник здравоохранения РФ»

О Великом учителе — Розе Александровне

Прошло почти пять лет, как не стало Розы Александровны. Казалось, уже надо привыкнуть к мысли, что её нет. Но разум отказывается это принять. Когда я о ней думаю, передо мной всегда встаёт образ смеющейся, жизнерадостной и в то же время строгой, бескомпромиссной и требовательной Розы Александровны. Строго она спрашивала с нас наше отношение к своей работе. Ужасно не любила лентяев и необязательных людей. Сама она была очень организованным человеком. Приходила на работу очень рано и до начала рабочего дня успевала сделать очень многое: осмотреть всех больных, находящихся в отделении, составить план работы на день, подготовить задание для каждого из нас, аспирантов. В течение дня к ней трудно было пробиться в кабинет, потому что потоком к ней шли больные и коллеги на консультацию, за советом. Но в конце рабочего дня она успевала каждого из нас аспирантов выслушать, подсказать пути решения нашей научной проблемы. И так каждый день. Оглядываясь назад, на прошедшие годы, понимаю, что мне очень повезло, судьба сделала мне большой подарок в лице моего учителя Розы Александровны. Она научила меня самокритичности, работать над любым заданием не жалея себя, полностью отдавая себя ему. В ходе рецензирования моей диссертации Роза Александровна не раз критиковала отдельные слабые места, которые мне не казались таковыми. Я очень расстраивалась и внутренне даже обижалась на неё, но проходило какое-то время, и я понимала, что Роза Александровна права, тысячу раз права, и корила себя за то, что в душе

несправедливо обижалась на неё. Роза Александровна заставляла нас, всех аспирантов, доводить нашу научную работу до совершенства, и только тогда допускала нас к официальной защите диссертации. Мы знали, что если она даёт нам добро на защиту, то она пройдёт блестяще и ей не придётся краснеть за нас. Ей вообще несвойственно было делать что-либо спустя рукава.

Очень трудно писать о любимом учителе, кажется, нет таких слов, которые могли бы полностью передать его огромный талант, величие души, бесконечную любовь к своей профессии. Каждому из нас, своих учеников, Роза Александровна отдала частичку своей души и своего сердца. И это не забывается. И для меня она навсегда останется великим, мудрым и любимым человеком и учителем.

Гурмизов Евгений Петрович

Главный врач отделения клиники «Экзимер», врач высшей категории, кандидат медицинских наук. Член Европейского общества катарактальных и рефракционных хирургов, лауреат Международного общества глазной травмы (ISOT)

С Розой Александровной Гундоровой я познакомился в 2001 году, когда учился в ординатуре Института Гельмгольца.

Отдел, который возглавляла Роза Александровна, по моим понятиям, был в институте самым весомым. Всем ученикам профессора Гундоровой хотелось постоянно совершенствоваться, вот и у меня было огромное же-

ление заниматься дополнительно факультативно, участвовать в консультациях, присутствовать при операциях, проводимых более опытными коллегами, дежурить в отделении экстренной и неотложной помощи (ОЭМП), слушать, как обсуждаются профессиональные вопросы на пятиминутках. Увы, делать это не всегда удавалось, так как количество таких же желающих в отделе было много. У Розы Александровны все стремились получать дополнительные знания.

Тем не менее я решил попытаться найти место под солнцем и однажды набрался смелости и в тот момент, когда секретаря не было на месте, вошёл в кабинет к профессору,

В кабинете находилось ещё несколько сотрудников, даже не обративших на меня внимания. Я думаю, что если бы пролетела муха, то эффекта от её присутствия было бы больше.

Но Роза Александровна, увидев меня, спросила: «Тебе чего?»

Я поздоровался и объяснил, что являюсь ординатором первого года и сейчас прохожу обучение в другом отделении, но хотел бы в дополнительное время обучаться в отделе травмы. Выслушав мой монолог, Роза Александровна посмотрела на меня, просканировав, как рентгеном, потом улыбнулась и коротко сказала: «Ну хорошо».

Если честно, то я и не надеялся на такой исход. Но мне тогда очень понравилось такое отношение заслуженного профессора к молодому специалисту, как к равному.

В дальнейшем все мои определяющие профессиональную судьбу решения и события напрямую или косвенно были связаны с Розой Александровной. Она помогала советом, как поступить в той или иной ситуации, к кому обратиться, чтобы добиться чего-то. И, естественно, когда пришло время выбирать научного руководителя по кандидатской диссертации, у меня не было сомнений.

Когда Роза Александровна по состоянию здоровья не могла уже работать в полную силу, я, честно говоря, переживал за неё, понимая, что ей, всю жизнь упорно работавшей, трудно будет справиться с этим испытанием. Любимая работа и коллектив были для неё всем. Помню, я с опаской позвонил ей в тот момент, но, к своему удивлению и радости, услышал бодрый жизнерадостный голос. Она не давала себе унывать даже в такой непростой ситуации.

В одном из наших последних разговоров я извинился перед Розой Александровной, что у меня так редко получается звонить ей, но тут же реабилитировал себя, сказав: «Зато вспоминаю вас часто добрым словом». На что она мне ответила: «Да, это главное, к этому нужно стремиться всю жизнь!»

Иванова Валентина Фёдоровна

Доцент кафедры глазных болезней Белорусского государственного медицинского университета, врач высшей категории, кандидат медицинских наук. Входит в совет редакторов журналов по офтальмологии в Беларуси и педиатрической офтальмологии в России. Член БНОО. Отмечена почётным знаком «Отличник здравоохранения РБ»

В августе 1981 года я пришла к руководителю нашей аспирантуры профессору А. И. Тартаковской, которая направила меня к руководителю отдела травматологии, реконструктивной хирургии и глазного протезирования профессору Розе Александровне Гундоровой.

Помню, как я впервые вошла в кабинет на втором этаже хирургического корпуса и увидела сидящую за столом красивую светловолосую жизнерадостную женщину. Роза Александровна доброжелательно поговорила со мной, спросила, сколько лет работаю окулистом, чем занимаюсь, что меня больше всего интересует, и сказала, что после успешной сдачи экзамена возьмёт меня к себе в заочную аспирантуру. Уже 1 октября началась моя работа, которая продолжалась 4 года. Тогда же Роза Александровна дала мне для разработки интересную тему — «Хирургическая коррекция деформирующих рубцов роговицы и склеры как метод профилактики и лечения посттравматической субатрофии глазного яблока».

Я тогда приехала только на 10 дней, очень стеснялась, но когда побывала в операционной и посмотрела на виртуозную хирургическую технику своего нового научного руководителя и всех сотрудников отдела, то мне очень захотелось остаться. Роза Александровна познакомила меня со своими сотрудниками — Галиной Георгиевной Бордюговой, которая стала опекать меня, делать

кератопластику меня научил Александр Васильевич Бойко, и эта операция с тех пор стала моей любимой.

Затем ежегодно на месяц и порой чаще я приезжала в отдел травматологии. Роза Александровна интересовалась, как движется моя работа, когда у меня появлялись вопросы, возникали проблемы, а это происходило довольно часто, Роза Александровна всегда шла на помощь. Она тогда же отвела меня в отдел контактной коррекции зрения к профессору Анатолию Александровичу Киваеву, где мы делали фотокератометрию и рассчитывали фотокератограммы. В отделе патологической анатомии и гистологии глаза с помощью Любови Валериановны Илатовской и под руководством профессора Инны Петровны Хорошиловой-Масловой проводили гистологические исследования. Роза Александровна всегда говорила, что гистология — это очень трудная область медицины, и всегда интересовалась получаемыми мною результатами.

Таким образом, четыре года пролетели незаметно и стали, пожалуй, самыми счастливыми годами моей жизни. Я пришла очень неуверенной в себе девушкой, и Роза Александровна старалась вселить в меня уверенность и, как я сейчас понимаю, защитить.

В день защиты диссертации 18 декабря 1985 года самый последний отзыв на мою работу пришёл от заведующей кафедрой глазных болезней Минского государственного медицинского института профессора Татьяны Васильевны Бирич, руководителя глазного отделения 3-й Клинической больницы города Минска, в котором я работала. Я передала его Розе Александровне перед защитой, и, прежде чем начать читать, она сказала, что как тут всё написано, так всё и будет. А прочитав, спросила: «Как ты относишься к Татьяне Васильевне Бирич?» И я ответила, что очень её люблю. Роза Александровна улыбнулась и сказала: «Считай, что ты уже защитилась!»

После защиты, которая прошла успешно, Роза Александровна предложила мне сохранить доклад, сделанный на защите, и прочитать его через много лет, чтобы посмотреть, что за это время произойдёт. Лет через 15, разбирая старые бумаги, я действительно нашла его и поразились, какой он был по-детски понятный, — и у меня защемило сердце от чувства благодарности к Институту Гельмгольца и от ностальгии по тем годам.

Потом я приезжала в Институт им. Гельмгольца на различные конференции. На одной из них показывала слайды с фотографиями глаза молодого мужчины до и после операции. У него было бельмо роговицы, спаянное с конгломератом разрушенных тканей, и субатрофия глазного яблока. Была произведена реконструктивная кератопластика, роговичный трансплантат прижился прозрачно, и больной с очковой коррекцией начал видеть восемь строчек на таблице для проверки остроты зрения. После выступления Роза Александровна сказала мне, что когда увидела этот глаз до операции, то по-

думала, что с ним ничего нельзя сделать, а после операции, увидев восстановленный глаз, улыбнулась и приободрила меня: «Даже за одну эту операцию тебе полагается звание кандидата медицинских наук!»

Р.А. Гундорова делала самые сложные операции, виртуозно, тщательно оперировала, никогда не брала рукой иглу, и, казалось, всё это делала легко, как бы вязала. А ещё она очень любила людей, помогала многим, была очень мужественной, никогда не жаловалась. Когда Роза Александровна заболела, видно было, что ей очень тяжело, так как этой активной, деятельной женщине пришлось полностью поменять образ жизни.

Я часто звонила ей из Минска, спрашивала, как лучше помочь тому или иному тяжёлому больному. И Роза Александровна всегда говорила, что нельзя консультировать, не видя больного, но тем не менее советом помогала всегда. В частности, у нас есть мальчик с тяжёлой врождённой патологией — расщелиной лица. После очередного моего обращения к ней, она сказала, что этому ребёнку может помочь только её любимый ученик Михаил Германович Катаев. В результате он стал поэтапно оперировать этого ребёнка, и он становился лучше и лучше, смог пойти в школу.

Сегодня Розы Александровны нет с нами, но продолжает работать созданный ею отдел травматологии, оперируют и лечат её ученики, вернулись к жизни множество людей, которым она помогала.

Человек живёт до тех пор, пока о нём помнят. А я бесконечно благодарна Розе Александровне Гундоровой за то, что она была, за время, которое мне посчастливилось провести с этой неповторимой личностью.

Кашников Владимир Васильевич

Главный врач офтальмологической клиники «Эксимер» города Новосибирска, доктор медицинских наук, академик РАЕН и РАМН, врач высшей квалификационной категории, заслуженный врач Российской Федерации

С Розой Александровной я познакомился весной 1981 года. Сотрудники отдела травмы Московского НИИ глазных болезней им. Гельмгольца В.П. Быков, И.Б. Брикман и Е.Н. Вериго на базе Новосибирской областной клини-

ческой больницы проводили двухнедельный выездной цикл лекций. От них я узнал, что при желании можно заняться научной работой в Новосибирске, получив тему у профессора Р. А. Гундоровой.

В феврале 1985 года, приехав в Москву на цикл усовершенствования по микрохирургии глаза, я набрался смелости и пришёл к Розе Александровне, заявив, что хочу заниматься наукой. В тот момент я второй год обучался в клинической ординатуре на кафедре офтальмологии Новокузнецкого института усовершенствования врачей.

Результатом той встречи стало не только получение научной темы, но и возможность поступления в заочную аспирантуру в Московский НИИ глазных болезней им. Гельмгольца.

Так началась наша большая дружба и плодотворное сотрудничество, результатами которых стали защита в 1991 году кандидатской диссертации, в 2001 году — докторской диссертации и подготовка целого ряда научных статей и шести монографий.

Но, пожалуй, самый выдающийся наш совместный труд — это «Клинический атлас травмы глаза», вышедший в 2005 году. Это первый подобный атлас, включающий все виды травм. В нём, в частности, представлены изменения глаза и орбиты при проникающих ранениях, контузиях и ожогах, освещены вопросы неинвазивных лазерных методов лечения изменений переднего отрезка глаза, стекловидного тела и глазного дна, вопросы пластической хирургии посттравматических изменений придаточного аппарата и глазного яблока. В атласе собрано более 520 оригинальных фотографий, сделанных докторами медицинских наук, профессорами Р. А. Гундоровой, В. В. Нероевым, П. В. Макаровым, О. Г. Оганесяном, М. Г. Катаевым, Н. П. Паштаевым, докторами медицинских наук В. В. Кашниковым и А. Н. Ивановым, к. м. н. Т. В. Шелковниковой и доктором Е. Г. Бадажковым.

С особой теплотой я вспоминаю и совместную с Розой Александровной работу по переизданию монографии «Травмы глаза», вышедшей ещё в 1986 году. В 2008 году Роза Александровна решила переработать и существенно дополнить этот труд, для чего привлекла сотрудников своего отдела. А редактировать и готовить материал к изданию было поручено мне. Практически все активно включились в работу, но часть «сотрудничков», как любила говорить в таких случаях профессор Р. А. Гундорова, долго тянули с подачей материала. И тогда должники были собраны в кабинете шефа и не вышли из него, пока не сдали необходимый материал!

Монография «Травмы глаза» вышла в 2009 году и пользовалась большим спросом у врачей-офтальмологов, поэтому в 2011 году был выпущен её дополнительный тираж.

В последние годы своей жизни Роза Александровна подвела своеобразный итог своей 60-летней научной деятельности, издав две монографии: в 2014 году «Историю научных исследований по диагностике, хирургическому и медикаментозному лечению патологии роговицы», а в 2015 году — «Историю научных исследований по диагностике, хирургическим и лазерным методам лечения больных с внутриглазными инородными телами». В этих работах была отражена научная работа сотрудников отдела травмы ФГБУ «МНИИ глазных болезней им. Гельмгольца», практически всех учеников профессора Р. А. Гундоровой.

А ещё мне очень приятно вспоминать, что Роза Александровна называла меня «мой любимый Кашников», но наивысшей оценкой были слова, сказанные мне в последний год её жизни: «Володя, ты для меня самый близкий и настоящий друг!» Мне кажется, что это лучшая оценка, которую может дать учитель своему ученику!

В 2016 году вышла последняя наша совместная работа «Постконтузионный гипотонический синдром в офтальмологии». Очень жаль, что это светлое время общения с Учителем закончилось...

Кваша Ольга Ивановна

Профессор кафедры офтальмологии факультета последипломного образования МГМСУ, доктор медицинских наук, врач высшей категории

Розу Александровну очень многие мои коллеги могут назвать без преувеличения учителем. Более того, я бы назвала её нашей общей мамой. Даже 60-летние специалисты у неё в отделе чувствовали себя её детьми.

В Институт Гельмгольца я попала сразу после окончания учёбы. Начала в Отделе экстренной неотложной помощи и мечтала стать офтальмотравматологом. Во время одного из моих первых дежурств к нам пришёл для

проведения консультации доктор, которого я ещё не знала, поэтому тихонько у медсестры спросила: «Как фамилия этого доктора?» Услышав мой вопрос, пришедший врач начал меня громко прилюдно отчитывать за то, что я не знаю институтскую профессию. Конечно, меня это очень огорчило. Однако во время следующего дежурства, вечером, к нам в кабинет заглянула Роза Александровна, которую, конечно, все знали, а я ею просто восхищалась, и представилась: «Здравствуйте, извините, пожалуйста, я профессор Гундорова». Меня тогда поразило её появление, столь контрастирующее со встречей с её строгим коллегой.

Я ответила: «Роза Александровна, вас, конечно, все знают! И я знаю!» После такого знакомства Роза Александровна сказала, что через два дня будет проходить конференция, и попросила нас передать направления в гостиницу приезжавшим ночью в Москву гостям.

О случае с пафосным профессором я Розе Александровне не рассказывала — она была прямым человеком и быстро бы поставила на место этого излишне думающего о себе коллеге.

Вскоре мой муж, окончивший Институт инженеров транспорта, был распределён на работу на БАМ. Я, естественно, отправилась за ним. Все шесть лет, что мы там пробыли, я мечтала заняться офтальмотравматологией, поэтому, как только мы вернулись в 1989 году в Москву, я примчалась к Розе Александровне и рассказала ей о своей мечте. К моему сожалению, свободных ставок в отделе Гундоровой Р.А. не оказалось. Мне было предложено устроиться в Институт Гельмгольца на любое свободное место и ждать, когда появится возможность для перехода.

Я стала работать в поликлинике НИИ ГБ. Продолжалось это недолго. Однажды к нам на консультацию пришла Роза Александровна и нашей заведующей сказала: «Значит так, Маша! Она будет принимать травматологических пациентов. Смотри, не обижай её!»

Так я стала специализироваться в избранном мной направлении.

Через какое-то время, произошло это в 1991 году, освободилась ставка научного сотрудника в отделении Гундоровой. При этом Роза Александровна предупредила, что зарплата у меня уменьшится, так как я перейду на научную ставку. Счастливая, я готова была на всё. Началась моё обучение у Александра Васильевича Бойко, под неусыпным приглядом учителя настоящей хирургии, нашего руководителя

Внимание Розы Александровны, конечно, распространялось не только на меня, она всех своих учеников сделала теми, кем они стали. Естественно, очень много при этом зависело от нас самих. Кроме развития профессиональных качеств, она воспитывала нас — в частности, несмотря на все наши достижения, быть скромными, незаносчивыми людьми, всегда действовать в интересах пациента. Если потребуется, консультироваться со своими коллегами.

Учителем она была с позиции отношения к пациенту очень строгим и требовательным. Она призывала нас больше общаться, разговаривать с больным. Больше объяснять ему, что мы предполагаем делать и как ему себя вести до и после операции. А ещё в повседневном режиме Роза Александровна контролировала наши знания. Убедившись, что ученик достиг некоего уровня, вошёл «в профессию», она ставила ему серьёзные задачи, и исполнение их должно было быть самого высокого качества.

После прохождения этого испытания ты мог уже самостоятельно располагать своим временем.

В отделе было около 25 сотрудников, половина из них доктора медицинских наук. Роза Александровна гордилась тем, что из её отдела вышло докторов больше, чем из любого другого подразделения Научно-исследовательского института им. Гельмгольца.

За всё время нашей совместной работы она находила ко всем индивидуальный подход и никого не уволила. Она понимала, что все имеют свой характер, и не пыталась его переделать. Более того, Роза Александровна любила называть нас всех гениальными.

Особенно жёстко контролировала Гундорова, чтобы не возникало конфликтов в коллективе. Если между кем-то возникал излишне горячий спор, Роза Александровна профилактически наказывала обоих, без глубоких разбирательств, кто прав, кто виноват. В результате наш отдел был самым дружным, живущим по мушкетёрскому принципу: «Один за всех, все за одного!» В этом, конечно, в первую очередь, была её заслуга.

Как заботливая мама, прикрывала нас Роза Александровна и от всех внешних нападков — будь это институтское начальство или приходящие комиссии. Мы делились с ней всеми секретами, она знала о возникавших у нас сложностях. И производственных, и личных. И наш учитель делала всё, что было в её силах, чтобы поддержать нас. Каждый сотрудник отдела сможет вспомнить случай, как она ему когда-то помогла. В то же время наказывала, если была необходимость, нас строго, порой в операционную не допускала за какой-то промах.

Не было у Р.А. Гундоровой привычки и желания приписать себе то или иное достижение. Даже если её доля участия в деле максимальная. Если выполнялась какая-то важная работа, Роза Александровна отмечала роль в этом всех мало-мальски участвующих. Она всегда внушала нам: «Всё что сделано — это наше общее достояние, сделано совместно». Более того, наказывала, если, не обладая необходимыми знаниями, кто-то пытался что-то сделать самостоятельно, не обратившись за помощью к старшему товарищу. Во всех разработках отдела участвовали всегда несколько человек, под руководством нашего учителя. При этом неважно было, кто первый высказал рабочую идею.

Ежегодно 21 июля, в день рождения дочки Наташи, Роза Александровна собирала сотрудников отдела у себя на даче. Наши предложения привезти с собой что-то из еды твёрдо пресекались. Даже когда ей это было уже непросто делать, она всё готовила сама. Особенно любила делать фирменный луковый салат, винегрет. Зная, что мы любим щавелевый суп, всегда выставляла на стол огромную кастрюлю с ним. Чтобы всем хватило. То, что не съедалось, раздавалось по домам, приносилось на следующий день на работу.

Эти посиделки всегда были очень праздничными и весёлыми, роль в этом Розы Александровны была главной. Эти встречи не прерывались, даже когда не стало Наташи...

Мы любили праздновать и дни рождения Розы Александровны, правда она не любила помпезности и излишнего внимания к себе. Поэтому мы старались готовиться к празднику втайне от неё. На её круглые даты придумывали всякие театральные представления. Нашего учителя мы сажали на сцене в кресле. Сделать это было нелегко: Роза Александровна из-за природной скромности сопротивлялась нашим попыткам оказать ей такое внимание. Но, когда представление начиналось, она, обладая природным чувством юмора и даром импровизации, не могла сдержаться и включалась в действие. Создавалось даже ощущение, что она готовилась и репетировала вместе с нами.

В канун общесоюзных праздников секретарь обзванивала нас и оглашала приказ руководства: срочно спуститься в секретариат, где нас ждала Роза Александровна, на столе стояли бутылка шампанского, конфеты. Наш профессор приглашала отметить праздник вместе. Длилась такая встреча недолго, но проходила весело, с шутками и также сплывала коллектив. Роза Александровна считала такую процедуру обязательной и очень важной, поэтому руководила ею сама, не доверяя организацию никому другому.

В отделе постоянно стажировались специалисты из других республик СССР и из других стран. У меня лично были ученики из Чечни, Дагестана, Азербайджана, Армении и даже из Албании и Туниса. А что говорить об учениках, руководителем работ которых была Роза Александровна! Ведь мы были ведущими только небольшой их части.

Необходимо дополнить рассказ признанием, что наш учитель была хулиганкой (это она сама себя так называла). В общении она была очень простой, ей был чужд всякий пафос, нельзя было даже представить, чтобы она пыталась подчеркнуть свой профессорский статус. Во время праздников любила исполнить цыганочку с выходом, а за ней сразу выходили её сотрудники. Это было потрясающе красиво!

Когда выяснялось, что пациенту предстоит удалить глаз, Роза Александровна всякий раз плакала вместе с ним. Мы не переставали удивляться, как можно столько проработать, увидеть много человеческого горя и сохранить

в такой мере сочувствие к чужому горю. Привыкание к нему у нашего учителя не произошло.

Это чувство она сумела привить и у своих учеников: мне, например, хочется дать надежду каждому своему пациенту, особенно тяжёлому. Мы живём тем, что передала нам Роза Александровна.

Я уже отмечала прямо у Р.А. Гундоровой, она, видя какую-то несправедливость, могла прилюдно поставить виновного на место, несмотря на его должность. Поэтому в институте её многие боялись и завидовали нам — «гундоровцам». А мы всегда были горды тем, что работаем в отделе травм органа зрения!

Роза Александровна очень гордилась тем, что большинство её учеников занимают руководящие должности в Институте: Нероев В.В., Орлова Е.Н., Филатова И.А., Ченцова Е.В. и за пределами Института: Катаев М.Г.

Многолетняя дружба связывала Розу Александровну с Лео Антоновичем Бокерия.

Красовская Екатерина Юрьевна

Детский хирург приёмного отделения ГБУЗ «ДГКБ им. Н.Ф. Филатова ДЗМ». Врач высшей категории

Мама Розы Александровны — Надежда Ивановна — родная сестра моего деда Сергея, профессионального военного, пропавшего без вести в 1941 году. Погибли, кроме того, ещё два брата Красовских — Александр и Сергей.

Отец Розы Александровны — Александр Семёнович — пытался найти какие-то сведения о моём деде, но не сумел.

Папу, который приходился двоюродным братом Розы Александровны, Гундоровы помогли устроить в Суворовское училище в Саратове. Затем

он поступил в Московское высшее общевойсковое командное училище им. Верховного Совета РСФСР, но вскоре заболел и был комиссован, поэтому поступил в Мединститут. Там он встретил маму, с которой они вместе учились.

В эвакуации в Челябинске Гундоровы и Красовские были вместе. Сёстры мамы Розы Александровны, мама моего папы Антонина, все жили в одной комнате. Кровати стояли в ряд. Папа был младше Розы Александровны, но он очень интересовался происходящим на фронтах, постоянно слушал сводки Совинформбюро с дядей Колей, мужем одной из тётюшек, после чего делился информацией со старшими родственниками.

Наши семьи ещё тогда очень сблизились, и уже в мирное время мои родители практически все праздники проводили вместе с Гундоровыми. По детским воспоминаниям, это были шумные встречи, и тон в них задавали Роза Александровна и мой папа. Причём, у Розы Александровны было удивительное свойство — её всегда было много, она заполняла собой всё пространство. Мне запомнилось, что из комнаты взрослых слышался непрерывающийся хохот.

Папа часто бывал у Гундоровых и вне праздников, он дружил с Василием Ивановичем. Они, в частности, вместе ходили за грибами.

На встречи к Гундоровым периодически брали меня. Началось это, ещё когда они жили на улице Фурманова (ныне Нащокинский переулок). На меня эти встречи производили сильное впечатление, в таких больших квартирах мне тогда не приходилось бывать. У моей сестры Наташи была своя комната, вести хозяйство помогала домработница тётя Лида.

Впрочем, на нас с Наташей взрослые особого внимания не обращали, и мы были заняты собой. Тем более что у моей сестры всегда было много новых игрушек, а тётя Роза был хлебосольной.

Реже мы бывали у Гундоровых на даче.

Поступили в институт мы с Наташей почти одновременно, правда, она училась на лечебном факультете на курс старше меня, а я на педиатрическом. Чуть ли не в один день мы вышли замуж. После этого у каждого появилось много своих дел, и мы какое-то время стали встречаться реже. Но мир медицинский тесен, и как-то через своих знакомых в Институте Гельмгольца я решила узнать, как живёт Роза Александровна. Тогда мне и сказали о трагической истории с Наташей и братом Павликом.

Павел Виленович, став военным, служил на подводной лодке на Дальнем Востоке, заболел, комиссовался, его прооперировали, но спасти его не удалось, вскоре он умер.

После этого я стала с Розой Александровной общаться чаще.

Она очень самостоятельный человек, но мне было важно, чтобы Роза Александровна чувствовала, что рядом с ней есть родные люди. У нас была

договорённость, что я периодически приезжаю и готовлю что-то из её любимых блюд. Тем самым она понимала, что не одна.

А любила она рыбу под маринадом. И хотя её можно было купить в кулинариях, сделанную мной она предпочитала покупной. Вплоть до того, что, когда я приезжала к ней на день рождения, она не выставляла привезённую мной домашнюю рыбу на общий стол — это было её персональное блюдо.

Роза Александровна была трудоголиком и не использовала свои отпуска полностью. Лишь две недели в году в последнее время она проводила в понравившемся ей санатории в Италии.

Особых интересов помимо работы у неё не было. Сад, огород — это точно не про Розу Александровну.

А вот Василий Иванович постоянно стремился к творческому самовыражению — рисовал, музицировал, даже пытался писать какие-то детективы, но они вызывали только добрую усмешку близких.

Роза Александровна была удивительной женщиной, она могла быть порой очень жёсткой и даже использовать, когда это было необходимо, и ненормативную лексику.

Но самое главное, что она искренне любила людей, билась за каждого пациента, ученика, сотрудника. И скольким людям она просто спасла зрение! А значит, не дала сломать жизнь!

Милицкий Сергей Владимирович

Военнослужащий Советской и Российской армии, Управления «А» Центра специального назначения ФСБ России, Оперативно-разыскного управления СЗКСиБТ ФСБ России, один из шести человек в Российской Федерации и один из двух в ФСБ России кавалер четырёх орденов Мужества, полковник. С 2012 года является членом Федерального политического комитета партии «Гражданская платформа». Прошёл боевой путь от лейтенанта до полковника

В подразделение по борьбе с терроризмом — группу «А», известную теперь как «Альфа», — я попал в 1992 году, после срочной службы в десанте и окончания Московского высшего общевойскового командного училища

имени Верховного Совета РФ. Сейчас это Управление «А» Центра специального назначения ФСБ России.

Много чего пришлось испытать тогда. В октябре 1993 года во время событий у здания Верховного Совета РФ (Белого дома) я входил в состав группы офицеров «Альфы», предложившей находившимся в здании людям сдаться, что помогло избежать значительных человеческих жертв среди населения.

В 1994 году во время осетино-ингушского конфликта принимал участие в охране представителя Президента Российской Федерации на территории этого региона. Перед первой Чеченской кампанией обеспечивал безопасность переговоров министра обороны РФ генерала армии П. С. Грачёва с главой Чеченской Республики Ичкерия Д. Дудаевым.

Принимал участие во многих других специальных операциях в период первой и второй чеченских кампаний и операциях по освобождению заложников.

За четыре года службы в «Альфе» мне приходилось участвовать в разных интересных мероприятиях, но в настоящем бою я не принимал участия. И вот 14 июня 1995 года произошли трагические события в Будённовске.

В тот день мы готовились ехать на шашлык, даже мясо уже было подготовлено. И вот пришла первая информация, что где-то на Северном Кавказе захвачен город.

Нам, сотрудникам «Альфы», предложили сделать выбор, ведь мы прекрасно понимали, что многие из нас могут погибнуть, каждый сам должен был решить, участвовать ли ему в операции. Однако в аэропорт прибыли все. В полёте, подготовив оружие, как и большинство ребят, я заснул. Приземлились ночью 15 июня, подъехали к районному отделению милиции и только там узнали, что действительно произошло.

Нам предстояло штурмовать огромное трёхэтажное здание, где засели две сотни террористов, вооружённых до зубов. Они удерживали около 2 тысяч заложников, собранных туда со всего города. Среди них были беременные женщины, старики и дети. Пространство вокруг больницы хорошо простреливалось.

Боевики с самого начала «сожгли мосты». Ещё до захвата больницы они залили кровью город, на его улицах лежали трупы. В самой больнице они расстреливали тех, кто пытался им возражать. Басаев угрожал взорвать здание вместе с заложниками, если не будут выполнены его политические требования. Однако после начала штурма главарь боевиков поменял тональность и начал спасать свою шкуру.

Мы организовали посты наблюдения, дежурства и стали готовиться к штурму больницы с террористами и заложниками, хотя в него особенно и не верили.

16 июня, вечером, я первый раз лёг на постель, а уже ранним утром, в 4 часа, когда ещё было темно, нас разбудили и сказали, что будет штурм. Помню, мы собирались очень спокойно. Кто-то предложил выпить «наркомовских», но я пить не стал, снял с руки часы и сказал: если что-нибудь случится — чтобы сыну отдали... Однако потом вернул их со словами: «Сам подарю».

На построении для получения приказа я обратил внимание, что солдаты внутренних войск вооружены для ведения общевойскового боя: кроме автоматов и пулемётов было много гранатомётов и ручных гранат разного назначения.

Мы же были вооружены только стрелковым оружием, так как понимали, что гранаты могут нанести вред захваченным людям. Стрелять по окнам тоже было опасно: террористы выставили в них «живые щиты» — женщин с детьми.

Сначала поехали на автобусе, затем шли один за другим, с головным дозором впереди. Первые вспышки выстрелов я увидел, как мне кажется, когда мы были достаточно далеко от больницы. Подойдя к ближайшему зданию, увидел там отдел полковника Александра Владимировича Михайлова, по которому и вёлся огонь.

Итак, 17 июня 1995 года начался штурм.

Нашей группе было дано задание — стреляя по перекрытиям, отвлечь на себя огонь. Сделали мы это, судя по всему, успешно, потому что вскоре нас стали закидывать гранатами.

Нашей задачей было пройти к больнице через гаражи со стороны пищеблока, но, если честно, я особенно не вникал, так как шёл за своим командиром — полковником Юрием Викторовичем Дёминым.

С Сергеем Савчуком проделали проход в сетке-рабице и вышли во двор гаражей. Где-то совсем рядом уже шла серьёзная перестрелка, а мы в полной тишине перебежали к одноэтажному пищеблоку больницы. По-моему, очень быстро рассвело, и, как мне кажется, где-то в это время я услышал голос Володи Соловова: «...Всё, руке конец!» Больше я его не слышал.

Вдоль гаражей, куда побежал Соловов, — деревья и небольшой кустарник. Подумали, что он там. Я бросил дымовую шашку, чтобы прикрыть товарища. Всё заволокло дымовухой, а Володи нет и нет! Ещё одну шашку бросили — опять нет!

...Через какое-то время, я даже не помню, через какое, услышал, что Фёдор Литвинчук, который шёл в головном дозоре, ранен в бедро. Хотя из-за плотности огня его не могли вытащить, я ему даже позавидовал — бой только начался, а для него он уже закончен. Далеко не все, но кто-то, может быть, меня поймёт. Так было.

И вот мы у больницы, нас пятеро: Юрий Викторович Дёмин, Сергей Савчук, Владимир Корольков, Александр Христофоров и я. Задача — стрелять

над окнами, между окнами и по перекрытиям, отвлекать внимание боевиков от штурмующих отделов, если удастся проникнуть в здание.

С первой задачей было справиться несложно, мы по очереди высывались из-за угла и стреляли по основному корпусу, до которого была пара сотен метров.

Вторая задача была выполнена почти сразу — террористы нас заметили и открыли по нам шквальный огонь, таким образом мы отвлекли на себя какое-то количество боевиков.

С третьей задачей мы справиться пробовали, но, хотя перед нами была дверь в больницу, изнутри она была завалена так, что даже очереди из моего ПК в упор её не пошевелили.

Мы, несмотря ни на что, продолжали выполнять задачу, и, по-моему, это сильно мешало боевикам — нашу группу стали обстреливать и с нижних этажей больницы, и с этажей, находящихся над нами.

Нас спасало то, что мы находились в мёртвой зоне, и пули не причиняли нам вреда. Тем не менее плотность огня увеличилась, и, когда я в очередной раз приготовился стрелять, очередь из пулемёта разбила угол и меня ранило в бедро. Хорошо, что пуля срикошетила и улетела, а мне досталась очень горячая оболочка, которая прижгла и остановила кровь. В общем, было не больно.

Когда с верхнего этажа стрельба усилилась, Ю. В. Дёмин кинул вверх гранату — огонь прекратился.

И тут начали взрываться гранаты, кажется, «моя» прилетела не сверху, а сбоку. Что-то попало в глаз, Юрий Викторович сказал: «Серёж, дай посмотрю» — и взглянул мне в лицо. Его взгляд я помню до сих пор.

Мне стали бинтовать голову сразу прямо поверх каски. Ситуация усложнялась — гранаты всё падали. Мы присели, прижались к стене и получали осколки — конечно, бронежилеты спасали, но досталось и нам.

А гранаты продолжали падать. После одного из ударов резко подбросило правую руку. Так, думаю, голова, а теперь ещё и рука. Пошевелил пальцами, двинутся, затем понял, что рука сжимается в кулак.

Несмотря шквальный огонь, надо было отходить. Юрий Викторович спросил: «Готовы?» Я честно ответил: «Да, но вы только команду дайте — я так не побегу». «Три, два, один — вперёд» — и мы с Сашей Христофоровым рванули.

Дали команду отходить. До укрытия было 20 метров, бежали мы очень быстро, но пули летят быстрее, и за два метра до укрытия они нас настигли, сбили с ног, так что заканчивали мы свой рывок на четвереньках. Нам ещё повезло, что ребята протянули руки и вытащили нас за ворота.

Я встал. Я был по-настоящему счастлив, мне заматывали ногу, а я даже не обращал на это внимание. Хуже было у Сани: три пули, пробив сбоку бронежилет, попали ему в спину, две в автомат — сильно осушив руку.

Так для меня закончился этот бой...

Я побежал вокруг гаражей, там где-то метров сорок — пятьдесят, и выскочил к открытым воротам. Через них было видно, что отсюда намного ближе до здания, буквально метров двадцать — двадцать пять. А на первоначальном маршруте — не менее ста пятидесяти метров.

Пришёл в себя я уже на следующий день, узнал, что в отряде трое погибших, двадцать раненых. Главарь банды Басаев согласился покинуть больницу только в обмен на предоставление ему безопасного коридора. В качестве гарантии безопасности террористы взяли с собой несколько сотен заложников, которых пообещали отпустить в Чечне.

А меня после боя с проникающим ранением в руку, сквозным ранением ноги и травмой глаза отвезли в Зеленокумск.

На этом «приключения» не закончились, заговорили, что рядом с Зеленокумском должна вскоре проехать колонна басаевцев. Но, по правде говоря, в тот момент я отнёсся к этому спокойно, так как находился в прострации.

Местный офтальмолог, осмотрев меня, сразу сказала, что глаз нужно срочно удалять, чтобы симпатическое воспаление не перекинулось на второй глаз и не повредило ему. И сделать это лучше в Москве.

После этого на гражданском самолёте отправили в Москву. Ближе к ночи я оказался в Городской клинической больнице № 15 им. О. М. Филатова, имеющей сильное офтальмологическое отделение. Там я остался один в приёмном отделении в достаточно необычном для гражданской больницы виде: в пробитом камуфляже, с перебинтованными ногами и рукой, забинтованной головой и ножом разведчика времён Великой Отечественной войны на поясе (кстати, очень эффективным и удобным). Хорошо, что в больнице никого больше не было, не на кого было произвести впечатление.

Через некоторое время пришёл дежурный врач Ким, поинтересовался, что я здесь делаю. После произнесения названия города Будённовска, звучавшего тогда магически, мне были оперативно сделаны все необходимые манипуляции, извлечены осколки. Оказалось, что с конечностями больших проблем нет. А вот с глазом была беда. Им стала заниматься молоденькая девушка-ординатор. Она сразу заявила мне: «Здоровый глаз мы, наверное, сохраним, а раненый завтра удалим!»

Положили меня в палату для ветеранов войны, нашли мне какую-то сменную одежду. А на следующий день при подготовке операции хирург неосторожно, делая обезболивающий укол в конъюнктиву, промахнулся и мой глаз залился кровью. Операцию отменили, и на следующий день приехавшие мои боевые друзья забрали меня из больницы. Оказалось, что за эти дни они нашли выход на профессора Р. А. Гундорову.

И вот сразу после того, как меня привезли в Институт Гельмгольца, со мной начала работать Роза Александровна.

Состояние моё тогда несложно понять — молодой парень, офицер, в 26 лет потерял зрение, лишился любимой работы, и будущее его неопределённо — его по всем правилам должны комиссовать.

Но Роза Александровна не только уникальный врач, но и психолог удивительный. Она сразу стала подначивать меня, говоря, что и Нельсон, и Кутузов были одноглазыми, но это не мешало им быть великими полководцами.

К тому же вопреки всем инструкциям Роза Александровна решила глаз не удалять. Она специальным образом его обработала, «надула»...

Роза Александровна лечила меня почти год, сделала несколько операций. Понемногу она возвращала меня к жизни. Глаз мой спасти было нельзя, он не видел, и это было невосвратимо, но она сохранила его, что было мне очень важно.

Но всё это время больше всего я переживал из-за того, что не смогу дальше служить. Навалилась страшная депрессия, вплоть до слёз. Ведь самым горячим моим желанием было остаться в строю. И всё-таки в этом состоянии я подал рапорт об увольнении.

Однако командир «А» Александр Иванович Мирошниченко порвал его. Мне пошли навестречу. Я восстановил физическую форму и после потери глаза выполнял нормативы по стрельбе, сам водил машину, был в сборной «Альфы» по плаванию.

Следует сказать, что когда специалисты из нашей поликлиники ФСБ, где я наблюдался, узнавали, что операции мне делала сама Гундорова, то это производило на них сильное впечатление, ведь они все учились по её учебникам. И даже я, слушая её советы, постепенно становился чуть ли не главным офтальмологом ФСБ.

Мы поддерживали постоянную связь с Розой Александровной, она искренне интересовалась моим состоянием.

Однажды у моего коллеги произошла травма глаза, его в нашей больнице осмотрели, назвали диагноз. Но тогда я решил подстраховаться и повёл парня к Гундоровой. Она осмотрела его, подняла трубку и очень солидного врача отчихвостила, сказала ей: «Света, что ты хрень несёшь?! Нет ничего, что ты написала, у парня!» При этом было видно, что на другой стороне трубки даже бояться возразить таким словам.

А мне разрешили продолжить службу в штабном подразделении «Альфы», где я выполнял функции разведчика, планировал боевые мероприятия, организовывал взаимодействие с оперативными подразделениями. В операциях по освобождению заложников выполнял функцию переговорщика.

В 2000 году во время проведения спецоперации по освобождению заложников в посёлке Лазаревское (Сочи) лично вёл переговоры с террористами, в результате которых они сдались.

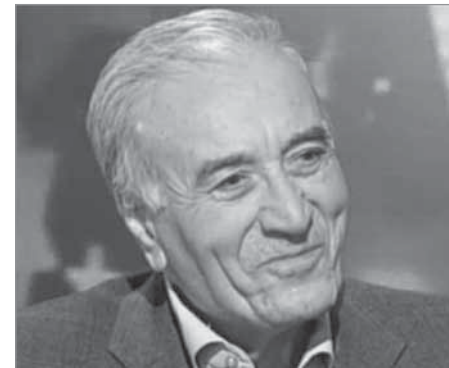
В 2001 году в аэропорту Минеральные Воды непосредственно вёл переговоры с бандой Султана-Саида Идиева, захватившей рейсовый автобус, что позволило подготовить проведение удачного «снайперского» штурма.

А ещё были «Норд-Ост» в Москве и школа № 1 городе Беслане... Были и другие секретные операции, о которых я не могу сказать даже сейчас, находясь в отставке.

Так в «Альфе» я прошёл путь от лейтенанта до полковника.

И я счастлив, что судьба меня свела с удивительным человеком и профессионалом Розой Александровной Гундоровой. Если бы не важные для меня слова, сказанные ею в самый трудный момент моей жизни, и её мастерство, возможно, всё сложилось бы у меня иначе...

Нарлиев Ходжакули

Советский, туркменский кинорежиссёр, сценарист и кинооператор. Лауреат Государственной премии СССР, народный артист Туркменской ССР

В 1969 году на киностудии «Туркменфильм» заканчивались съёмки фильма «Рабыня». Режиссёром Булатом Мансуровым я был приглашён на него в качестве оператора. Нам оставалось снять последние кадры, и мы выехали на съёмочную площадку. На дороге, по которой мы двигались, шли ремонтные работы и часть её только что залили мазутом. Пытаясь объехать этот участок, мы чуть не столкнулись со встречной машиной. Выполняя манёвр, водитель не справился с управлением, вынужден был выехать на скользкую часть полотна, нас занесло, перевернуло несколько раз, и, ударившись о придорожную насыпь, мы остановились. Что было дальше, я не помню, потерял сознание.

Пришёл в себя только в легковой машине, которая меня куда-то быстро увозила. В больнице в Ашхабаде врачи, осмотрев меня, обнаружили осколок стекла в зрачке глаза. Хирург Зоя Курбановна оперативно удалила его.

Несмотря на то, что первые меры были приняты, Булат Мансуров и директор фильма Александр Карт не очень верили, что всё в дальнейшем пойдёт хорошо.

В нашей команде был бывший министр здравоохранения республики, ставший ректором Мединститута, он пытался нас успокоить, говоря, что Зоя Курбановна опытный специалист и всё будет нормально.

Но Александр Захарович, как чувствовал недоброе, предложил посоветоваться с московскими специалистами. Позвонив в Москву своей сестре, он поручил ей узнать, кто занимается подобными травмами. Ситуация усложнялась тем, что всё это происходило в воскресенье. Тем не менее удалось выяснить, что подобными операциями в Кремле занимается Михаил Михайлович Краснов¹ и в Институте им. Гельмгольца Роза Александровна Гундорова.

До Кремля было сложно дотянуться, решили выходить на Гундорову. Дома Розы Александровны не оказалась, её дочь ответила, что папа и мама пошли в гости, но дала телефон в квартире, где они тогда находились. Говорить о том, что мобильных телефонов тогда не было, наверное, нет смысла.

На предложение срочно в воскресенье вылететь в Ашхабад Роза Александровна среагировала предсказуемо, спросив: «А кто вы такие?!»

Выяснилось, что без правительственного приглашения она не может никуда вылетать. После того как было подготовлено описание травмы и проделанной операции, Роза Александровна констатировала: «Боже мой! Глаз пропадёт! Операция сделана неверно». К такому выводу она смогла прийти даже после не очень, мягко говоря, профессиональных объяснений моих коллег.

Теперь уже Мансуров и Карт стали ещё упорнее убеждать Розу Александровну приехать. И им это сделать удалось. После этого следовало решить вопросы с билетами, что тоже в те времена было непросто, но тем не менее билеты Р.А. Гундоровой принесли домой в 7 вечера, и она ночным рейсом прилетела в Туркмению.

¹ Профессор М.М. Краснов был академиком АМН СССР, директором ВНИИ глазных болезней АМН СССР.

В ашхабадской больнице московскому хирургу сказали, что её не приглашали, а операцию Нарлиеву уже сделали без неё. Но Розу Александровну трудно было сбить с толку: заявив, что прилетела по просьбе друзей Хаджи, Булата и Александра, она попросила просто осмотреть меня. Это ей позволили сделать.

Через полчаса Роза Александровна зашла ко мне в палату и сказала: «Дружок, если бы у вас была ранена рука или нога, я бы вас обманула, сказала бы, что всё будет хорошо. А вот по поводу глаза я должна сказать правду — надо делать срочно новую операцию, но и в этом случае глаз будет видеть максимум на 50%».

Я на это не нашёл ничего лучше, как спросить: «Скажите, а когда я буду ходить по улице, девушки будут догадываться, что у меня глаз не нормальный?» Молодой я был — 32 года.

Тогда Роза Александровна меня успокоила: «Не волнуйтесь, не будут они этого замечать! Обещаю, косметика мы сделаем такую, что о произошедшем никто не догадается».

Позже она пошутит, что если бы я отказался, то через три дня реализовалась бы врачебная присказка жанра чёрного юмора — «глазик в тазик».

Больше у меня вопросов не было. Операция началась через полтора часа после этого разговора. Я, естественно, не знаю, что делалось тогда, говорят, глаз мой она укрывала яичной плёнкой.

Всё прошло хорошо, и Булат с Сашей, которым я безмерно благодарен, могли уже, подшучивая, называть меня Кутузовым и говорили, что теперь мне нет необходимости во время съёмок закрывать один глаз.

Мои друзья сумели ещё раз уговорить Розу Александровну, и она осталась в Туркмении на один день, который они потратили на большую экскурсию по самым красивым местам нашей республики.

Мне же было указано не позже чем через неделю прилететь на осмотр в Москву. Там мы лежали в палате с таким же пострадавшим болгаринном. Перевязку всем своим больным Роза Александровна делала сама. Сама капала лекарство и внимательно осматривала больных. Сидящей рядом сестре давались чёткие указания, что делать дальше. По её словам, это ей было надо, чтобы видеть динамику выздоровления пациента.

Лечение вскоре закончилась, а дружба наша только начиналась.

Провожая меня, она сказала: «Хаджуля! Если что-то не дай бог случится с глазами ваших друзей или родственников, сразу ко мне!»

В результате её пациентами в разное время становились мои коллеги с киностудии и телевидения. Человек 10–15.

Дело в том, что с 1976-го по 1999 год я выбирался председателем Союза кинематографистов сначала Туркменской ССР, а потом Туркменистана, а значит, был ответственен за весь киномир республики.

Однажды ко мне обратился родственник или, точнее, всё-таки знакомый из моего маленького разезда № 30 Ашхабадской железной дороги, где я родился. Он защитил кандидатскую диссертацию и специализировался на травматологии глаза, хотел заняться докторской и искал научного руководителя.

Вначале Роза Александровна отказывалась взять на себя такую заботу (как я потом выяснил, у неё в это время дочка в больнице лежала): «Хаджуля, их так много, многие из них такие бестолковые, я устаю!» Я не уступал: «Мне он сказал, что у него интересная тема есть!»

Встретил я Розу Александровну в больнице, где она дежурила у дочери. Первые слова её были жёсткими: «Тебе что, нечего делать, зачем ты этим занимаешься?» После этого спросила, где мой спутник, оставила меня сидеть с Наташей, а сама отправилась разговаривать с привезённым мною земляком.

Место они нашли в закоулке под лестницей, используя ящики вместо стульев. Тема, которой занимался её туркменский коллега, понравилась Р. А. Гундоровой, и она решила его взять к себе в отдел в докторантуру.

Надо сказать, что в Туркменистане был ещё и академик, главный специалист-офтальмолог Нарзы Нурмамедов. Роза Александровна говорила мне, что, прежде чем кого-то посылать в Москву, я должен показать его Нарзы. После того как мой земляк вернулся из Москвы в Ашхабад, у нас появился второй блестящий специалист, ставший позже тоже академиком. Теперь Роза Александровна напутствовала меня: «Покажи пациента своим специалистам, прежде чем ко мне привозить».

Однажды перед вылетом в Москву мой товарищ сказал, что у него в саду вырос арбуз небывалой величины, который не лез ни в один мешок. Я его обмотал множество раз верёвкой, сделал несколько ручек и повёз Розе Александровне в подарок. В аэропорту весы показали его вес — 25 кг. При разгрузке его уронили, но всё-таки я его довёз, и им лакомились все коллеги Розы Александровны.

Ещё я помню, как Роза Александровна с Наташей прилетали к нам на симпозиум врачей-окулистов, организованный Нарзы Нурмамедовым, который был тогда ректором Мединститута. Моя жена Майя встретила их у трапа самолёта и отпускала только на заседания. Специальная программа, включающая поездки по республике, заняла всё остальное время. Я, к сожалению, в тот момент находился далеко на съёмках.

А дружили мы до конца её жизни.

Оганесян Оганес Георгиевич

Ведущий научный сотрудник отдела травматологии и реконструктивной хирургии, врач-офтальмолог, врач высшей категории, доктор медицинских наук, профессор кафедры МГМСУ им. А. И. Евдокимова, Member of Cornea Society

После защиты кандидатской диссертации я стал сотрудником отдела травматологии, а следовательно, дежурным врачом первой хирургической бригады. Роза Александровна регулярно говорила, точнее, напоминала нам, что в случае возникновения сложного случая мы можем ей звонить, чтобы посоветоваться в любое время дня и ночи. И несмотря на то, что нашему шефу в то время было уже немало лет, и известно, что шефов нежелательно беспокоить по пустякам, я всегда звонил ей при необходимости. Причём со стороны Розы Александровны это было не формальное предложение, поэтому мы не чувствовали сомнений перед звонком, делали это легко, порой не задумываясь, не беспокоим ли уже пожилого человека. Понимали, что это нужно для дела. И в трубке всегда звучал готовый помочь голос, внушающий тебе уверенность в том, что ты всё сможешь сделать, причём блестяще, что ты гениален. Впрочем, как и все остальные сотрудники отдела.

Думаю, мне было легко беспокоить шефа в любое время ещё и потому, что Роза Александровна искренне предлагала помощь, а не требовала отчитываться перед ней звонками. Чувствовалось её доверие — профессиональное и человеческое. Мы были коллегам, пусть разного возраста и занимающими

разные должности. На этом базировались, по крайней мере, мои отношения с моим руководителем. Впрочем, так, скорее всего, могут сказать многие.

Я начал работать под руководством Розы Александровны в тот период, когда «весёлые» годы отдела были позади. Я не застал многих, о ком с восторгом вспоминали и рассказывали старшие коллеги. Я не застал «мозговые штурмы», командировки всем отделом, «сухие» свадьбы, укорочение руками профессора Гундоровой юбок макси сотрудниц, как и удаления наледи перед входом в наш хирургический корпус теми же прекрасными хирургическими руками профессора Гундоровой, дабы никто не покалечился во дворе института и не вышел из строя. Я только по рассказам был наслышан, насколько Роза была раньше строгой, а для некоторых даже деспотичной. Для меня наш шеф некоторое время была профессором Гундоровой, чью книжку я выучил наизусть ещё будучи студентом, профессором Гундоровой, о которой мне с придыханием рассказывала моя мама, тоже офтальмолог.

Будучи блюстителем невмешательства в собственную жизнь, а я сам не любопытствую личной жизнью других людей, я знал, что Роза Александровна овдовела много лет тому назад и что у неё есть единственная дочь Наташа, тоже офтальмолог. Но за все годы, проработав в отделе, я даже и не догадывался о серьёзных проблемах со здоровьем Наташи.

Но в одно из дежурств в одночасье я узнал о шефе намного больше, чем за все предыдущие годы. Наверно, я смог в тот день дать себе максимально правдивую и объективную оценку моему учителю и руководителю.

Дело было так: поздним вечером, во время дежурства, получив больного с внутриглазным инородным телом, я позвонил шефу, чтоб согласовать тактику лечения. И тогда её голос и интонация меня взволновали. Роза Александровна разговаривала заплаканным голосом, было件нятно, что произошло что-то непоправимое. Её слова: «Наташа в больнице. Она умирает» — для меня прозвучали неправдоподобно! Я не понимал, что происходит... Шеф расплакалась, рассказала о состоянии дочери, о том, что говорят врачи, о неизбежности... Впервые за все годы она попросила меня не оперировать и не идти в операционную. Не идти в операционную и не удалять инородное тело экстренному больному! Я ничего не понимал... И не осмелился бы даже спросить: «Почему?» Спросить, а что будет, если начнётся эндофтальмит??? Перед тем как она повесила трубку, я только сказал: «Хорошо».

Изыщество, с которым шеф оперировала, неопишимо. Её пальцы двигались чётко и спокойно. Не было никаких лишних движений и никакой паники. Инструмент она умела держать крепко, но изящно. Именно так оперировала Роза Александровна спустя час после нашего с ней разговора в то дежурство... То амагнитное инородное тело в тот вечер я вряд ли бы удалил... Шеф это сделала, как всегда, чётко, красиво, быстро и профессионально. Несмотря на то, что это был один из самых тяжёлых и даже трагичных дней в её жизни...

В какой очерёдности располагались в душе, мыслях, в повседневности Розы Александровны работа, ребёнок, личная жизнь... вряд ли кто-то знал. Но то, что всё это сочеталось в ней очень гармонично, бесспорно.

Одно могу сказать: сейчас в моём окружении таких людей нет.

Орлова Елена Николаевна

Кандидат медицинских наук, учёный секретарь НМИЦ глазных болезней им. Гельмгольца

Для меня Роза Александровна — человек с другой планеты. Я никогда не понимала, не понимаю и сейчас, как можно совмещать в себе столько разных талантов! Она была высочайшим профессионалом: диагност и офтальмохирург, мудрый учёный, великолепный организатор офтальмотравматологической службы, строгий руководитель отдела травматологии, реконструктивной хирургии и глазного протезирования, заботливый наставник и учитель молодых врачей. Наконец, Роза Александровна была любящей матерью и женой, отзывчивым открытым человеком, умеющим понимать и ценить юмор...

Попасть к ней и остаться работать под руководством профессора Гундоровой стремились все. Спектр проблем, которые непосредственно она курировала и определяла, стратегию диагностики и лечения был широк: инородные тела глаза и орбиты; ожоги глаз и придаточного аппарата; оптико-реконструктивные операции; микрохирургия сосудов глаза; пластическая хирургия; субатрофия глаза; клеточные технологии; разработка микрохирургических инструментов и изделий мед. назначения; нанотехнологии; дактилология и другие.

Мне выпала большая честь — после окончания ординатуры Роза Александровна пригласила меня в аспирантуру отдела травматологии. В результате

я на протяжении 10 лет ассистировала ей на операциях и была лечащим врачом пациентов, которых она оперировала. Она же была руководителем моей кандидатской диссертации.

Следует отметить, что профессору Р.А. Гундоровой принадлежит заслуга и в организации совместной работы с Центром медицины катастроф «Защита». Благодаря этому сотрудничеству выполнено несколько диссертационных работ. Но главное, были подготовлены специализированные бригады для работы в чрезвычайных ситуациях. Сама Роза Александровна и её ученики принимали активное участие в оказании помощи пострадавшим при терактах в Беслане, московском метро, при катастрофах в Уфе, Свердловске, Арзамасе, землетрясении в Армении и других трагедиях. За эту деятельность Розу Александровну наградили медалями «За укрепление боевого содружества» и «За участие в спецоперации по освобождению заложников в г. Будённовске».

Для нас, сотрудников, оставалось загадкой, как иногда при, казалось бы, одной и той же ситуации — травматическом повреждении глаза — Роза Александровна принимала разные решения: провести хирургическое лечение сейчас или попробовать справиться консервативно, оперировать позже, вообще не оперировать, но оставить пациента под динамическим наблюдением. Видимо, она сразу принимала в расчёт всё: где постоянно живёт больной (город, деревня), каков его социальный статус и интеллект. У неё была потрясающая интуиция. Но, конечно, появившаяся не на пустом месте, а основанная на колоссальном опыте!

Если собрать все инородные тела, которые она удалила из глаз и орбит, то их вес, пожалуй, придётся измерять уже не в граммах, а в более крупных единицах. В отделе травматологии нашего института существует мини-музей удалённых инородных тел. Больше всего из них были удалены профессором Р.А. Гундоровой. Причём все наиболее трудные локализации она всегда брала на себя.

Но граммы граммами, а какой мерой можно измерить счастье человека, вновь обретшего зрение, у которого спасли глаз!

Мы, сотрудники отдела травматологии, всегда чувствовали покровительство Розы Александровны. Если на учёном совете, на общей пятиминутке либо в другой ситуации кем-либо высказывались замечания в адрес её сотрудников, наш учитель, как грозная птица, «бросалась» на защиту своего подопечного. Потом могла отчитать, наказать, но внутри отдела, а публично звучало всегда: «Мы самые лучшие!» А ещё она, если была неправа, могла извиниться, независимо от положения коллеги, будь он младший научный сотрудник или её заместитель. И делала она это не один на один (хотя и этого бывало порой достаточно), а прилюдно. Согласитесь, что на это способны немногие.

Наш профессор постоянно следила за новостями медицины, а одновременно и интересовалась политикой государства. Ежегодно она организовывала

научно-практические конференции, посвящённые различным аспектам проблем травмы глаза и придаточного аппарата. В 2008 году под её руководством мы подготовили конференцию «Нанотехнологии в офтальмологии». Дар её предвидения подтвердило Постановление Правительства Российской Федерации о развитии нанотехнологий в стране, опубликованное буквально за несколько дней до открытия конференции. Мы опять оказались первыми!

Каждое лето, 21 июля, мы собирались на даче в Удельной на день рождения Наташи. И всегда в этот день было потрясающе весело и непринуждённо. Однажды все стали рассказывать, какие у них хобби. А Роза Александровна задумалась: «А какое же хобби у меня?» И тогда профессор В.П. Быков за неё ответил: «Как? Вы не знаете? Вы же руководитель зверинца».

И действительно, Роза Александровна умела организовать досуг всех своих коллег и друзей. Иногда в пятницу, после работы всем отделом мы ехали в парк Сокольники. Там гуляли, общались, дело нас не оставляло и там — мы что-то обсуждали по работе. Хирург Валентина Степановна Гришина как-то купила и подарила Розе Александровне дудку, сказав: «Мы хотим, чтобы вы плясали под нашу дудку!» И в ответ на это наш учитель смеялась больше всех и хранила потом эту игрушку в шкафу в рабочем кабинете.

Своей неистощимой энергией Роза Александровна заряжала окружающих её людей. Работать с ней было и легко, и одновременно трудно. Но как мы ни старались, всё равно она делала больше всех и лучше всех. И тем не менее с ней перспективно выбранные направления, правильно поставленные задачи позволяли нам идти к цели по кратчайшей дороге.

Сталкиваясь по роду своей работы с самым тяжёлым контингентом больных, Роза Александровна находила время и душевное тепло, чтобы вселить в них надежду, а её высочайший профессионализм позволял сохранить этим людям счастье видеть.

Поэтому для нас, учеников Розы Александровны, она не умерла, она в наших мыслях, делах и сердцах — в нас самих.

Этот эпизод относится, пожалуй, к 1988 году. На учёном совете института я принципиально выступила с критикой, в том числе работы медицинского совета (Р.А. не была в составе мед. совета), не в адрес Розы Александровны. Вечером она вызвала меня в кабинет, высказала своё недовольство по поводу моего выступления. Я, естественно, очень расстроилась.

На следующий день у Розы Александровны операционный день: врачи, медсёстры, санитарки, курсанты, пришедшие посмотреть на её виртуозные операции, захожу в операционную, анестезиологи готовят больного. Увидев меня, Роза Александровна повернулась от микроскопа: «Дружочек, ты прости меня, я вчера напрасно на тебя накричала». Представьте моё состояние:

я научный сотрудник, она знаменитый профессор и извинилась передо мной не у себя в кабинете, один на один, хотя и этого бы мне было вполне достаточно, а в присутствии множества коллег.

Так мог поступить далеко не каждый. Только поистине великий человек.

Пашинова Надежда Фёдоровна

Главный врач клиники «Эксимер»¹; доктор медицинских наук, профессор кафедры ФГБОУ «Институт повышения квалификации Федерального медико-биологического агентства». Врач-офтальмолог высшей категории

С Розой Александровной Гундоровой меня познакомил профессор Николай Николаевич Пивоваров, произошло это в Тель-Авиве, в Израиле, где в феврале 1988 года проходила конференция по офтальмотравматологии. Накануне я усиленно учила свой доклад, так как мой английский был совсем плох. Утром на завтраке ещё раз пыталась всё повторить. Оказалось, что я на конференции выступаю самой первой. Всё прошло хорошо, слайды были, видно, убедительные. И ещё, как я полагала, мой доклад представлял интерес, так как мы первыми имплантировали после травмы глаза интраокулярную линзу в расслоённые остаточные слои капсулы хрусталика. Ранее в моей

¹ Клиника «Эксимер» — крупная офтальмологическая частная клиника, имеющая отделения в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Нижнем Новгороде, Ростове-на-Дону, а география пациентов охватывает более 50 стран мира. Руководят клиникой практикующие офтальмологи — главный врач, врач высшей категории, доктор медицинских наук, доцент, академик РАЕН Надежда Фёдоровна Пашинова и ведущий офтальмохирург и медицинский директор клиник «Эксимер», врач высшей категории, доктор медицинских наук, профессор, академик РАЕН Кирилл Борисович Першин.

кандидатской было доказано, что капсульная фиксация — самая ареактивная. В общем, в конце выступления раздались даже неожиданные для меня аплодисменты, а Николай Николаевич признался, что думал, что будет не так хорошо. Так что замечательное настроение у меня в тот день зашкаливало.

После того как все доклады были сделаны, профессор Пивоваров сказал, что познакомит меня с Розой Александровной Гундоровой. Я, конечно, знала, что это ведущий мировой офтальмохирург, заведующая отделом по травме глаза НИИ глазных болезней им. Гельмгольца. Элеонора Валентиновна Егорова, в отделе которой я работала уже около 6 лет, защищала докторскую диссертацию по имплантации ИОЛ после травмы глаза, и мы штудировали всю доступную литературу по этой теме. Так что авторитет Гундоровой был недосягаемым. Встретились мы в её гостиничном номере. Сразу поразила простота её общения, сразу появилось ощущение, как будто мы были знакомы тысячу лет. Не очнувшись от эйфории, я (дура, до сих пор неудобно) спросила Н.Н. Пивоварова: «Вы с Розой вместе учились?» Он ответил вопросом на вопрос: «А что я выгляжу таким старым?» (Николай Николаевич и сейчас самый молодой. Спасибо ему за ту встречу!)

Затем были бесподобные экскурсии, посещение клиник, лабораторий, кибуц. Осталась незабываемой встреча с профессором Майклом Блюменталем, разрешившим нам присутствие на его операциях. Он тогда первым показал капсулорексис «кленовым листом», который мы ещё делали по типу «вскрытия консервной банки».

Вернувшись из Израиля, мы с Розой Александровной стали совершенно родными и близкими людьми, наше общение было вне времени, вне пространства, вне гравитации.

В стране тем временем шла перестройка. Нам она дала возможность совершить много интересных командировок (в Китай, Италию, Кипр, Индию, США, Японию, Эмираты, Йемен). Все нюансы, особенности работы там мы обсуждали с Розой Александровной.

Судьба распорядилась так, что, прилетев из Йемена, я к Святославу Николаевичу Фёдорову не вернулась. Он сказал, что работать, защищать диссертацию в Москве мне не даст. И тогда Роза Александровна определила меня в «Медицину катастроф», где я года четыре была ведущим научным сотрудником. Это время было связано с множеством подготовленных статей, тезисов, выступлений на конференциях и, наконец, защитой докторской диссертации с грифом «Секретно».

Когда военные спросили: «Что будем секретить, ведь глаз такой маленький?» Я ответила, что роговицы для срочной пересадки будем брать из трупов врагов. Тогда последовал вопрос: «Какие рода войск за трупами пошлём?»

Работать было интересно, и за свою диссертацию мне не стыдно. В жаркий июльский день, в последний срок перед каникулами диссертационного сове-

та, была назначена защита, она была третьей. Моей задачей было привести вовремя на совет в военный госпиталь Розу Александровну. Первый диссертант с блеском прочитал доклад, кратко («да», «нет») ответил на все вопросы. Вскоре друзья привезли Р.А. Гундорову. А вот второй диссертант докладывал очень долго. Каждый его ответ превращался в лекцию, и ни с одним оппонентом диссертант не был согласен. По этой причине моя защита была отодвинута часов на пять, и всё это время Роза Александровна ждала, выдержав это испытание.

Первое открытие в Москве частной офтальмологической клиники произошло тоже с её подачи и с её помощью. Она договорилась, что нас впустили на коммерческой основе в глазное отделение 83-й больницы, разрешив там лечить и оперировать. Постепенно развиваясь, мы в 1997 году выросли в «Эксимер» и на каждом этапе чувствовали Розину поддержку, ощущали её помощь. Благодаря этому ни одна наша проблема не оставалась нерешённой.

Вскоре наша компания стала сетью частных клиник, расположившихся по всей по стране, большая часть сотрудников и особенно главных врачей стали с нами работать по рекомендации Розы Александровны. В Новосибирске — её ученик Владимир Васильевич Кашников, в Санкт-Петербурге — Евгений Петрович Гурмизов, в Нижнем Новгороде — Геннадий Александрович Ганичев, в Москве — Светлана Львовна Кирюхина.

Особо хотелось бы отметить неоценимую помощь, что оказала нам Роза Александровна и все сотрудники её отдела, да и всего института, включая директора Владимира Владимировича Нероева, когда в Харькове в клинике «Эксимер» случилась трагедия (эндофтальмиты у 21 пациента). Буду всегда помнить, насколько искренне помогали нам врачи и её секретари Татьяна Андреевна Кордик и Наталья Дмитриевна Заскальная.

Мы до сих пор при всех нестандартных ситуациях обращаемся за советом и помощью к Екатерине Вениаминовне Ченцовой, дорогому Оганесу Оганесовичу Оганесяну и чаще всего — к Ирине Юрьевне Романовой. И начало этим очень важным, добрым отношениям с коллегами «по цеху», конечно, положила Роза.

Кирилл был учеником С.Н. Фёдорова, однако после нашего возвращения из Йемена Святослав Николаевич запретил ему выходить на защиту диссертации. Сложилась очень напряжённая и непонятная ситуация, которую смогла разрешить только Роза Александровна. Благодаря своему авторитету она решила вопрос, заявив, что Кирилл Борисович будет защищаться у Л.К. Машетовой¹.

¹ Лариса Константиновна Машетова — советский и российский учёный-офтальмолог, специалист в области офтальмологии, сосудистой патологии глаза, организации офтальмологической помощи, ректор (1994–2019), президент Российской медицинской академии непрерывного профессионального образования (РМАНПО), академик РАМН (2004), академик РАН (2013).

Лариса Константиновна взяла на себя смелость пойти наперекор известному авторитету и представить диссертацию К.Б. Першина у себя в РМАНПО, бывшем Центральном ордена Ленина институте усовершенствования врачей.

Тема кандидатской была революционной — «Удаление прозрачного кристаллика при закрытой угольной глаукоме». Некоторые специалисты считали её вообще крамольной, они говорили: «Зачем портить глаз таким удалением?».

Неожиданным стало выступление в качестве неофициального оппонента на защите Аркадия Павловича Нестерова¹ мужа А.Ф. Бровкиной², очень авторитетного учёного. Он поддержал Кирилла, сказав, что его заинтересовала разработка диссертанта. Тем самым перевес над скептиками был обеспечен.

И за всем этим явно была видна рука Розы Александровны, она понимала, как важна такая поддержка молодому специалисту.

Докторскую диссертацию Кирилл защищал уже в Институте им. Гельмгольца. И вновь помощь Розы Александровны была огромна, вплоть до оформления диссертационной работы.

Помогла она нам тогда и адаптироваться в новом коллективе. Её поддержка была чрезвычайно важна.

Мы стали свидетелями встречи на одном из банкетов Розы Александровны со знаменитым иммунологом Виктором Абрамовичем Зуевым³ (другом отца Кирилла — Бориса Борисовича Першина⁴). Он оказался однокурсником Р.А. Гундоровой.

Здесь необходимо отметить склонность Розы Александровны к мистификациям. Порой её розыгрыши были на грани фола.

¹ Аркадий Павлович Нестеров — советский учёный, офтальмолог, доктор медицинских наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР (1974), лауреат Государственной премии СССР (1975), академик РАМН.

² Алевтина Фёдоровна Бровкина — советский и российский врач-офтальмолог, создатель российской онкоофтальмологической школы, доктор медицинских наук (1970), лауреат Государственной премии СССР (1984), заслуженный деятель науки РСФСР (1991), лауреат Премии Правительства Российской Федерации (2002), академик РАМН (2004), академик РАН (2013), профессор кафедры офтальмологии с курсом детской офтальмологии и орбитальной патологии Российской медицинской академии последипломного образования.

³ Виктор Абрамович Зуев — вице-президент РАЕН; доктор медицинских наук, профессор; с 1960 года работал в НИИ эпидемиологии и микробиологии РАМН, в 1974 году возглавил лабораторию микробиологии латентных инфекций; академик РАЕН (1990). 60 лет он работает в Национальном исследовательском центре эпидемиологии и микробиологии им. Гамалеи работает уже больше 60 лет.

⁴ Борис Борисович Першин — руководитель Центра «Иммунопрофилактика» РАМН с 1987 года, доктор медицинских наук, профессор; академик-секретарь Отделения иммунологии Биомедицинской секции РАЕН; эксперт ВОЗ и член Международной ассоциации гнотобиологов. Был экспертом ВАК СССР (1980–1988).

При оформлении докторской диссертации Кирилла, Роза распорядилась учёному секретарю включить ему «зелёный свет», так как за молодого любовника Роза готова «не только ей голову откусить». То, что это был розыгрыш, можно было, конечно, сразу понять, потому что это заявление было сделано умышленно публично — по громкой связи.

В следующий раз, вспоминаю, как на одном из банкетов, проходивших на Старой площади, опаздывающий сотрудник отдела профессор Михаил Германович Катаев быстро выпил за Розу и начал танцевать. Роза сидела со своей ближайшей подругой Галиной Георгиевной Бордюговой, которая восхищалась танцем коллеги. На что последовала реплика Розы Александровны: «Это что! А целуется-то он как!»

И ещё один, наверное, основной довод, что наши отношения (любовь, понимание, уважение) с ней не были односторонними — Роза доверила глаза своих близких — брата Вилена, дочери Наташи, да и свои — нам. Офтальмологи, думаю, меня поймут, ведь у нас есть выражение: «Оперировать тещу или маму».

А когда у нас родился сын Пётр, я первой позвонила и сообщила об этом Розе.

Нельзя забыть наши многочисленные встречи, разговоры взахлёб, чаепития. Потом она похоронила дочь, потом я свою. Кто мог понять моё состояние лучше, чем Роза?

Я благодарна своей судьбе за то, что в ней были такие красивые, талантливые и человеческие люди...

Петриашвили Георгий Гивиевич

Врач офтальмолог-хирург, офтальмотравматолог, кандидат медицинских наук. Проводит ежегодные мастер-классы в Грузии, Казахстане. Читает курс лекций на кафедре постдипломного образования при Тбилисском Мед. университете

Я долго размышлял, что важно рассказать о значимом для меня человеке — Розе Александровне Гундоровой, сыгравшей в моей жизни очень важную роль, сформировавшей меня как специалиста и профессионала.

Всё началось в 1986 году, когда Екатерина Карташова ещё во 2-м МОЛГМИ им. Н. И. Пирогова смогла пробудить во мне интерес к офтальмологии. Уже тогда я с большим интересом изучал эту дисциплину на занятиях в студенческих кружках.

Но вот я окончил институт, и пришло время распределения. Никогда не забуду, как главный врач Института им. Гельмгольца Лидия Ивановна Иванова приехала к нам и лично поручилась за меня. Я был ошарашен такой удачей! Как оказалось, в отделе травм органа зрения появилась вакансия и был нужен молодой сотрудник, который смог бы решать возникающие технические вопросы как в отделении, так и в операционной.

И вот в сентябре 1987 года состоялось моё знакомство с Розой Александровной. Тогда я ещё не понимал, куда меня определила судьба, а по-другому я это назвать не могу. Первым впечатлением было благоговение перед могущественным для меня человеком, о заслугах которого я, конечно, знал и раньше. Впрочем, она меня приняла очень тепло и по-свойски.

Меня прикрепили к доктору Людмиле Ивановне Поволочко, которая в первое же дежурство стала меня опекать. Через 6 месяцев мне предстояло пройти испытание и продемонстрировать свои хирургические навыки. Ответственность на мне лежала огромная, ведь этот «экзамен» принимала лично профессор Роза Александровна.

Пришлось серьёзно готовиться. Лучшим преподавателем по микрохирургии оказался к. м. н. Александр Васильевич Бойко, которому профессор Р. А. Гундорова поручила провести со мной курс «молодого бойца». В начале, он показался мне грозным и громогласным военщиной, но скоро мы подружились и впоследствии совместно написали не одну работу и сделали не одно изобретение.

На испытание к Розе Александровне попал досрочно, так как не хватало дежурных по отделению. Как-то на операции по удалению инородного тела из глаза меня поставили ассистировать лично профессору Гундоровой. Перед каждым действием она спрашивала, что сейчас надо делать, и, как ни странно, я давал правильный ответ. В результате по завершении операции меня зачислили в бригаду ответственных дежурных по институту. И с этого момента я стал полноправным сотрудником отдела, от чего чувствовал неописуемую гордость!

Надо сказать, что коллектив отделения Гундоровой был очень сплочённым. Роза Александровна умела очень эффективно управлять всеми коллегами, каждый из которых имел свой очень непростой характер.

Она всегда помогала и защищала молодых врачей, давала возможность им расти, заниматься самостоятельной работой. У неё был уникальный подход

к каждому сотруднику, ко всем она легко находила нужный ключик, поэтому молодёжь тянулась к ней.

Дальше было много работы, конференции в Суздале, Дагомысе, Москве, других городах и странах.

Хотелось бы вспомнить только один случай. Как-то поступил пациент с тяжёлой травмой глаза с отрывом радужки. В таких случаях мы всегда в независимости от времени докладывали шефу по телефону о происшествии и советовались с ней, как лучше нам поступить. Я тогда тоже получил важный совет и уже собрался оперировать, но в последний момент решил сделать операцию по-своему: это была иридопластика через один маленький парацентез.

На следующий день на обходе Роза Александровна, как всегда, осмотрела всех больных. Спросила и об экстренном пациенте. «Вы его уже смотрели», — ответил я. Она не поверила и заставила пригласить его повторно. После чего сначала дала мне нагоняй за самодеятельность, но потом похвалила меня. Не сразу смогла поверить, что можно было гигантский отрыв радужки прооперировать без больших разрезов.

Однажды Роза Александровна позвала меня и сказала, что пора заниматься наукой, а в дальнейшем защищаться. Именно так она заставляла всех своих сотрудников работать, определяла им тематику и помогала в выполнении диссертационной работы. На нас действительно висела большая ответственность, ведь мы были ведущим офтальмо-травматологическим центром всей огромной страны!

Курированием профессиональной деятельности сотрудников руководство Гундоровой не ограничивалось, она охотно и много помогала нам в самых безнадежных ситуациях, и не только на работе. Причём у неё всё получалось быстро, легко и неизменно с высоким качеством. Здесь следует отметить и особенность характера Розы Александровны. Она всё-таки хирург от Бога, и, бывало, мы обижались на её прямоту, иногда весьма жёсткую, порой мы даже считали, что несправедливо наказаны ею. Но время показало, что всё, что она делала, было только нам во благо.

Можно вспомнить много чудесных дней, которые мы фактически прожили на работе. И в этом ощущении полноценности жизни огромную роль занимала мой Учитель, уважаемая Роза Александровна Гундоровна.

Так что можно без преувеличений сказать, что в моей биографии она сыграла судьбоносную роль. Именно в те годы я сформировался как специалист, хирург — офтальмолог-травматолог, и во многом благодаря ей сейчас работаю в Тбилиси, продолжаю заниматься любимым делом.

Спасибо за это профессору Розе Александровне Гундоровой!

Ходжаев Назрулла Сагдуллаевич

Заместитель генерального директора ФГАУ МНИЦ «МНТК Микрохирургия глаза им. академика С. Н. Фёдорова» Минздрава России по организационной работе и инновационному развитию, главный редактор журнала «Новое в офтальмологии», главный редактор газеты «Мир офтальмологии», профессор, доктор медицинских наук

В 1982–1984 годах обучался в клинической ординатуре в Московском НИИ глазных болезней им. Гельмгольца, в 1984–1987 годах — в аспирантуре в отделе травматологии и реконструктивной хирургии названного института, где под руководством профессора Р. А. Гундоровой выполнил и защитил кандидатскую диссертацию, посвящённую диагностике и лечению внутриглазных кровоизлияний травматического генеза.

Есть встречи, которые меняют нашу жизнь. Есть личности, масштабы которых мы постигаем на протяжении всей своей жизни...

Среди них, безусловно, Роза Александровна Гундоровна — основатель школы офтальмотравматологии Московского НИИ глазных болезней им. Гельмгольца, учёный и клиницист с мировым именем, стоявшая у истоков развития советской, российской офтальмотравматологии. Профессор Гундоровна заложила основу научных идей и разработок, которые воплощаются в сегодняшних технологиях и найдут своё дальнейшее развитие в будущем.

Вспоминая Розу Александровну, в первую очередь хочется сказать о ней, как о педагоге, об учителе, который прививал своим ученикам не только профессиональные знания и навыки, но своим примером, поведением, образом жизни моделировал наши характеры. Работая с Розой Александровной, общаясь с ней ежедневно, мне посчастливилось часть своей жизни прожить в её системе нравственных ценностей, основанной на приоритетах высокой культуры, чести, долга, чрезвычайной требовательности к себе и уважении к окружающим людям, независимо от их ранга.

Школа профессора Гундоровой представляется мне вершиной педагогики. Обходы в отделении и клинические разборы, во время которых все данные пациента от анамнеза жизни и заболевания, статус при поступлении, ход операции, всё до момента курации врач докладывает по памяти!

Она была виртуозным хирургом. Лёгкие, изящные, иногда стремительные движения её пальцев завораживали и вызывали благоговейный восторг не меньше, чем виртуозная игра пианиста...

А как она поддерживала начинающих хирургов! Если оперировала за соседним операционным столом, то подбадривала и успокаивала пациента либо в начале операции подсаживалась к операционному столу молодого хирурга, погружала пациента в негу своим волшебным голосом: «Лапуся, расслабься, всё будет хорошо!» Её слова действовали на пациентов лучше любой премедикации. Сказав это, она тихонько уходила, давая возможность хирургу почувствовать самостоятельность. При этом мы всегда знали: если что-то пойдёт не так, в ту же минуту шеф будет рядом...

Она была настоящим Учителем, вкладывавшим душу в своих учеников. Мне, вчерашнему выпускнику Ташкентского мединститута, оказавшемуся в Москве, Роза Александровна тоже подарила кусочек своего беспокойного материнского сердца. Но это совершенно не означало, что я или кто-то мог ждать поблажек, отнюдь! Как-то я пожаловался, что не успеваю подготовить статью: днём больные, ночью сон валит с ног. На что она посоветовала: «А ты ложись спать с поднятой рукой». И действительно, как только засыпал, рука падала, я просыпался, но, что удивительно, тех нескольких минут оказывалось достаточно, чтобы почувствовать себя бодрее (конечно, бонус давал молодой организм...)

Так сложилось, что моя профессиональная судьба в 1996 году продолжилась в стенах МНТК «Микрохирургия глаза», где я соприкоснулся с другой великой личностью — Святославом Николаевичем Фёдоровым. Он после недолгих раздумий предложил мне тему докторской диссертации — «Хирургия катаракты малых разрезов». 3 апреля 2000 года, в день защиты докторской, у меня был оппонент, о котором можно было только мечтать — мой Учитель, профессор Роза Александровна Гундорова, — перед которой я держал ответ в той же мере, как и перед моим вторым Учителем — академиком С. Н. Фёдоровым.

Одним из секретов харизматичности Розы Александровны было сочетание полярных в общем понимании качеств — незаурядной силы, воинствующего напора с абсолютной готовностью к состраданию, ранимостью. Она была способна смеяться так, что всех вокруг невольно накрывала радужная волна... Она могла так отчитать, что ты готов был сквозь землю провалиться. Сильная, властная, она в то же время могла переживать всю палитру грусти, обиды. Но никогда — уныния и разочарования.

У Розы Александровны был очень характерный красивый голос, немножко в нос, певучий, необыкновенно мелодичный. Но как же он взлетал до оглушающего и низвергающего, если она гневалась...

Каждый из её учеников хранит в памяти самые дорогие моменты общения с этим светлым человеком. У меня было немало таких ситуаций, когда Роза Александровна либо ограждала меня от неприятностей, либо, наоборот, провоцировала экстремальную ситуацию, которую я проходил и которая давала мне неоценимый опыт. Единственное, о чём я сейчас жалею, — как мало я ей говорил спасибо. Как мало мы благодарим тех, кто даёт нам несоразмерно много в жизни...

**Воспоминания семьи Орловых
о Гундоровой Розе Александровне**

(рассказывают Орловы Елена Борисовна и Ирина Викторовна)

Елена Орлова — эксперт Центра государственно-частного партнёрства РАНХиГС, кандидат технических наук, член Международного института внутренних аудиторов (ИА). Имеет награды Правительства РФ и международных организаций (снизу)

Ирина Орлова — доктор философских наук, профессор кафедры ЮНЕСКО РАНХиГС при Президенте РФ, член Президиума МОО «Академия политической науки». Имеет правительственные награды (сверху)

Воспоминания Елены Орловой

Наша семья дружила с Розой Александровной более полувека — с 1965 года и до её смерти. В нашей дружбе было три основных этапа.

Отец — Борис Викторович Орлов

Впервые наша семья познакомилась с Розой Александровной в 1965 году.

Мой отец — Орлов Борис Викторович¹ (заслуженный деятель науки и техники РСФСР, профессор, д. т. н., заведующий кафедрой МВТУ им. Н. Баумана) начал слепнуть. По поводу зрения он ездил в Одессу консультироваться к Наталье Александровне Пучковской, обошёл всех лучших специалистов, но зрение только ухудшалось, все ждали самого худшего — полной слепоты.

Наталья Александровна Пучковская диагностировала у Бориса Викторовича лучевую катаракту.

Требовалась срочная операция. И её сделала Роза Александровна Гундорова — один из выдающихся хирургов-офтальмологов мира, академик РАЕН, профессор, кавалер ордена за «За заслуги перед Отечеством» IV степени, более полувека заведовавшая Отделением травматологии Института им. Г. Гельмгольца.

Вначале был прооперирован один глаз, через полгода — второй.

С Розой Александровной нашу семью познакомила дальняя родственница — Олеся Михайловна Орлова, которая в то время была научным сотрудником в НИИ ГБ им. Гельмгольца, а во время Великой Отечественной войны работала вместе со своей матерью во фронтовых госпиталях. Олеся была дочерью полковника Михаила Орлова, командовавшего Первой бригадой Особой группы войск НКВД во время Великой Отечественной войны.

Борис Викторович и Роза Александровна быстро сдружились. Их сблизало схожее восприятие жизни, которое в их время во многом определялось способностью стойко преодолевать трудности.

После операции для обеспечения неподвижности головы её сжимали двумя мешочками с песком. В таком положении отец находился несколько суток, и всё это время рядом с ним была мама. Она рассказывала, что, когда с глаз отца сняли повязку, он закричал: «Вижу!» Роза Александровна тут же на это среагировала наигранно сердито: «Не ори! Ты мне всех больных распугаешь! Скажут, что зрение по блату вернула. Так что именно ты видишь?» Но видел он тогда ещё только свет и тень.

Позже, когда отца уже выписали из больницы, он опять начал работать и попал в автомобильную аварию. В тот день на площади около института машина сбила сразу несколько человек. Домой отца привезли сотрудники кафедры, и он сразу, ничего не сказав маме о случившемся, просто попросил налить ему коньяку. Когда же мама увидела у него ссадину на лысине, она стала выпытывать у него, что произошло. А отец только отшучивался: «Да ничего

¹ Кротов Н. Борис Орлов — настоящий профессор. М.: Экономическая летопись. 2018.

страшного, я увидел, что кто-то на меня едет, тут же надул живот, и он в него ударился, а я отскочил как мячик и полетел, считая обороты вокруг своей оси до приземления». Мама после услышанного испугалась, что разойдутся глазные швы, и позвонила Розе Александровне. Роза Александровна, приехав и осмотрев отца, в своей неподражаемой манере сказала: «Нина, всё в порядке, я хорошо его зашила».

Конечно, после всего, что сделала Роза Александровна — продлила возможность отцу полноценной работы вплоть до его смерти, мы не просто уважали её как специалиста высочайшего уровня, но и как очень близкого человека, пришедшего на помощь в трудную минуту. С тех пор мы сдружились с Розой Александровной и особенно тесно общались в последние годы её жизни, оставаясь друзьями более полувека.

Сын и племянник — Орлов Борис Викторович (внук Б. В. Орлова)

Через 25 лет после операции, которую Роза Александровна сделала Б. В. Орлову-старшему, осенью 1992 года она вновь прооперировала Орлова Бориса Викторовича, но уже внука, названного в честь деда Борисом и которого полюбила и даже называла «эрзац-внуком».

Мальчику тогда было 7 лет, он получил тяжёлую травму глаза. Диагноз был не оптимистичный — обширное инфицированное рвано-ушибленное проникающее ранение роговицы с выпадением оболочек стекловидного тела, травматическая катаракта.

Осложняло ситуацию, что травма произошла вне Москвы — в Щёлково. Первую помощь оказала заведующая глазным отделением Щёлковской районной больницы — Надежда Фёдоровна Гусева, к счастью, она была ученицей Розы Александровны, и когда она узнала, что мы знаем Р. А. Гундорову, то крайне настоятельно рекомендовала обратиться именно к ней, поскольку ситуация оставалась всё ещё очень сложной и стоял вопрос об удалении глаза.

После того как врачи разрешили транспортировать Бориса, мы сразу обратились к Розе Александровне.

Воспоминания Ирины Орловой (мама Бориса-младшего)

Приехав на приём к Розе Александровне, охваченные горем и страхом, мы не отдавали себе отчёта за слова, и первое, что выпалили: «Куда ехать? В Европу? В Германию? В Швейцарию? Где спасут глаз мальчику?» Роза Александровна снисходительно посмотрела на обезумевших родителей ребёнка (т. е. на нас) и сказала: «Куда вы собрались? Везде мои ученики, да и в Европе по травме никто толком не работает. Приземляйтесь, у меня всё есть: и оборудование, и необходимые препараты — с вас только уход за пациентом». Операция, которую сделала волшебница Роза Александровна, спасла глаз

Бориса, но хрусталик пришлось удалить, начала развиваться травматическая катаракта. Волшебница, она вновь совершила маленькое, но для нас очень важное чудо — спасла глазик Бориса, глаз не усох.

В августе 1992 года нас выписали из НИИ ГБ им. Гельмгольца, и Роза Александровна, дабы правильно настроить нас психологически, в присущей ей манере общения с пациентами «всю правду без сантиментов», довольно жёстко сказала: «В школу идти, на второй год не оставлять, ваша задача, дорогие родители, — чтобы он жил жизнью обычного ребёнка, а не травмированного инвалида!».

То, что Борис травмированным глазом различал только пальцы перед глазами и толком ничего не видел, всё же не давало мне покоя. Как-то раз я услышала по телевизору, что при похожей травме ребёнку поставили искусственный хрусталик, и он прекрасно видит. С надеждой я обратилась к Розе Александровне за советом и в ответ услышала: «Пиши расписку, что за последствия операции берёшь ответственность на себя, тогда поставлю». И пояснила: «После травмы на роговице образовался достаточно грубый шов, поскольку первая операция была сделана с задержкой почти шесть часов после травмы. Мы скорректировали и стабилизировали ситуацию, а при попытке поставить искусственный хрусталик мы нарушим это равновесие — может пойти отторжение инородного тела и, очень вероятно, потеря глаза. От добра добра не ищут...» Роза Александровна, как врач до «мозга костей», всегда придерживалась принципа: «Не навреди!» Больше с подобными вопросами к Розе Александровне я не обращалась, так как безгранично доверяла её интуиции и профессионализму.

Следуя совету Розы Александровны, мы старались не обращать внимание Бори на его травму. Он ходил с клубом путешественников в дальние сложные пешие походы с рюкзаком и палаткой, ходил по Волге на яле на вёслах и под парусом, научился и сейчас ежегодно гоняет на сноуборде по склонам настоящих гор Швейцарии, Италии и Кавказа. Он научился водить автомобиль, сдал на права и прекрасно водит машину, много и успешно работает. Слава богу и Розе Александровне, он абсолютно не комплексующий парень и сам отец двух славных мальчиков.

Сейчас, вспоминая всё пережитое, мне неловко за наше стремление уехать на лечение за границу, более того, находясь с Борей на лечении в её отделении, я воочию убедилась в том, что она настоящий волшебник: сколько людей со всего мира именно в её отделении, из её рук получили возвращение божественного дара — дара видеть этот мир!

Орлова Елена Борисовна

Последние почти 12 лет жизни Розы Александровны мне довелось очень близко быть рядом с этим удивительным человеком. Я считаю, что Роза Алек-

сандровна по манере держаться, чувству юмора и своим человеческим качествам была очень похожа одновременно и на Фаину Раневскую, и на Веру Пашенную.

Вообще цифры 1 и 2 были очень значимыми в жизни Розы Александровны Гундоровой. Она родилась 21 декабря, ушла 12 декабря в 12 часов, а Наташа, её дочь, родилась 21 июля.

21 июля был особенный день — день здоровья для всего отдела офтальмотравматологии. В этот день в течение многих лет все сотрудники отдела и некоторые из других отделов института собирались на даче Гундоровых. Я и мои родные несколько раз присутствовали на этих посиделках в саду, и нам очень нравилась царившая там непринужденная и дружеская атмосфера. С раннего утра Вилен Александрович, брат Розы Александровны, устанавливал в саду столы. Собиралось человек 25–30. Конкретного времени сбора не было. Приезжали кто когда может, привозили кто что хотел, хотя Роза Александровна это не приветствовала. Но обязательно был шашлык и салат Брикмана (яйца с репчатым луком и майонезом). Роза Александровна готовила селедку под шубой с яблоками по рецепту её мамы и обязательно какой-нибудь суп (как правило, щавелевый). Эта традиция продолжилась и после смерти Наташи. Роза Александровна считала день рождения Наташи днём её памяти. Последний раз такая встреча состоялась в 2013 году, а потом Роза Александровна уже не могла ходить, и сотрудники отдела, и ученики 21 июля и 21 декабря приходили уже к ней домой на Украинский бульвар.

Мы всегда испытывали глубочайшее уважение к Розе Александровне и считали своим долгом обязательно приехать к ней в эти дни. И она с удовольствием встречалась с моей семьёй, но особенно любила моего племянника Бориса, которого оперировала в 1992 году и считала своим как бы внуком, как она говорила, «эрзац-внуком». Она даже разрешала ему лежать у неё на диванах в её присутствии. Со слов Розы Александровны, то же самое она позволяла ещё только одному человеку — актёру и режиссёру Владимиру Басову, с которым дружила много лет.

Как все отмечают, Роза Александровна была человеком с великолепным чувством юмора, оптимистом, но трудоголиком и очень прямым человеком, при всём этом осторожным и мудрым врачом. Она предпочитала работать со специалистами, мнению которых полностью доверяла. Так своих больных на предварительное обследование она отправляла к врачу высшей категории кандидату медицинских наук Ирине Юрьевне Романовой, мнению которой безгранично доверяла. Ирина Юрьевна тоже очень ценила Розу Александровну и в память о ней сделала великолепный фильм.

Роза Александровна не любила менять рядом с собой людей. К новым людям тяжело привыкала. Так много лет ей помогала и была с ней рядом много

лет Татьяна Андреевна Зорикоева (Кордик), как её называла Роза Александровна — «моя верная Матильда». Много лет Роза Александровна проработала со своим секретарём Натальей Дмитриевной Заскальной.

Часто в доме Розы Александровны бывала замечательный человек и прекрасный специалист — профессор, доктор медицинских наук — офтальмолог Ольга Ивановна Кваша — племянница Леонида (Лео) Антоновича Бакерия, с которым дружила Роза Александровна. Ольга Ивановна с большой любовью и пиететом относилась к Розе Александровне, любовно называла её «наш шефчик».

Роза Александровна, безусловно, знала себе цену. Я однажды слышала, как на похвалу в свой адрес Роза Александровна ответила с юмором: «Портных много. Но Версаче — один!» Вообще, юморить она любила и однажды мне рассказывала, как приехала снимать её какая-то телевизионная группа: «Ты представляешь, он весь день ходил за мной хвостом. А потом сказал: “Можно я вам позвоню? Вы такой интересный человек”. А я про себя хихикнула: “Наверное, влюбился”».

Роза Александровна была великолепным диагностом, но считала, что пациенту необходимо говорить только правду. Я несколько раз присутствовала в её кабинете, когда шёл приём больных. Однажды к ней на консультацию привела маму моей знакомой, у которой стало резко ухудшаться зрение. Роза Александровна, посмотрев, как она входит, сразу вынесла родственникам вердикт: «Это не глаза, лечите голову». После исследований диагноз подтвердился. Оказалось, опухоль головного мозга. Или ещё один случай. Пришёл пациент, Роза Александровна после осмотра сказала, что сначала необходимо оперировать один глаз и после этого смотреть, как пойдёт процесс, и только после этого браться за второй. Родственники стали настаивать на одновременной операции, аргументируя это тем, что в другой клинике им сказали, что так можно делать. Однако на это Роза Александровна очень спокойно заявила: «Вот где вам так сказали, туда и идите, но потом ко мне не приходите». Потом она мне говорила, что нет у нас других настолько взаимосвязанных между собой парных органов, как глаза.

Роза Александровна, как волшебник, спасала людям зрение, и её пациенты ей были безгранично благодарны: кто-то мог подарить ей золотой скальпель, кто-то целый год оплачивал персонального водителя. Впрочем, Роза Александровна никогда не ставила эти подарки во главу угла и так же искренне благодарила дедушку, принёсшего ей шоколадку.

Кстати, водитель, помощь которого «подарили» всего на год, стал другом Розы Александровны на долгие годы и возил её на работу до тех пор, пока ей это требовалось. И в его жизни Роза Александровна смогла принять живое участие, всячески поддерживая его. Саша отвечал ей вниманием и уважением.

Роза Александровна много лет дружила с полковником ФСБ из группы «Альфа» — одним из шести кавалеров четырёх орденов Мужества Сергеем Милицким. Сергей поступил в отделение к Розе Александровне с тяжелейшим ранением глаза, ему грозила отставка по состоянию здоровья. Роза Александровна не только сохранила глаз (глаз не видит, но не усох), но и помогла справиться со сложным психологическим кризисом, связанным с частичной потерей зрения. Сергей сумел сохранить свою работу, без которой себя не мыслит. Роза Александровна гордилась этой дружбой, фотография Сергея с товарищами висела в её кабинете на стене за её спиной, и при случае она шутила: «Вы осторожно со мной. За моей спиной вся группа “Альфа”. С Сергеем я тоже познакомилась. Удивительный и благородный человек. У нас установились приятельские отношения».

О своей работе Роза Александровна думала постоянно. Однажды мы ей подарили вакуумную машинку и к ней контейнеры для продуктов. И она сразу отреагировала: «Теперь знаю, как хранить глаза».

Мне было очень комфортно с Розой Александровной, между нами было полнейшее взаимопонимание.

Когда встал вопрос о том, продолжать ли ей работать или получать надбавку к пенсии за орден «За заслуги перед Отечеством» IV степени (с последующей индексацией) или уйти на пенсию, она предпочла небольшую зарплату в должности советника директора института.

Чтобы продолжать помогать своим опытом и знаниями, Роза Александровна хотела получить рабочую группу. Однако по её диагнозу, как мне сказала председатель ВТЭК, об этой группе и речи быть не могло, ей полагалась только первая нерабочая или надо было менять диагноз, пройдя новое обследование, на которое у неё уже не было сил. Когда я приехала к Розе Александровне с этой новостью, она меня спросила: «А как ты думаешь? Соглашаться?» Я ей ответила: «Я считаю, что прибавка к пенсии для вас погоды не сделает. Вы живёте работой, больными, учениками. Они продлевают вам жизнь, поскольку вы чувствуете себя нужной, и только живое общение даёт вам дополнительные силы. Поэтому надо соглашаться на предложение стать советником». После моих слов я увидела на глазах Розы Александровны слёзы, и она сказала: «Ты меня поняла. Спасибо».

Р. А. Гундорова многим помогала и до последнего вздоха говорила: «Что у меня есть? Что у меня осталось? Это мои сотрудники, ученики и мои больные». Она могла их сильно отругать даже с использованием крепкого слова, но за дело, и все это понимали, но всегда была готова помочь, понять, войти в ситуацию и никогда не давала в обиду ни сотрудников, ни учеников, если считала, что они правы. Она была справедлива, и за это её уважали и любили.

Когда Роза Александровна заболела, то оказалось, что у неё накопилось отпусков больше чем на полтора года, так как она всегда считала, что не может оставить отделение, учеников и своих больных больше, чем на 10 дней. Иногда эти 10 дней она проводила в Италии на курорте Абано Терме. Эти поездки ей организовывала директор туристической фирмы Ирочка Карташова, которая, как и я, до сих пор, заходя в храм, поминает Розу Александровну.

Во время болезни она продолжала работать, продолжала руководить отделением, которым руководила более 50 лет, и постоянно переживала, как там они без неё справляются. А когда уже не смогла оставаться заведующей отделением, примерно за год до ухода, то стала советником директора МНИИ глазных болезней им. Гельмгольца, у своего ученика, академика РАН, заслуженного врача РФ, главного специалиста — офтальмолога Минздрава РФ, доктора медицинских наук, профессора Владимира Владимировича Нероева. И несмотря на то, что Владимир Владимирович был её учеником, Роза Александровна никогда это не афишировала, но всегда очень гордилась его достижениями.

В её архиве я нашла относящиеся к периоду 2014–2016 годов черновики статей, брошюры «Советы руководителя», заметки к диссертациям, отчёты о проделанной работе. В её работе в этот период ей помогали ученики и коллеги даже из других городов. Так брошюру «Советы руководителя» ей помог издать главный врач и ведущий офтальмолог-хирург Новосибирской офтальмологической клиники «Эксимер», доктор медицинских наук, академик РАЕН и РАМТН, врач высшей категории, заслуженный врач РФ Владимир Васильевич Кашников.

Роза Александровна продолжала следить за любыми возникающими в институте трудностями и проблемами. Особенно она переживала в 2016 году за историю с воспалением глаз у одиннадцати пациентов от применения препарата «Авастатин». Ей было тяжело ходить, поэтому по собственной инициативе никуда из дома не выезжала. Однако в том случае она сказала: «Пусть меня повезут в инвалидном кресле в любые инстанции, и я докажу, что сотрудники института не виноваты».

Она практически никогда не плакала и не жаловалась, даже вспоминая Наташу, которую она безумно любила. Мы дома называли её «железный Феликс». Только однажды, случайно, когда я была у неё, Роза Александровна пошла за документами в комнату Наташи (после смерти дочери она старалась редко заходить в неё) и, когда она думала, что я не слышу, заплакала. Это был даже не плач, а стон раненой матери.

Наташе было 46 лет, когда она ушла из жизни, она тоже была офтальмологом, защитила кандидатскую диссертацию, всегда ездила с Розой Александровной на все конгрессы, симпозиумы и конференции. В таких по-

ездках она была не только дочерью, коллегой, но и личным переводчиком у мамы. Наташа свободно говорила по-английски. Наташа курила. Я тоже курю. И когда приходила к Розе Александровне, она мне разрешала покурить в комнате и при этом говорила: «Покури. А я понюхаю. Вспомню». Я вспоминаю, что Наташа очень любила яблоки Семеренко и солёные огурцы. Поэтому когда мы с мамой ехали к Розе Александровне, то всегда везли свои солёные огурчики.

Наташа много лет болела красной волчанкой, но жила гораздо дольше, чем обычно живут с таким заболеванием. Она жила только благодаря заботе о ней и безмерной любви как самой Розы Александровны, так и друзей Розы Александровны и самой Наташи.

Роза Александровна рассказывала мне, что постоянно возила с собой необходимые препараты, которыми постоянно поддерживала Наташу. Благодаря такой заботе практически никто (даже очень близкие люди) о заболевании дочери не знал. Об этом стало известно только после ухода Наташи, а до этого некоторые думали, что мать просто потакает капризам дочери.

Роза Александровна до конца жизни поддерживала отношения с друзьями Наташи.

Наташа работала в ФГБНУ «Научно-исследовательский институт глазных болезней», которым руководили долгие годы член-корреспондент АМН СССР, лауреат Ленинской и Государственной премий, Герой Социалистического Труда, профессор Михаил Михайлович Краснов и академик РАН, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный врач РФ, профессор Сергей Эдуардович Аветисов, с которыми Роза Александровна прятельствовала.

До конца своих дней Роза Александровна принимала подруг Наташи — кандидата медицинских наук Ларису Александровну Ильянкову и врача высшей категории Людмилу Григорьевну Буренкову, которые работали вместе с Наташей и которые до сих пор помнят и приходят на могилы Наташи и Розы Александровны.

Прекрасные отношения у неё сложились и продолжались до конца её жизни с другом Наташи — кандидатом медицинских наук, заслуженным врачом-онкологом РФ, заведующим урологическим отделением Федерального клинического центра (г. Химки) Рафаэлем Габбасовичем Биктимировым, как называла его Роза Александровна — Рафо.

Друг, коллега, ученик Розы Александровны, профессор, доктор медицинских наук Катаев Михаил Германович, которого Роза Александровна считала одним из выдающихся хирургов-офтальмологов-пластиков, создал эскиз памятника Наташе. То, что Михаил Германович прекрасный хирург, я убедилась сама. На мою соседку по даче напал ротвейлер, разорвал ей лицо и очень

сильно веко одного глаза. Врачи-пластики лицо собрали, но веко не открывалось. Михаил Германович после осмотра моей соседки сказал, что потребуются три, а может, и больше операций для того, чтобы веко стало подниматься. Но он справился за две операции. Большое ему спасибо.

За годы дружбы с Розой Александровной вначале больше общалась мои родители, особенно мама, потом семья брата после травмы и операции их сына Бориса. Период моего тесного общения с Р. А. Гундоровой начался после ухода Наташи. Эти дни я очень хорошо помню.

В конце сентября 2005 года в отделении у Розы Александровны оперировалась моя тётушка — Инна Владимировна Касьянова, дочь профессора в области электромашиностроения и героя фильма «Неоконченная повесть», где Владимира Тихоновича Касьянова играет Сергей Фёдорович Бондарчук.

Оперировал тётушку замечательный человек и прекрасный хирург, ученик Розы Александровны — профессор, доктор медицинских наук Оганес Георгиевич Оганесян. Потом, к каким бы офтальмологам она ни приходила, все в один голос спрашивали: «Кто так ювелирно вам сделал операцию?»

Второй раз уже в 2015 году тётушка столкнулась с учеником Розы Александровны — главным врачом офтальмологической клиники «Эксимер» в Санкт-Петербурге — Евгением Петровичем Гурмизовым (тётушка живёт в Санкт-Петербурге и в силу преклонного возраста, ей тогда было уже 86 лет, не могла приехать в Москву), который блестяще провёл ей вторую операцию. Тётушка упала при резком торможении автобуса, и у неё произошёл подворот хрусталика и его перемещение в стекловидное тело. Сидя в очереди в клинике «Эксимер», ей один больной рассказал следующую историю: «Два года назад я в США сделал офтальмологическую операцию. Сейчас у меня начались осложнения. Я позвонил в США и сказал, что приеду, но мне ответили, что ехать не надо, в клинике «Эксимер» в Санкт-Петербурге работает замечательный хирург, ученик великой Р. А. Гундоровой — Евгений Гурмизов, который решит вашу проблему лучше, чем это будет сделано у нас». В это время Евгений Петрович, врач высшей категории, кандидат медицинских наук, получил звание «Лучший хирург-офтальмолог Санкт-Петербурга».

Клиника «Эксимер» — крупная офтальмологическая частная клиника, имеющая отделения в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Нижнем Новгороде, Ростове-на-Дону, а география её пациентов охватывает более 50 стран мира. Руководят клиникой талантливые люди, практикующие офтальмологи: главный врач, врач высшей категории, доктор медицинских наук, доцент, академик РАЕН Надежда Фёдоровна Пашинова и ведущий офтальмохирург, медицинский директор клиник «Эксимер», врач высшей категории, доктор медицинских наук, профессор, академик РАЕН Кирилл Борисович Першин.

Роза Александровна принимала активное участие в создании и работе этой клиники, постоянно консультируя её специалистов. А удивительные люди Надежда Фёдоровна и Кирилл Борисович поддерживали её и морально, постоянно приезжая, когда она уже лежала, и материально до конца дней. В доме Гундоровой я с ними и познакомилась, а Роза Александровна сказала нам: «Вы должны держаться друг друга». И с её лёгкой руки мы стали очень хорошими друзьями.

Роза Александровна очень любила собак. Последнюю её собачку звали Айза. Она с ней не расставалась. Но когда заболела и не могла уже гулять с Айзой, то эту собачку взяли Надежда Фёдоровна и Кирилл Борисович.

Но вернусь к последним дням Наташи. Помню, как в пятницу, 23 сентября 2005 года, я приехала в институт навестить после операции тётушку и зашла к Розе Александровне. Когда я вошла, она разговаривала с профессором В. П. Быковым. Они говорили о Наташе. Когда ушёл профессор В. П. Быков, я стала говорить о том, что надо надеяться и бывают чудеса, Наташа поправится. Роза Александровна меня перебила и чётко сказала: «Я сама врач и всё понимаю. Это конец». Тогда я взяла с неё слово, что если страшное случится, то она позвонит мне. Наташи не стало около 23 часов в понедельник 26 сентября 2005 года, а около половины двенадцатого ночи Роза Александровна мне позвонила и сообщила об этом. Когда она мне позвонила, я ей сказала: «Я сейчас выезжаю». На что услышала очень твёрдое: «Нет, я эту ночь буду одна». Но в 8 утра следующего дня я уже была у Розы Александровны, предварительно заехав в храм и заказав молебен. В 9 утра приехал ученик Розы Александровны — кандидат медицинских наук, хирург-офтальмолог Юрий Александрович Капитонов (как ласково называла его Роза Александровна — Капитоша). Юрий очень много помог. Мы с Розой Александровной подобрали фотографию Наташи, и он поехал к моим знакомым в фотолабораторию делать портрет.

С Наташей прощались в Большом зале морга ЦКБ на ул. Тимошенко. Было очень много народу. Перед прощанием я уточнила у Розы Александровны, крещёная ли Наташа, и, получив утвердительный ответ, договорилась о её отпевании по православному обряду. Роза Александровна вначале этого не хотела. Но потом, как она позже сказала, была очень благодарна за это. И тому несколько причин. Роза Александровна очень боялась увидеть Наташу в гробу и попросилась первой войти в зал без всех. Но когда она увидела умиротворённое лицо Наташи, она начала успокаиваться, ещё больше успокоила Розу Александровну, с её слов, панихида, когда зажглись свечи в руках окружающих людей. Но особенно её успокоили слова батюшки, когда после панихиды он подошёл к ней и собой закрыл опускающийся гроб. Роза Александровна очень боялась этого момента.

Новый, 2006, год Роза Александровна хотела быть дома, это был её первый Новый год без Наташи. Поэтому мы уговорили её с собачкой приехать к нам. За три часа до Нового года мой племянник Боря поехал к Розе Александровне и привёз её и Айзу к нам. Но Роза Александровна поставила условие, что сам Новый год она должна быть дома. Поэтому в начале двенадцатого Боря отвёз Розу Александровну и Айзу домой. С этого Нового года пошла традиция нашего общения с Розой Александровной в Новый год. Эти встречи продолжались 8 лет, пока накануне 2013 года Роза Александровна не заболела.

Я постоянно её навещала, особенно часто в последние три года, когда она была уже прикована к кровати.

Однажды, ещё осенью 2005 года, она мне сказала, что какая-то знакомая её спросила: «Что ей (то есть мне) надо от Розы Александровны?» Роза Александровна мне это передала, на что я ответила: «Ничего! У меня всё есть. Но вы — эпоха и история, а мне интересны ваши воспоминания и люди, с которыми вы общаетесь, а ещё вы связываете меня с моим прошлым, когда всё было настоящим и я была счастлива».

Я вспоминаю последнее мероприятие, которое проходило в Концертном зале «Россия» перед его сносом. Это было вручение врачам премии «Доброе сердце», на которое меня пригласили. Билет был на два лица, и я пошла с Розой Александровной. На этом вечере мы встретились с Галиной Волчек. Встретившись, Роза Александровна и Волчек стали обниматься и целоваться как старинные подружки.

Роза Александровна была очень дружна с актёром Георгием Тараторкиным и его женой Екатериной Марковой. Тараторкин в Иркутском академическом драматическом театре им. Н. Охлопкова играл главную роль Колчака в спектакле «Колчак» («Звезда адмирала») по пьесе Сергея Остроумова. Он как-то при мне звонил Розе Александровне и говорил, что спектакль должны привезти в Москву и он приглашает Розу Александровну. И она мне сказала: «Обязательно пойдём с тобой».

Она дружила с Эрастом Павловичем Гариным и его женой Хесей Александровной Локшиной.

Квартира Эраста Павловича находится на 4 этаже дома 17 по Смоленскому бульвару. Сейчас там проживает семья племянника Х. А. Локшиной, с женой которого Татьяной Локшиной мне довелось работать и общаться. Я неоднократно бывала в этой квартире. Когда Роза Александровна узнала об этом, то она рассказала мне о своих отношениях с семьёй Э. П. Гарина и передала мне любимое серебряное с самоцветами кольцо Хеси Александровны, которое та ей подарила. Кольцо до сих пор хранится у меня.

Роза Александровна консультировала А. Пугачёву, которая приезжала к ней домой и подарила коллекцию своих дисков. Она консультировала Лилию Брик, Укупника, Диану Гурцкую и многих других медийных людей.

Она оперировала членов правительства и членов их семей, например, она оперировала тещу Черномырдина, который подарил ей книгу о Киеве.

Оперировала Роза Александровна и высокопоставленных особ стран Востока, таких как брат короля Иордании. Один из таких высокопоставленных пациентов подарил ей установку, которая многие годы стояла у неё в кабинете и с помощью которой она обследовала больных. Как мне рассказывала Роза Александровна, она пользовалась этой установкой более 25 лет. И когда немецкая фирма-изготовитель узнала, что установка в рабочем состоянии после стольких лет эксплуатации, то она произвела реставрацию этой установки за свой счёт.

Роза Александровна выросла среди выдающихся людей. Это и политики, и военные как Советского Союза, так и других стран. Как она говорила, что её даже называли Розой в честь Розы Люксембург.

У меня дома Роза Александровна неоднократно садилась за фортепиано. Она прекрасно играла на фортепиано и очень любила музыку, особенно джаз. Я об этой её любви узнала, когда мы с Розой Александровной были в Кремлёвском Дворце съездов. Компания, в которой я тогда работала, была спонсором творческого вечера Тамары Гвердцители, и по её личному приглашению мы с Розой Александровной присутствовали на этом концерте, Тамара прекрасно вживую исполняла джазовые композиции. В концерте принимали участие и приглашённые артисты, и я узнала, также что Розе Александровне очень нравится творчество участницы концерта Дианы Арбениной.

Мы практически ежедневно созванивались с ней, и я обязательно приезжала к ней раз в 7–10 дней, привозила что-нибудь вкусненькое. Она всегда старалась меня накормить и что-то подарить. Однажды я приехала и попросила чашку чая. Она сказала: «Ну наконец-то, дождалась, а то всё “не буду” да “не буду”». Кроме еды каждый раз, когда я приезжала к ней, мне предлагала что-то принять от нее на память. А незадолго до её ухода она мне сказала: «Возьми в конце-то концов то, что хочешь». И поскольку я уже устала отказываться, я ей ответила: «Я буду копить свои желания и возьму что-то очень большое». Обе посмеялись.

Последние годы жизни Роза Александровна постоянно что-то дарила своим друзьям, ученикам и просто знакомым. Кому картины, кому книги с автографами авторов, кому украшения, кому-то что-то из одежды. Роза Александровна очень любила брюки, особенно бархатные. Когда её не стало, то в гардеробе мы не нашли ни одной юбки. А провозжать в последний путь

женщину, по православному обычаю, надо в юбке или платье. Тогда я взяла её любимые бархатные брюки, отнесла в ателье, и из них ей сделали юбку.

Роза Александровна была в личных делах очень осторожным человеком, никогда и никому не давала в долг, как она говорила: «Чтобы не нажать врагов». Но мне она доверяла и дала генеральную доверенность на ведение всех своих дел от её имени.

Я помогала ей приватизировать квартиру, вела её финансовые дела, оформила через своих друзей медицинскую страховку (страховые компании не берут на страхование людей старше 75 лет, только в порядке исключения, а Розе Александровне было уже 85), чтобы к ней приезжала хорошая скорая помощь, которая, если потребует экстренная госпитализация, срочно отвезла её в одну из клиник ЦКБ, поскольку скорая 03 в эти клиники не возит.

Несмотря на то, что Роза Александровна была консультантом и оперировала как приглашённый хирург в клиниках ЦКБ, она не обслуживалась в поликлиниках Управделами. Одно время Роза Александровна была прикреплена к поликлинике Управделами на 2-й Фрунзенской. У неё даже сохранился пропуск в это медучреждение. Но в поликлинике сменился главный врач, и Розу Александровну, даже не уведомив, сняли с обслуживания. Институт им. Гельмгольца написал письмо с просьбой о прикреплении Розы Александровны к одной из поликлиник Управделами. Но в Администрации Президента нам отказали, сославшись на то, что на момент наступления пенсионного возраста Роза Александровна обслуживалась в районной поликлинике.

Долгое время квартира Розы Александровны была муниципальной и единственной неприватизированной квартирой в её «престижном» доме. В квартире были прописаны она и бывший муж Наташи — Андрей Астафьев. Впрочем, Андрей в квартире не жил. После смерти Наташи Роза Александровна была очень обижена на Андрея и хотела его выписать, но существовавшее в то время законодательство не позволяло это сделать. Позднее Роза Александровна простила Андрея, они часто созванивались, говорили по часу-полтора, он периодически приезжал (особенно когда Роза Александровна уже болела). Роза Александровна говорила, что она уверена в том, что именно он будет для неё сиделкой и будет за ней ухаживать, когда она не сможет оплачивать сиделку, и что он — её охранная грамота. Роза Александровна боялась того, что если одна будет прописана в квартире, то с ней могут что-нибудь сделать. Мне она жаловалась, что паспортистка пару раз обращалась к ней с просьбой прописать в квартире хорошую девочку. Но Роза Александровна каждый раз ссылалась на то, что Андрей против прописки чужих людей, отказывала. Однажды Роза Александровна получила из муниципалитета договор социального найма сроком на 5 лет, так как её квартира не была приватизирована. Тогда Роза Александровна попросила меня заняться приватизацией

квартиры. Мне очень оперативно (буквально за 2 недели) удалось оформить приватизацию квартиры только на Розу Александровну. А Андрей поступил благородно и отказался от участия в приватизации квартиры в пользу Розы Александровны.

Когда в декабре 2013 года Роза Александровна не смогла ходить, я привозила к ней на дом остеопатов. Первый раз я привезла к ней остеопата из клиники «Остеон» Александра Владимировича Кострюкова. Мне пришлось долго уговаривать Розу Александровну, чтобы он её осмотрел. Для меня было удивительно её реакция, она сама врач и не хотела, чтобы её осматривал врач-мужчина. Потом уже моя приятельница — удивительный врач-остеопат и владелица клиники «Остеон» Людмила Сергеевна Бутенко, которая никогда и ни к кому не выезжала на дом, приезжала по моей просьбе несколько раз к Розе Александровне. Людмила Сергеевна с помощью остеопатических процедур помогла, и Роза Александровна уже начала понемножку ходить. Но однажды, когда сиделка ушла в магазин, кто-то позвонил в дверь, Роза Александровна пошла открывать дверь и упала. После этого она уже передвигалась только с помощью инвалидного кресла, которое ей подарили сотрудники её отделения. Кроме того, вскоре после этого случая у Розы Александровны начались сильнейшие боли, которые она терпела больше двух лет. От болей она не могла сама заснуть, только со снотворным, но никогда не жаловалась, терпела. Только однажды, месяца за три до своего ухода, она мне сказала: «Как я устала от этой боли, ты даже не представляешь, как болит».

Роза Александровна не знала, крещёная ли она, но в последние годы жизни она часто молилась и читала молитвы. У неё были иконы. Роза Александровна просила Бога за Наташу и облегчения себе. Я часто заезжала в церковь на Даниловском кладбище, где практически рядом, метрах в 50 друг от друга, оказались похоронены мои родные, Наташа и Василий Иванович — муж Розы Александровны.

Когда заезжала в церкви, я всегда подавала поминальные записочки на Наташу и Василия Ивановича и о здравии Розы Александровны. После посещения храмов я обязательно привозила Розе Александровне свечи и просфоры, чему она была очень рада. Роза Александровна постоянно носила православный крестик.

В последние месяцы жизни Роза Александровна чувствовала, что уходит, и мне регулярно говорила: «Хоронить меня будешь ты». Я выполнила её волю.

Несмотря на то, что Роза Александровна не знала, крещёная ли она, она хотела, чтобы её отпевали. Так и было сделано. Батюшка, служащий при траурном зале, согласился отпеть Розу Александровну.

Роза Александровна мне завещала, чтобы её кремировали и прах захоронили в могилу отца на Новодевичьем кладбище. Во время захоронения праха

и на годовщину смерти Розы Александровны я ходила в Новодевичий монастырь к отцу Сергию, и после моего рассказа о Розе Александровне отец Сергей сказал: «Раз она верила в душе, то будем отпевать и под именем Роза, хотя это имя не православное».

Ведя финансовые дела Розы Александровны, я только по её просьбе снимала денежные средства и пролонгировала договоры. Очень часто, если срочно требовалось, я привозила ей свои деньги. Роза Александровна всегда со мной рассчитывалась, как она говорила, «из заначки». По стечению обстоятельств перед уходом из жизни на счетах Розы Александровны уже почти ничего не оставалось, о чём я поставила в известность брата Розы Александровны — Вилену Александровича, который мне сказал: «Не волнуйся, деньги будут». У Розы Александровны была огромная коллекция книг о художниках. Большую часть этой коллекции она продала. К ней на дом приехал её знакомый и, как она говорила, за очень хорошую цену купил у неё часть этой коллекции.

Однажды Роза Александровна попросила меня сделать у моего ювелира для неё крест и красивую цепочку из золотого лома и рассчитаться за работу из этого лома, если будет лишнее. Я исполнила её просьбу. Работы ей очень понравились. Насколько я знаю, её брат — Вилен Александрович — эту цепочку подарил на память племяннице Розы Александровны — Кате Красовской. Катюша детский хирург, потомственный врач, работает в Детской городской клинической больнице имени Н. Ф. Филатова. Её родители были медиками. Дочка Кати — Наташа — тоже врач. Катя очень часто навещала Розу Александровну. В доме Розы Александровны я и познакомилась с Катей и до сих пор поддерживаю связь с ней. Когда Роза Александровна болела, Катя часто приезжала к ней. Она даже прошла в реанимацию в декабре 2016 года.

Роза Александровна очень любила и была дружна с Павлом Виленовичем Гундоровым, сыном её брата Вилену Александровича, и называла его очень ласково Павлик. Он был моряком-подводником, ровесником Наташи. Они росли вместе. И ушли из жизни примерно одного возраста. Роза Александровна сильно переживала, когда Павлик скоропостижно скончался. В её спальне всегда стоял портрет Павлика. К Артёму, сыну Павлика, Роза Александровна относилась как к своему родному внуку. Баловала его. Я помню, как Артём в телефонном разговоре сказал Розе Александровне, что хочет ноутбук, и она тут же ему купила очень хороший и дорогой и была очень расстроена тем, что Артём отдалился от семьи.

Вообще родственников у Розы Александровны оказалось много. Брат Розы Александровны — Вилен Александрович — проследил между родственниками генеалогические связи до 4-го колена. Древо заняло два ватманских листа с прямоугольниками 2×5 см.

Роза Александровна была дружна с братом и его женой Эммой Ивановной, особенно в годы болезни. Вилен Александрович постоянно навещал Розу Александровну. Я до сих пор поддерживаю отношения с братом Розы Александровны — Виленом Александровичем — и его женой Эммой Ивановной. О ней Роза Александровна всегда говорила: «Эмма образец настоящей жены». Большое человеческое им спасибо за то, что они хотят сохранить память о Розе Александровне и выделили средства на создание этой книги. Роза Александровна в эти годы практически была мне как мать, ведь моя мама умерла ещё в 1995 году, пережив отца на 18 лет.

За две недели до ухода Розы Александровны я с ней разговаривала только два раза. Она почему-то запретила приезжать к ней всем, кроме брата. Один разговор состоялся 24 ноября. Она поздравила меня с днём рождения. Потом она попала в реанимацию, из которой сбежала домой 10 декабря. Последний разговор состоялся утром 12 декабря 2016 года. Роза Александровна мне позвонила около 10 часов утра и очень хриплым задыхающимся голосом попросила снять с её счёта деньги и привезти ей. Но уже около половины 12-го мне с плачем позвонила сиделка и сообщила, что Роза Александровна уходит. Я вскочила в такси и приехала, но уже в начале первого. Я опоздала. В 12 часов Розы Александровны уже не стало.

Как она просила, я стала заниматься организацией её похорон. Мы отключили городской телефон, поскольку постоянно звонили непонятные похоронные агенты.

Позвонили в морг ЦКБ на ул. Тимошенко (Роза Александровна хотела, чтобы с ней прощались там) и объяснили, что Роза Александровна консультировала и оперировала как приглашённый хирург больных в ЦКБ, сотрудники морга помогли организовать прощание на высоком уровне. Было очень много народу. Среди пришедших проститься с Розой Александровной были не только сотрудники её отделения, института, коллеги, пациенты, друзья, родственники, но и «деловые люди».

Поминки были заказаны в ресторане «Веранда», который принадлежит моей подруге. На поминках было более сотни человек. Все места были заняты. За столами, как было сказано, сидели более 70 докторов и кандидатов наук, в основном ученики Розы Александровны. Некоторые приехали из других городов. Народу было бы больше, но всё произошло так быстро, что люди не смогли приехать. Потом мне звонили и узнавали, как найти могилу Розы Александровны, и самостоятельно приезжали. Некоторые специально приезжали на сорок дней, когда хоронили урну с прахом Розы Александровны, и на годовщину.

Заместителем директора Новодевичьего кладбища в это время была моя хорошая, ещё со студенческих времён, знакомая. Она помогла быстро и чётко

организовать похороны. На сорок дней и годовщину отец Сергей из Новодевичьего монастыря служил панихиды, я заказывала поминальные обеды в ресторане «Голубка», рядом с кладбищем. И в эти дни было так же много народу и на кладбище, и в ресторане.

Выполняя последнюю волю Розы Александровны, мы старалась сделать всё, как она просила. Сейчас я часто приезжаю к ней на кладбище.

Несколько слов о муже Розы Александровны — Василии Ивановиче Дроздове — со слов Розы Александровны.

Он был инженером. Их познакомили. Когда Василий Иванович делал Розе Александровне предложение, то предупредил: «Жена должна быть за мужем». И Роза Александровна всегда говорила, что дома она жена, а профессор на работе. Однажды на каком-то вечере к Василию Ивановичу обратились: «Профессор». А он ответил: «Вон там профессор танцует, а я её муж».

Василий Иванович неплохо играл на скрипке, и дома устраивали концерты: он брал скрипку, а Роза Александровна садилась за фортепиано.

Василий Иванович неплохо рисовал. В квартире на Украинском бульваре я в каждой комнате видела его работы. Розе Александровне очень нравились две. Одна из них висела в спальне над кроватью. На ней изображён пейзаж их любимого Дома отдыха. А на другой, в гостиной, на лугу пасутся две лошади — белая и чёрная. Василий Иванович описывал эту картину так: «Это мы с Розой. Она белая, а я — чёрный».

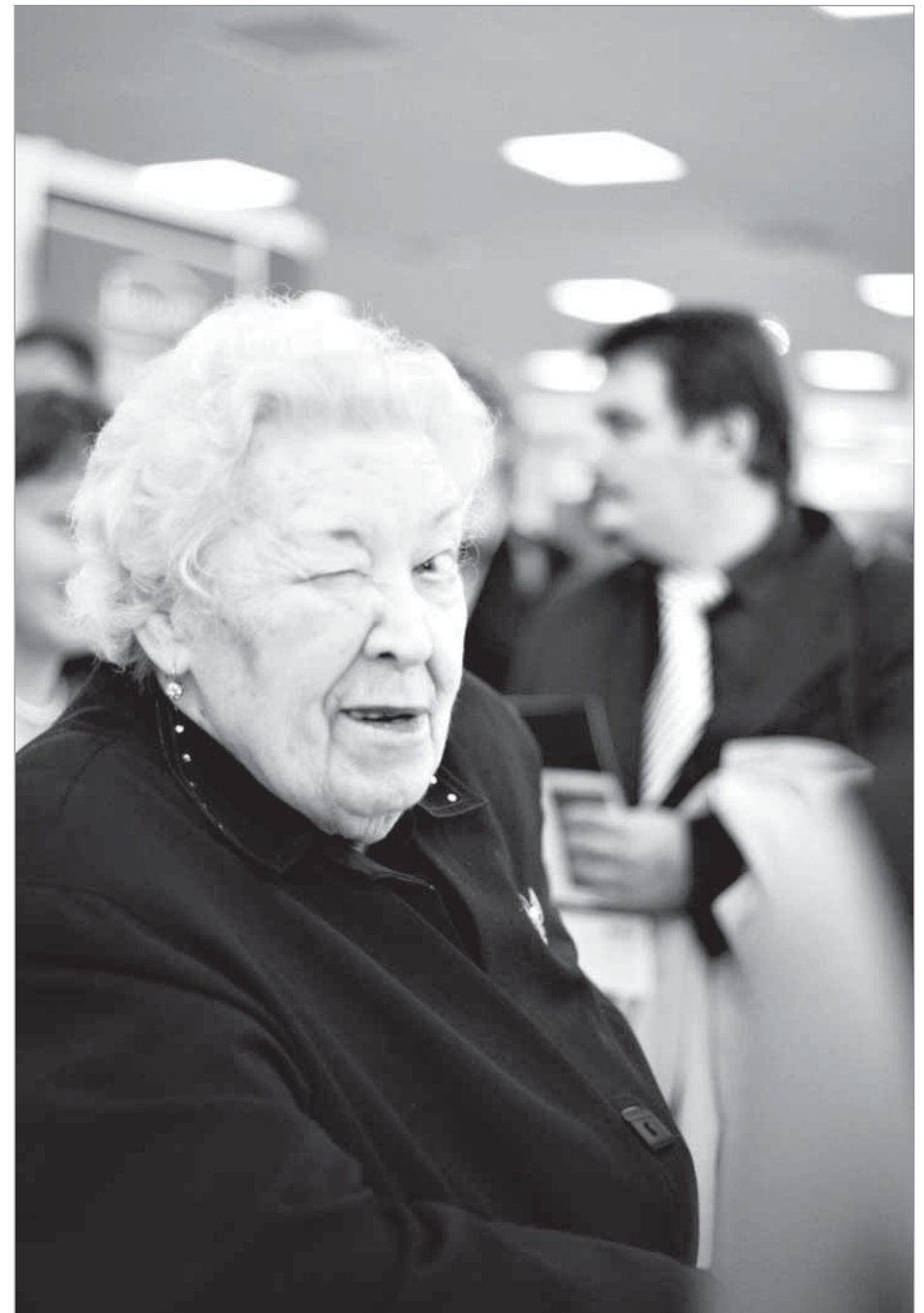
К памятным датам Роза Александровна и Василий Иванович делали домашние журналы с фотографиями и юмористическими подписями под ними и своими стихами. Я нашла эти журналы, разбирая архив Розы Александровны.

Роза Александровна очень любила Василия Ивановича.

Для меня Роза Александровна была благородным человеком, а как говорят: «Благородство — свойство высоких душ». В моей памяти она остается человеком, помнящим и ценящим добро, которое ей делали. И несмотря на кажущуюся жёсткость, Роза Александровна была ранимым и нежным человеком, готовым всегда прийти на помощь. К моему сожалению, как я считаю, мне не так много, как хотелось бы, довелось с ней общаться. Мне её не хватает и сейчас, я часто мысленно с ней разговариваю.

Нам повезло в том, что жизнь свела нашу семью с таким удивительным и светлым человеком, как Роза Александровна Гундорова, которая для нас — **ЧЕЛОВЕК С БОЛЬШОЙ БУКВЫ** во всех отношениях.

Память о Розе Александровне навсегда в наших сердцах!

СОДЕРЖАНИЕ

К читателям.	8
На таких земля держится.	10
Исход.	13
Детство Розы, боевая юность отца.	27
В Москве	31
Будни Розы Александровны.	83
Муж — Василий Иванович Дроздов	88
Дочь — Наталья Васильевна Астафьева (Дроздова)	92
Друзья и приятели	102
Предпочтения, хобби	114
В профессии	125
Ученики и коллеги	140
Основные достижения.	154
О Розе Александровне Гундоровой	160
Юрий Захарович Розенблюм.	160
Агеев Александр Иванович	161
Арестова Наталия Николаевна.	164
Астафьев Андрей Сергеевич	165
Биктимиров Рафаэль Габбасович	170
Бокерия Лео Антонович	174
Вериге Елена Николаевна.	175
Гафурова Лариса Гафуровна	178
Гурмизов Евгений Петрович	179
Иванова Валентина Фёдоровна	181
Кашников Владимир Васильевич	183
Кваша Ольга Ивановна	185
Красовская Екатерина Юрьевна.	189
Милицкий Сергей Владимирович.	191

Содержание

Нарлиев Ходжакули	197
Оганесян Оганес Георгиевич	201
Орлова Елена Николаевна	203
Пашинова Надежда Фёдоровна	206
Петриашвили Георгий Гивиевич	210
Ходжаев Назрулла Сагдуллаевич	213
Воспоминания семьи Орловых о Гундоровой Розе Александровне	215

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ КРОТОВ

РОЗА АЛЕКСАНДРОВНА ГУНДОРОВА
ЖИЗНЬ ГЛАЗА В ГЛАЗА

Подписано в печать 27.10.2021.

Формат 70×100 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 29,5. Тираж 300 экз. Заказ №